

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ**
**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО»**

**ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

**Материалы
Международной научно-практической конференции
(Донецк, 16 декабря 2021 г.)**

Донецк – 2021

УДК 159.923(063)

ББК Ю936я431

Л 666

Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст] : Материалы Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 16.12.2021). Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. – Донецк : ДонНУ, 2021. – 260 с.

В сборник вошли работы ученых, аспирантов и молодых ученых, принявших участие в **Международной научно-практической конференции «Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека»**, состоявшейся 16 декабря 2021 года в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» при участии **ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Тостого»**.

Публикации отражают результаты психологических исследований по следующим направлениям: методологические и теоретические проблемы соотношения личностных и ситуационных факторов в поведении и деятельности человека, поведение человека в кризисных, экстремальных ситуациях и ситуациях неопределенности, самоопределение личности в социокультурной ситуации, влияние современных СМИ и компьютерных технологий на сознание и поведение человека, вопросы специальной психологии, глубинно-психологические детерминанты поведения человека. Авторы раскрывают важные для современного общества психологические проблемы, анализируют феномены, процессы и категории, освещают возможности применения достижений науки на практике, в исследованиях психологических и социальных явлений.

Редакционный комитет:

Гордеева А.В., зав. каф. психологии, канд. психол. наук, доцент

Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доцент

Рекомендовано к печати

Ученым советом филологического факультета

Донецкого национального университета

(протокол № 3 от 23 ноября 2021 г.)

*За грамотность, аутентичность цитат, достоверность фактов и ссылок
несут ответственность авторы*

© Донецкий национальный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Александровская В.Н., Куликова Н.В., Бабенко А.И. Всеобщая теория противоречия как методологическая основа конфликта	6
Ангелина Э.А. Стратегии поведения в конфликте и удовлетворенность браком в молодых семьях	11
Андрюшкова Н.П. Личностная зрелость: к содержанию понятия	17
Бабенко Д.А. Современный взгляд на физиологическую природу мотивации	22
Барьяхтар О.Ф. Саморегуляция личности.....	27
Безродный В.И. Особенности этнической идентичности формальных студенческих лидеров вуза	32
Вандышева Е.Ю. Способы реагирования личности, оказавшейся в роли жертвы в ситуации буллинга	37
Вильдгрубе С.А. Психологические особенности личности, преодолевающей болезнь	42
Вилюжанина Т. А. Категория переживания: теоретико-методологические аспекты	48
Витвицкая В.В. Криминологический аспект поведения личности преступника	53
Гаврилова Е.В. Особенности поведения людей с различными типами акцентуаций характера в условиях неопределённости	58
Гнутова А.О. Гендерные особенности интернет-активности современной молодежи	63
Головлева Е.В. Слухи, сплетни и клевета как массовые психологические явления	69
Голышева Н.В. Факторы развития и возникновения сострадания	74
Гордеева А.В. Динамика изменения этнической идентичности молодежи Донецкой Народной Республики	78
Зеленова О.А. Исследование эмоционального интеллекта студентов с инвалидностью – будущих психологов	84
Иванова И.В. Профессиональная мотивация как внутренний движущий фактор развития профессионализма специалиста психологической службы	87
Картузова Н.А. Особенности субъективной оценки опасности/безопасности среды у студентов с разным уровнем жизнестойкости	91
Кацero А.А. Факторы формирования и изменения социальных установок у студентов с ОВЗ	98
Киселева И.В. Психологические особенности индивидуального предпочтения характера политической информации в средствах массовой информации студенческой молодежью	103

Кокорева О.И. Формирование адекватной самооценки детей дошкольного возраста с речевыми нарушениями как личностной детерминанты деятельности	108
Кононенко И.А. Взаимосвязь компонентов виртуального общения с личностными особенностями молодых людей	113
Косенко К.А., Вильдгрубе С.А. Самоотношение и совладающее поведение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов	118
Кусков А.Е., Иголкина А.В. Распространенные эффекты воздействия массовой информации на человеческое сознание	125
Лещенко С.Г. Специфика речевого развития детей-инофонов в билингвальной среде	131
Лох К.В. Исследование содержания социальной идентичности студентов-психологов	136
Максименко Е.Г. Особенности глубинной психокоррекции личности с фиктивной идентичностью	142
Матвеева И.А., Солдатова Е.Л. Психологические ресурсы в кризисе. Пандемия COVID-19	150
Набатова С.В. Гендерные особенности личности в изображениях картины мира современных подростков	154
Некрасова И.Н. Влияние музыкальных предпочтений на особенности социальной перцепции подростков	159
Папков В.Е. Расстройства аутистического спектра (РАС) в контексте межполушарного взаимодействия	166
Пешкова Н.А. Факторы личностно-профессионального саморазвития учителя	173
Ревуцкая И.В., Березина И.И. Исследование особенностей родительского воспитания как фактора формирования личности	178
Рогозина М.Ю. Взаимосвязь самоотношения и супружеских отношений работающих и неработающих женщин	184
Руденко С.В. К проблеме изучения семейного чтения в современных условиях	189
Сабирзянова И.В. Метакогнитивные процессы в социальной практике	194
Самотаева Э.А. Многодетность как психологический феномен	199
Симинякина Л.В., Пешкова Н.А. Особенности профессионального становления студентов с инвалидностью и лиц с ограниченными возможностями здоровья	204
Ситнова И. В. Механизмы влияния СМИ на поведение человека: от немыслимого к допустимому	208
Соловей Л.Б., Митрофанов Е.П., Мещанин Р.А. Анализ профессионального самоопределения студентов вуза	211
Сороцкий М.С. Экспансивный рост количества курящих женщин как	

результат успешной маркетинговой кампании	216
Сосюра Н.В. Влияние детско-родительских отношений на психическое развитие дошкольников	223
Устинова Н.В. Делинквентное поведение в подростково-юношеской среде: особенности ценностно-мотивационной сферы	227
Фархутдинова Ю.Н. Анализ специфических нарушений письма у младших школьников: нейропсихологический аспект	232
Чуканов Е.В. Идентичность в условиях социальных преобразований	238
Яновская Л.В. Современные подходы к психологии идентичности	242
Яновский М.И. Анализ психологической природы фашизма	247
Ярмыш И.А. Психологическая симптоматика у участников вооруженного конфликта с ПТСР в посттравматический период	254

УДК 159.9.01

ВСЕОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНФЛИКТА

Александровская Валентина Николаевна

д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф.

зав. кафедрой философии и психологии

ГОО ВПО ДОННМУ ИМ. М. ГОРЬКОГО (ДНР, г. Донецк)

Куликова Николь Вячеславовна

студент 4 курса

ГОО ВПО ДОННМУ ИМ. М. ГОРЬКОГО (ДНР, г. Донецк)

Бабенко Александр Ильич

доцент кафедры философии и психологии

ГОО ВПО ДОННМУ ИМ. М. ГОРЬКОГО (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: a_nessy@mail.ru)

В статье раскрывается теория всеобщего противоречия как методологическая основа внутриличностного конфликта. Авторы утверждают, что в основе любых явлений материального (физического) и идеального (психического) миров лежит пара противоположностей, дающие жизнь любому феномену. Эти противоположности являются противоречивым их единством универсального (от слова «универсум») уровня – уровня живой материи. Теория всеобщего противоречия раскрыта в первом законе (законе всеобщего противоречия) диалектико-материалистической методологии научного познания. В работе показано грамотное применение законов всеобщего противоречия западными и отечественными психологами с мировыми именами в разработке не только психологии и конфликта, но и к самостоятельным научным направлениям в психологии в целом.

Ключевые слова: всеобщие противоречия, противоположности, живая материя, диалектическая матрица конфликта.

THE UNIVERSAL THEORY OF CONTRADICTION AS THE METHODOLOGICAL BASIS OF CONFLICT

Alexandrovskaya Valentina Nikolaevna

Dr. Philos. Sciences, Dr. of psychol. Sciences, prof.

head Department of Philosophy and Psychology

M. GORKY DONNMU

Kulikova Nikol Vyacheslavovna

4th year student of the M. GORKY DONNMU

Babenko Alexander Ilyich

Associate Professor at the Department of Philosophy and Psychology

M. GORKY DONNMU

(e-mail: a_nessy@mail.ru)

The article reveals the theory of universal contradiction as a methodological basis of intrapersonal conflict. The authors claim that the basis of any phenomena of the material (physical) and ideal (mental) worlds is a pair of opposites that give life to any phenomenon. These opposites are their contradictory unity of the universal (from the word "universe") level – the level of living matter. The theory of universal contradiction is revealed in the first law (the law of universal contradiction) of the dialectical-materialistic methodology of scientific cognition. The paper shows the competent application of the laws of universal contradiction by Western and domestic psychologists with world-renowned names in the development of not only psychology and conflict, but also to independent scientific directions in psychology as a whole.

Key words: universal contradictions, opposites, living matter, dialectical matrix of conflict.

Актуальность. Проблема методологической точности научного анализа любых явлений всегда является актуальной в науке. Особое значение в частнонаучных исследованиях приобретает методология диалектического материализма. Законы диалектики являются универсальными (от слова «универсум») в живой материи. У них всеобщий методологический характер. В связи с этим целью данной статьи является знакомство с первым законом диалектики – законом всеобщего противоречия. Задача работы – показать применение данного закона в истории научной психологии.

Теория всеобщего противоречия как методологическая основа внутриличностного конфликта. Причина внутриличностного конфликта в рамках названной методологии не сводится к «плохому характеру», к ее «невоспитанности», или к «слабой нервной системе». Такой ответ был бы слишком поверхностным и теоретически ошибочным. Причина внутриличностных конфликтов более фундаментальная и подчиняется всеобщим (универсальным) законам живой материи.

У всеобщих законов нет исключений, их действие однозначно и непременно. Суть всеобщих законов: всеобщее (без исключений) однозначное отношение ко всем формам жизни (природы, человека, общества, мышления, сознания, познания). Всеобщие законы при одних и тех же условиях действуют на глубинном, фундаментальном уровне живой материи. Поэтому эти законы есть явление объективное, необходимое (закономерное для всех форм жизни), существенное (суть живой материи), устойчивое (при одних и тех же условиях), неизменное (повторяющееся). Именно данные особенности всеобщего закона позволяют человеку его использовать в своей деятельности.

При анализе явления живой материи надо исходить из того, что она так устроена, что ее глубинную матрицу, ее «начало начал» составляет противоречие, состоящее из двух половинок (называемых противоположностями). Это касается всех видов и форм живой материи. Например, в физике: «симметрия-асимметрия», «материя-антиматерия», «гравитация-антигравитация»; в химии: «оксиданты-антиоксиданты»; в биологии: «возбуждение-торможение», «гиперфункция-гипофункция»; в

обществе: «адаптация-дезадаптация», «прогресс-регресс»; в психике: «агрессия-спокойствие», «любовь-ненависть», «конфликт-взаимопонимание» и т.п.

Любые противоречия являются естественными. Суть живой материи – в вечном движении: 1) на основе двух противоположных начал; 2) эти две противоположности находятся в антагонизме; 3) однако несмотря на антагонизм, у них – единая (одинаковая) природа. Источником их движения является единство и борьба их базовых, матричных двух противоположностей. В матрице могут быть разные виды взаимодействия противоположностей, но результат один: в борьбе противоположностей происходит выработка энергии для развития окружающего мира.

Любые явления имеют свою противоположность. В рамках диалектической методологии познания уже совсем не является удивительным тот факт, что современные нейрофизиологи обнаружили «зеркальные нейроны». Все в живой материи состоит из двух своих половинок.

Наличие диалектических противоположностей – это естественное состояние живой материи, это две стороны единого целостного предмета (явления, процессов), которые взаимно определяют и вместе с тем отрицают, исключают друг друга в своем существовании.

Суть диалектического понимания живой материи такова, что все сущее – это вечно живая функционирующая субстанция, находящаяся в вечном движении, развитии, в вечной борьбе нового со старым, обновляясь и структурируясь.

Все движение и развитие в живой материи подчиняется только законам диалектики. Никакие науки, кроме диалектики, не способны понять эти процессы и теоретически их объяснить.

Понятие «конфликт» на языке диалектической методологии познания звучит как «противоречие». Чтобы анализировать социальные (общественные) конфликты или внутриличностные конфликты описательного метода здесь не хватит. Надо вскрывать базовые, фундаментальные источники конфликта, а затем работать с ними.

По А.Г. Спиркину противоречие – это определенный тип взаимодействия различных и противоположных сторон, свойств, тенденций в составе той или иной системы или между системами, процесс столкновения противоположных стремлений и сил [3, с. 242].

По Гегелю «противоречие – это корень всякой жизненности и пульсации», «источник всякого движения», «противоречие – вот что на деле движет миром и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить [2, с. 280]. Что касается конфликта, то это предельный случай противоречия.

Теория всеобщего противоречия представляет собой первый закон диалектического способа мышления. Закон противоречия (или: единства и борьбы противоположностей) – это основной закон диалектики. Этот закон – суть и ядро диалектики, так как он раскрывает самую существенную сторону развития – его источник и причину.

Особенность законов диалектики состоит в том, что они фиксируют и работают только с внутренним источником движения и развития всего сущего (всей живой материи). При этом внутренний источник – это энергетический источник, именно в нем – движение и развитие. Внутренний источник движения и развития – это единство и борьба двух противоположных начал всего сущего.

Поэтому противоположности – это естественное состояние любой формы всего живого. Поэтому конфликтов не надо бояться. Это, – во-первых. Во-вторых, существуют формы противоречий (внутренние, внешние, основные, неосновные, антагонистические, неантагонистические) и существуют выходы из них (в виде взаимопереходов, компромиссов и т.п.). В-третьих, поскольку жизнь любого явления начинается с противоречия, то с противоречия ведется анализ и самоанализ явления.

Противоречие – первый закон диалектики со статусом «всеобщего закона» для всего сущего. Выход из данного противоречия разрешает старый конфликт и создает все предпосылки для нового. Цепочка бессмертных разрешений старых конфликтов и выходов из них с зарождением новых является процессом развития взаимоотношений. Поэтому противоречие – это естественное состояние, их надо не избегать, а разрешать и с пониманием дела готовиться к саморазвитию нового противоречия в этой цепочке и т.д.

Концепция противоречия в историко-психологической литературе. Изучение нами всеобщей теории противоречия в мировой психологии подвело нас к пониманию того, что в их теориях методологическую основу составляет категория противоречия, внутренней борьбы и понятие психологической защиты. Кроме того, протекание внутриличностного конфликта связывается с противоречивыми переживаниями.

Всеобщая теория противоречия широко использовалась западными психологами и составила ряд психологических направлений личности: в рамках психоаналитического направления, когнитивной психологии, гуманистической психологии, в концепции психосинтеза, бихевиоризма, интеракционизма, логотерапии и др.

Концепция противоречия широко использовалась в качестве методологического исходного основания в исследовании конфликтов у ряда психологов. Так, среди иностранных психологов идею противоречия в основание исследования конфликтов закладывали иностранные психологи: З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, К. Роджерс, Д. Маслоу, В. Франкл, Л. Фестингер, А. Голднер, Р. Ассаджиоли и др. Среди отечественных психологов эту методологию продолжали А. Лурия и его школа, В. Мерлин, В. Мясичев, Н. Левитов, Л. Славин, Ф. Василюк, Т. Титаренко, Ю. Юрлов, К. Левин и др.

З. Фрейд методологическое противоречие в конфликте видел в том, что у человека в состоянии внутриличностного конфликта происходит столкновение желаний, когда часть личности отстаивает желания, а другая отклоняет их. По К. Юнгу внутриличностный конфликт – это регресс на более низкий уровень психики, т.е. он происходит в сфере бессознательного. У К. Хорни

внутриличностный конфликт анализируется с двух позиций: как столкновение стремлений к удовлетворению желаний и к безопасности и как противоречие «невротических потребностей», удовлетворение которых влечет за собой фрустрацию других.

Гуманистическая психология также использует теорию противоречия для исследования внутриличностных конфликтов, но по-своему. Так, по К. Роджерсу в основе конфликта лежит противоречие, возникающее у личности между осознанными, но ложными самооценками, приобретаемые человеком в течение жизни и самооценкой на неосознаваемом уровне. У Д. Маслоу внутриличностный конфликт – это нереализованная потребность человека в самоактуализации. По К. Левину внутриличностный конфликт – это, прежде всего, ситуация, в которой на субъект одновременно действуют противоположно направленные силы примерно одинаковой величины, когда требуется сделать выбор: между положительной и отрицательной тенденциями; между положительной и положительной тенденциями; между отрицательной и отрицательной тенденциями.

В логонаправлении В. Франкл в основу потери смысла жизни также закладывает всеобщие (универсальные) противоречия.

Когнитивная психология при исследовании когнитивного диссонанса опирается на методологию противоречия. В этом случае когнитивный диссонанс «представляет собой негативное состояние, возникающее в ситуации несоответствия знания и поведения или несовпадения двух знаний», а «субъективно когнитивный диссонанс переживается как дискомфорт» и «поэтому личность стремится устранить его».

У бихевиористов (Д. Скиннер) внутриличностный конфликт трактуется как противоречивый результат ошибочного воспитания. В работах необихевиористов (Н. Миллер, Д. Доллард) конфликт определяется как фрустрация, т. е. реакция на препятствие.

Интеракционизм при анализе внутриличностного конфликта исходит из понимания противоречивого искажения жизненных ролей личностью.

В психосинтезе Р. Ассаджиоли видит сущность внутриличностного конфликта в наличии острых противоречий внутри личности, снижающих цельность «Я». [1, с. 292-293].

Отечественные психологи в научную методологию исследования внутриличностных конфликтов также закладывали принцип всеобщего противоречия: внутриличностный конфликт представлен, когда в поведении индивида сталкиваются две сильные, но противоположно направленные тенденции (А. Лурия); внутриличностный конфликт рассматривается как ««результат острого неудовлетворения глубоких и актуальных мотивов и отношений личности» (В. Мерлин); внутриличностный конфликт как борьба мотивов, которая осознается как противоречивое переживание душевного разлада (Н. Левитов); внутриличностный конфликт как один из видов критических жизненных ситуаций (Ф. Василюк) [1, с. 294].

Выводы. Работа над данной проблемой, изучение специальной литературы позволяет нам сделать ряд выводов. Во-первых, методология диалектического материализма охватывает универсальный уровень исследований. Во-вторых, она хорошо конкретизируется в частнонаучных исследованиях. В-третьих, актуальность овладения методологией диалектического материализма не вызывает сомнения и требует своего дальнейшего изучения.

Список использованных источников

1. Анцупов А. Я. Конфликтология : Учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – Москва : ЮНИТИ, 2000. – 551 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – Москва : Мысль, 1974. – 452 с.
3. Спиркин А. Г. Основы философии: Учеб. пособие для вузов / А. Г. Спиркин. – Москва : Политиздат, 1988. – 592 с.

УДК 159.9

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ

Ангелина Эльвира Александровна

*канд. филос. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: adjon@yandex.ru)*

Статья посвящена анализу проблемы стратегий поведения в конфликте в молодых семьях, специфике их межличностных отношений и выявлению в какой степени указанные факторы взаимосвязаны с удовлетворенностью браком. Представлены результаты исследования причин неудовлетворенности браком: расхождение супругов в оценках и ожиданиях по отношению друг к другу, искажение представления друг о друге, неудовлетворённость индивидуально-психологическими особенностями супруга, неудовлетворённость собой; связь между удовлетворённостью браком и тактикой поведения супругов в конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, индивидуально-психологические особенности, стратегии поведения личности в конфликте.

CONFLICT BEHAVIOR STRATEGIES AND MARRIAGE SATISFACTION IN YOUNG FAMILIES

Angelina Elvira Alexandrovna

*Cand. Philos. Sci., Associate Professor of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: adjon@yandex.ru)*

The article is devoted to the analysis of the problem of strategies of behavior in conflict in young families, the specifics of their interpersonal relations and the identification of the extent to which these factors are interconnected with satisfaction with marriage. The article presents the results of a study of the reasons for dissatisfaction with marriage: the divergence of spouses in assessments and expectations in relation to each other, distortion of the idea of each other, dissatisfaction with the individual psychological characteristics of the spouse, dissatisfaction with oneself; the relationship between satisfaction with marriage and the tactics of behavior of spouses in conflict situations.

Key words: satisfaction with marriage, individual psychological characteristics, strategies of personality behavior in conflict.

Актуальность исследования. В настоящее время отмечается достаточно большое количество тревожных тенденций, затрагивающих брачные отношения. Речь идет о различных кризисах в семейной жизни, которые неизбежно влияют на качество супружеских взаимоотношений. К наиболее встречающимся причинам возникновения кризисных ситуаций в семье можно отнести: нарушенное общение, несовпадение у супругов ожиданий от брака и многое другое. Из-за указанных причин, чаще всего, и происходят конфликты в семье. В результате конфликтов отмечается низкая удовлетворенность браком у супругов. Состояние удовлетворенности/неудовлетворенности браком отражается, практически, на всех областях жизни. Как известно, от удовлетворенности браком зависит устойчивость отношений в семье. Если удовлетворенность браком находится на низком уровне, то это грозит распадом семейных уз. В настоящее время треть всех браков оказывается нежизнеспособной [2].

Изложение основного материала. По мнению исследователя Голод С.И., удовлетворенность браком – это результат адекватной реализации представления о семье, которое сложилось под влиянием столкновения супругов с различными жизненными ситуациями в рамках семейных отношений, семейными событиями, что составляет индивидуальный опыт каждого из супругов в данной сфере [21]. Удовлетворенность браком связывается специалистами с таким понятием как совместимость супругов, которая включает социально-психологический, психологический, физиологический уровни. Опираясь на исследования Голод С.И., отметим, что совместимость – высокая степень взаимного удовлетворения потребностей и поведения друг друга [21]. Совместимость/несовместимость супругов проявляется в особенностях межличностного взаимодействия супругов.

Проблема удовлетворенности браком является предметом исследования у многих ученых (Ю. Е. Алешиной, Г. П. Бутенко, С.И. Голод, В. П. Левкович, Н.Н. Обозова, Т. А. Романовой, В. А. Сысенко, Н. Г. Юркевич, Н. В. Смирновой и др.). Особенности влияния психологических факторов (личностных особенностей, межличностных отношений супругов и др.) на особенности протекания семейных конфликтов изучали А.Я. Анцупов, О.Е. Добрынина, Е.А. Калмыкова, В. Сатир, В.А. Сысенко и др.

Под молодой семьей подразумевается семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей, без ограничения продолжительности брака) при условии, что ни один супруг не достиг 30-летнего возраста [49].

Таким образом, трудности, с которыми сталкиваются супруги, с одной стороны, и недостаточность имеющихся научных знаний о факторах, влияющих на удовлетворенность браком, механизмах ее регуляции как базы для оказания различных видов помощи семье – с другой, обусловили выбор темы данной работы.

Проблема исследования заключается в том, что в представлениях супругов о себе и своем брачном партнере зачастую имеются расхождения. Уникальность семейных отношений обуславливает не только специфику возникновения и протекания конфликтов в семье, но и особым образом отражается на социальном и психическом здоровье всех её членов.

Целью исследования являлось изучение стратегий поведения в конфликте в молодых семьях, специфику их межличностных отношений и выявление в какой степени указанные факторы взаимосвязаны с удовлетворенностью браком.

Методы, применявшиеся в исследовании: методика «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири), тест «Стратегии поведения личности в конфликте» (К. Томас), методика «Характер взаимодействия супругов в конфликтной ситуации» (Ю. Алёшина, Л. Гозман, Е. Дубовская), тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л.Романова, Г.П. Бутенко), описательная статистика, t-критерий Стьюдента, линейный коэффициент корреляции Пирсона.

Данное исследование проводилось в период с января по март 2021 года с семьями до 3 лет совместной супружеской жизни, проживающих в г. Донецке. Всего в исследовании приняло участие 40 человек: 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 21 до 30 лет. Испытуемые состоят в официальном браке. Каждая семья имеет одного ребёнка, жильём обеспечена. Образование у испытуемых среднее или высшее.

В результате исследования были обнаружены несоответствия представлений супругов друг о друге и противоречия в оценке собственного положения в семье, что создает почву для возникновения конфликтных ситуаций (рис. 1).

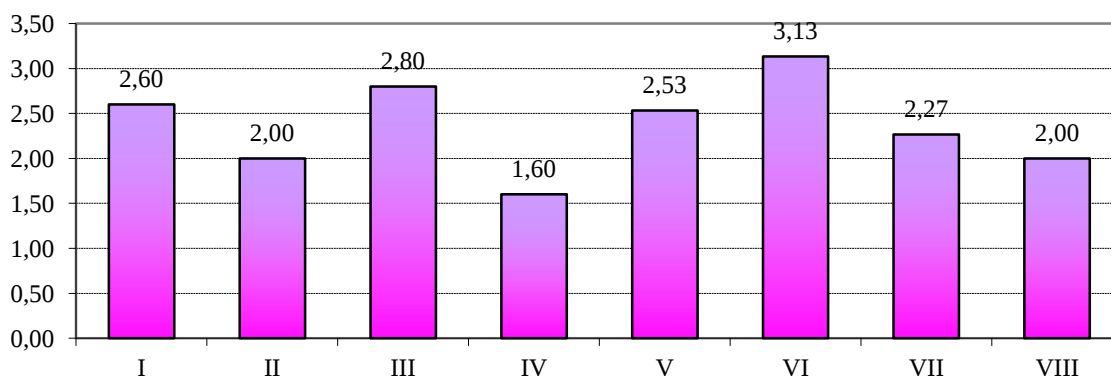

Рис. 1. Средние значения показателей расхождений в оценках реального «Я» у мужей и жен по октантам ДМО

Как видно из рис. 1, у 73,3% семей наблюдаются расхождения в самооценках мужей и жен по октанту «зависимый-послушный» (VI). Расхождения по «прямолинейному-агрессивному» (III) октанту выявлены в 86,7% семей. При этом у 76,9% из этих семей показатель октанта выше у жен, что говорит о том, что им в большей мере свойственна искренность и непосредственность в отношениях, чем их мужьям. Высокие значения по «властно-лидирующему» (I) октанту встречаются у 80% мужей и 60% жен ($p < 0,05$), что указывает на большую выраженность лидерских тенденций у мужчин. При этом большинство женщин претендуют на лидерство в семье. Наибольший конфликтогенный потенциал заключен в недоверии супругов друг другу, а также в отношениях доминирования-подчинения: значимые различия по октантам «независимый-доминирующий» ($t = 3,01$, $p < 0,01$), «прямолинейный-агрессивный» ($t = -2,61$, $p < 0,05$) и «недоверчивый-скептический» ($t = 2,06$, $p < 0,05$). Как мужья, так и жены стремятся к усилению своих лидерских позиций в семье: у 60% мужей и 66,7% жен оценки идеального «Я» по первому октанту превышают оценки реального «Я».

Сравнительный анализ результатов по тесту диагностики стратегии поведения в конфликте К. Томаса при помощи t-критерия Стьюдента обнаружил, что между мужьями и женами существуют определенные различия в стиле поведения в конфликтных ситуациях, возникающих в семье (рис. 2).

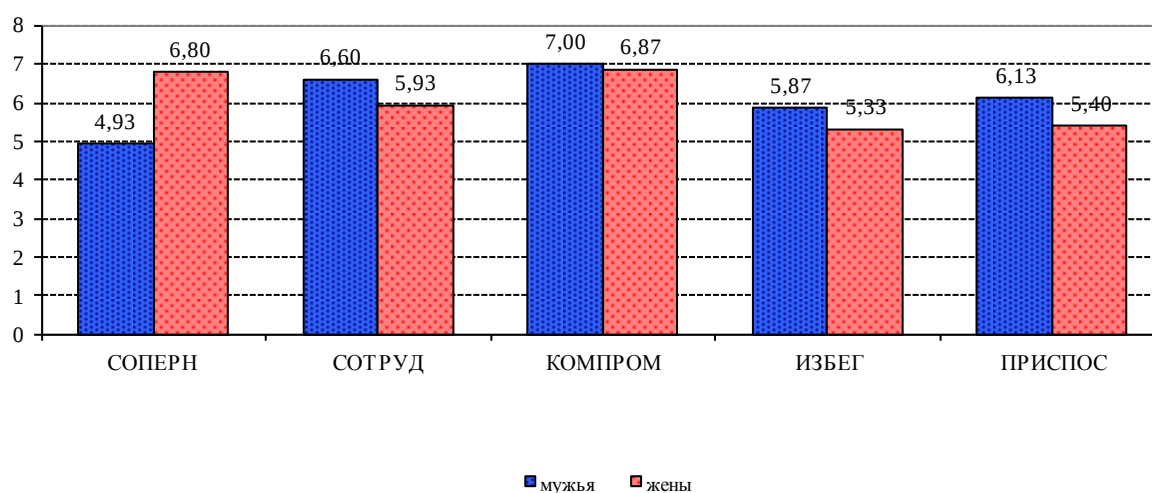

Рис. 2. Средние значения шкал по методике К. Томаса в выборках мужей и жен

Как видно из рис. 2, жены в большей степени, чем мужья, выбирают стратегию поведения в конфликте «соперничество» ($t = 2,62$, $p < 0,05$). Ведущим стилем поведения в конфликтных ситуациях у обоих супругов является компромисс, с той лишь разницей, что у мужей реакции компромисса сопровождаются проявлениями сотрудничества, в то время как у жен – проявлениями соперничества.

Сравнительный анализ результатов по методике «Характер взаимодействия супругов в конфликтной ситуации» при помощи t-критерия Стьюдента выявил, что практически все значения находятся в зоне отрицательных оценок, что

свидетельствует о склонности супругов к пассивным негативным реакциям в конфликтных ситуациях (рис. 3.).

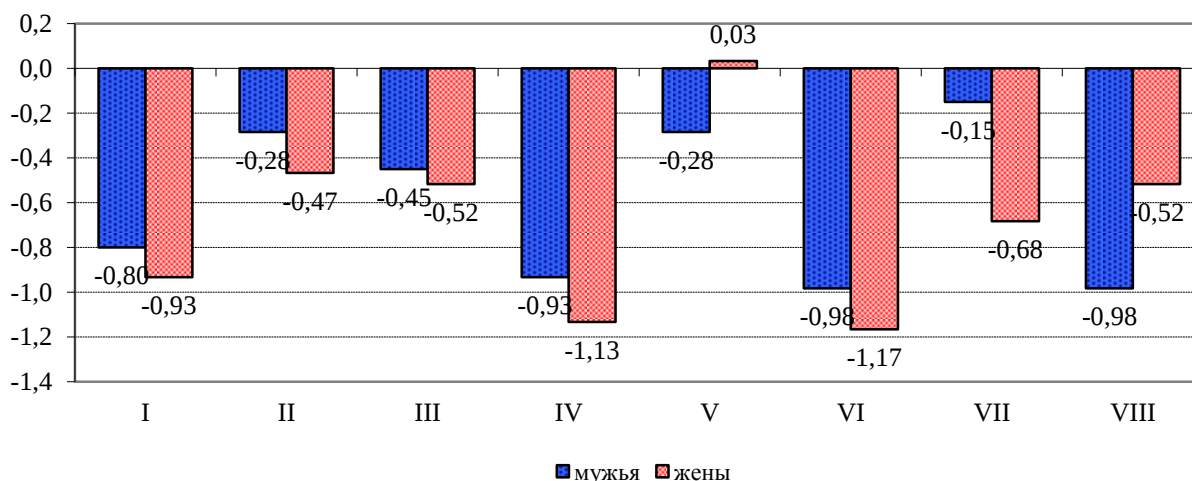

Рис. 3. Средние значения по методике «Характер взаимодействия супругов в конфликтной ситуации» в выборках мужей и жен

Примечание. По оси абсцисс латинскими цифрами обозначены конфликтогенные сферы, где I - проблемы отношений с родственниками и друзьями; II - вопросы, связанные с воспитанием детей; III - проявления стремления к автономии; IV - нарушение ролевых ожиданий; V - рассогласование норм поведения; VI - проявление доминирования одним из супругов; VII - проявление ревности; VIII - расхождение в отношении к деньгам.

Как видно из рис. 3, наиболее конфликтогенными сферами для жен и мужей являются проявления доминирования одного из них и нарушение ролевых ожиданий. У мужей в сравнении с женами конфликтогенным потенциалом обладают ситуации расхождения в отношении к деньгам ($t=-3,68$, $p<0,001$). У женщин интенсивность негативных реакций по шкале «проявление ревности» ($t=-2,25$, $p<0,05$) выше, чем у мужчин. Наименее конфликтогенной сферой в молодых семьях является рассогласование норм поведения.

По тесту-опроснику удовлетворенности браком сравнение средних значений при помощи t-критерия Стьюдента выявило значимое различие на 10% уровне значимости, что говорит о том, что в целом жены менее удовлетворены своим браком, чем мужья (рис. 4).

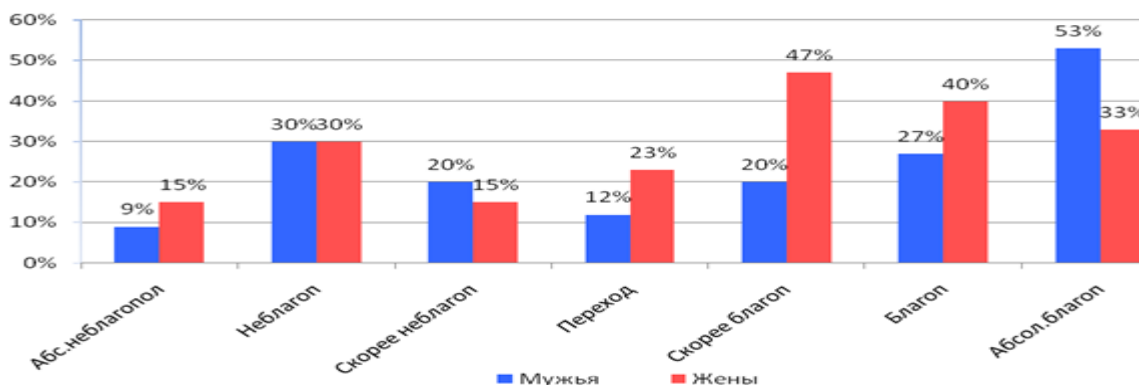

Рис. 4. Средние значения по тесту-опроснику «Удовлетворенность браком» у мужей и жен

Как видно из рис. 4, жены менее удовлетворены своим браком, чем мужья: большинство оценок мужей относится к категориям «благополучные» (27%) и «абсолютно благополучные» (53%), в то время как среди жен абсолютно благополучным считают свой брак 33% выборки и скорее благополучным 47%.

Корреляционный анализ выявил ряд значимых взаимосвязей.

Установлено, что неудовлетворенность супругами друг другом, обусловленная несоответствием реальных характеристик партнера идеальным представлениям, тесно связана с конфликтным реагированием в различных семейных ситуациях. Восприятие своей жены как независимой, доминирующей и неконформной связано у мужей с реакциями соперничества ($r=0,38$, $p<0,05$). К сотрудничеству склонны мужья, оценивающие своих жен как эмоционально неустойчивых, зависимых от мнения значимых других, дружелюбных ($r=0,45$, $p<0,05$). Представления мужей о чертах идеальной жены взаимосвязаны со стилем их поведения в конфликтных ситуациях: прямолинейность, упрямство, вспыльчивость жены (III октант) связаны с соперничающим поведением мужей ($r=0,49$, $p<0,01$). Отсутствие стремления к доминированию и неконформности, с одной стороны, и отсутствие выраженной зависимости, подчиненности жены от мужа, с другой, могут служить причиной конфликтов, которые вызваны рассогласованием норм поведения («независимый-доминирующий» и «зависимый-послушный»): $r=0,39$ и $r=0,37$, $p<0,05$.

Обнаружена зависимость между уровнем конфликтогенности отдельных сфер семейной жизни и индивидуально-психологическими особенностями супругов. Ситуации, вызывающие ревность, представляют определенную проблему для женщин с чертами «властного-лидирующего» ($r=-0,47$, $p<0,01$) и «зависимого-послушного» ($r=-0,42$, $p<0,05$) типов. В ситуациях проявления доминирования одного из супругов более позитивно реагируют жены с чертами «ответственного-великодушного» октанта ($r=0,50$, $p<0,01$). Неудовлетворенность своим зависимым положением в семье у женщин связана с проблемой проявления доминирования со стороны супруга ($r=-0,34$, $p=0,05$) и с проявлениями ревности ($r=-0,31$, $p<0,05$).

Выявлено, что интенсивность негативных реакций в семейных конфликтах связана и с собственной неудовлетворенностью супругов ($p<0,05$). У мужей подобная зависимость проявилась в отношении таких ситуаций как воспитание детей, проявление ревности и расхождение в финансовых расходах ($p<0,05$). У жен неудовлетворенность собой в большей мере связана со сферой отношений с родственниками и друзьями ($p<0,05$).

Показатель удовлетворенности браком в выборке мужей отрицательно коррелирует с оценкой идеального «Я» по «зависимому-послушному» ($r=-0,45$, $p<0,05$) и «ответственному-великодушному» ($r=-0,39$, $p<0,05$) октантам, что свидетельствует о том, что менее удовлетворены своим браком те мужчины, которые хотят развить в себе качества, характеризующиеся этими октантами.

В выборке жен показатель удовлетворенности браком положительно коррелирует с оценкой идеального «Я» по «независимому-доминирующему» октанту ($r=0,54$, $p<0,01$). Следовательно, жены, стремящиеся к независимости,

превосходству над другими, в частности мужем, более довольны своей супружеской жизнью.

В обеих выборках наблюдается отрицательная взаимосвязь показателя удовлетворенности браком со шкалой «соперничества» ($p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что супруги, склонные к решению конфликтных ситуаций с использованием тактики соперничества, в меньшей мере удовлетворены своим браком.

Таким образом, мы выяснили, что существует прямая связь между удовлетворённостью браком и тактикой поведения супругов в конфликтных ситуациях, подтвердилась. Одной из основных причин возникновения конфликтов в молодых семьях является расхождение супругов в оценках и ожиданиях по отношению друг к другу: искажение представления друг о друге, неудовлетворённость индивидуально-психологическими особенностями супруга, неудовлетворённость собой.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют расширить имеющиеся представления о супружеском взаимодействии и условиях удовлетворенности молодых супругов браком. Представленные в работе результаты могут быть использованы в практике брачно-семейного консультирования, в научно-исследовательской работе.

Список использованных источников

1. Айвазова Д. Г. Методические возможности исследования удовлетворенности брачными отношениями / Д. Г. Айвазов // Сибирский психологический журнал Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. – № 51. – С.148–155.
2. Голод С. И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С. И. Голод // Трансформация российской семьи в условиях глобализации : теоретическое и экспериментальное моделирование процессов: сборник РФФИ. – Москва, 2008. – С. 37-56.
3. Полынская Е. В. Влияние семейных конфликтов на удовлетворенность браком молодых супругов / Е. В. Полынская // Ж-л Современные исследования социальных проблем, 2011. – № 2(06). – С. 90-92.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ

Андрюшкова Надежда Петровна

старший преподаватель кафедры психологии

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)

(e-mail:andruchkova@rambler.ru)

В статье представлен теоретический анализ личностной зрелости. Обозначена актуальность исследования данного феномена в современном мире. Дается попытка разграничения понятий зрелости и взрослости личности. Рассмотрены сущность основных этапов развития личности. Опираясь на

основные подходы к пониманию феномена зрелости, дается попытка анализа его структурных элементов и их показателей. Автором отмечается многокомпонентность личностной зрелости, которая проявляется на разных уровнях взаимодействия личности и состоит из социально- психологических и индивидуально- личностных характеристик. Также в данной статье отмечаются, различные виды зрелости их особенности и проявления. Делается вывод, что личностная зрелость выражается через зрелость социальную, эмоциональную и интеллектуальную.

Ключевые слова: личностная зрелость, взрослость, эмоциональная зрелость, социальная зрелость, интеллектуальная зрелость.

PERSONAL MATURITY: TO THE CONTENT OF THE CONCEPT

Andryushkova Nadezhda Petrovna

*lecturer of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail:andruchkova@rambler.ru)*

The article presents a theoretical analysis of personal maturity. The relevance of the study of this phenomenon in the modern world is indicated. An attempt is made to differentiate the concepts of maturity and adulthood of a person. The essence of the main stages of personality development is considered. Based on the basic approaches to understanding the phenomenon of maturity, an attempt is made to analyze its structural elements and their indicators. The author notes the multicomponence of personal maturity, which manifests itself at different levels of personality interaction and consists of socio-psychological and individual-personal characteristics. Also in this article, various types of maturity are noted, their features and manifestations. It is concluded that personal maturity is expressed through social, emotional and intellectual maturity.

Key words: personal maturity, adulthood, emotional maturity, social maturity, intellectual maturity.

Исследование проблемы личностной зрелости обусловлено стремительными изменениями, происходящими во всех сферах жизнедеятельности человека. Изменение формата обучения и работы, связанных с всемирной пандемией, приоритетность цифровых средств коммуникации во время межличностного взаимодействия, ограниченность социальных контактов, то есть новые условия существования, стали толчком для поиска и актуализации собственных психологических ресурсов и возможностей каждой личности, с целью адаптации к реалиям жизни.

Зрелость личности является многоаспектным явлением, проявляющимся в особенностях отношения к себе, своему «Я», установках в межличностном взаимодействии с окружающими, отношении к собственной личной и профессиональной жизни и ее результатам. Таким образом, личностная

зрелость является многомерным конструктом, состоящим из ряда социально-психологических и индивидуально-личностных характеристик.

Личностная зрелость не является возрастной характеристикой, неоднократно подвергавшейся исследованиям. Так, Б. Г. Ананьев отмечал необходимость разграничения взрослости и зрелости. А. А. Бодалев указывает, что взрослость и зрелость – это понятия не тождественные [3]. С точки зрения К. А. Абульхановой и Т. М. Березиной, зрелость не данность возраста, а достижение определенного, соответствующего типу личности образа жизни [1]. Э. Эриксон описывает достаточную слабость взаимосвязи взрослости как возрастного этапа и зрелости как качества личности: индивид, не достигший физической взрослости, может быть морально зрелым, и наоборот [3]. Г. Олпорт также отмечает, что не все взрослые достигают полной зрелости [6].

Представления о сущности личностной зрелости, ее критериев до сих пор недостаточно систематизированы, что затрудняет проведение исследований по данной проблематике, установление целостной картины развития личностной зрелости на всех этапах онтогенеза. Сущность этапов развития личности определил С. Максименко. Первый уровень характеризуется отсутствием рефлексии собственного внутреннего мира, который только формируется. На этом уровне личностные качества создаются в процессе преодоления трудностей, в достижении собственных целей. На втором уровне развития личность формирует собственное окружение, предполагает последствия и планирует события, выбирает друзей и т.д. На третьем уровне личность становится субъектом собственного жизненного пути, который он сам выбирает, а также – субъектом развития своего собственного внутреннего мира, то есть формирует собственное «Я» [5]. Итак, процесс развития личности может быть представлен как постепенное овладение собственным внутренним миром, а именно: на первом уровне духовное Я учится контролировать активность биологического Я, на втором уровне – берет под контроль проявления социального Я, а на третьем (высшем) уровне – формирует сама себя и выполняет функции интегрирующего фактора внутри триады.

Личностная зрелость, по мнению Е. Штепы, существует «в виде онтологического ядра личности, важного для эго-идентичности. Она является одновременно критерием личностного роста и проявлением личностного потенциала человека» [9]. То есть, личностная зрелость включает совокупность психологических свойств, ведущих для принятия себя, самоопределения, автономности и открытости к формированию нового опыта опираясь на собственные личностные характеристики. Личностная зрелость является динамическим процессом, предусматривающим, как подчеркивает, Л. И. Анциферова накопление человеком определенных признаков, которые постоянно трансформируются и усложняются, а именно: развитие и выход за пределы сложившейся ситуации; самоидентификация, самораскрытие и экстраполяция себя в будущее; конкретизация способа собственного личного существования; обогащение своего ценностно-смыслового пространства, путем познание других; формирование иерархических свойств психической

организации; планирование собственного развития; формирование личности как самоорганизация и типизация отношения к себе и другим; развитие мотивации, путём осознания смысла жизни; поддержка постоянной незавершенности, связи с новыми видами деятельности; открытие путей и способностей к самопреобразованию; повышение гибкости и легкости при переходе с одного организационного уровня на другой – более прогрессивный и здоровый; рост собственного личного пространства [2]. Следовательно, важным признаком личностной зрелости есть способность к самопознанию.

Важную роль в процессе развития личностной зрелости играет активность личности. Так, по мнению К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной, для каждой личности существует определенный ритм жизни, оптимальный для нее, временные потенциалы, создающие основу для нарастающей способности личности овладевать своими естественными психическими возможностями и особенностями, превращать их в ресурсы своей активности, с последующим использованием или сознательным применением своей активности как ресурса самовыражения, самореализации в формах жизни, деятельности, общения. Чем более зрелым и гармоничным является ряд этих преобразований, осуществляемых личностью, тем более зрелой она становится [1].

Большинство исследователей, трактуя сущность различных видов зрелости, концентрируют свое внимание не только на тесной связи социального и психологического развития личности, но и на их фактической интеграции, что позволяет рассматривать зрелость как психосоциальный феномен. Мы полностью поддерживаем мнение Н.А. Антоновой и Л.И. Рыбачук, которые определяют, что структурными компонентами личностной зрелости являются: интеллектуальная зрелость, эмоциональная зрелость, социальная зрелость.

Интеллектуальная зрелость личности заключается в способности и готовности к использованию приобретенных знаний в предметной деятельности, к логическому мышлению, к рефлексии и творчеству [8]. Ведущими признаками интеллектуальной зрелости являются характеристики когнитивной сферы, уровень ее развития, имеющийся потенциал и успеваемость личности в разных видах деятельности.

Эмоциональная зрелость характеризуется совокупностью психологических свойств личности, обеспечивающих возможности идентифицировать и контролировать свои эмоции и эмоциональные состояния окружающих. Эмоциональную зрелость можно рассматривать как версию эмоционального интеллекта личности, включающего такие компоненты как идентификация эмоций; эмоциональное содействие мышлению; понимание эмоций; управление эмоциями. Конечно, указанные показатели эмоционального интеллекта не полностью отражают эмоциональную зрелость личности, однако освещают весомые ее показатели, наряду с эмоциональной гибкостью, эмпатией, компетентностью в сфере эмоций [4]. Основными критериями эмоциональной зрелости личности являются: способность осознавать и понимать свои и чужие эмоции; способность выражать эмоциональные переживания; способность адекватно демонстрировать и

выражать эмоции, чувства в различных социальных ситуациях, учитывая нормы выражения эмоций в конкретных жизненных ситуациях и собственное эмоциональное состояние; способность принимать собственные эмоции и отвечать за них; способность естественно, спонтанно выражать пережитые эмоции в мимике, жестах, интонации и т.д.

Социальная зрелость отражает совокупность психологических свойств личности, позволяющих эффективно взаимодействовать с другими личностями в системе межличностных отношений. Социальная зрелость предполагает соответствие самопрезентации и поведения человека требованиям и ожиданиям общества, ответственное исполнение им социальных ролей, под которым понимается соблюдение определенного сценария выполнения каждой роли [8]. Социальную зрелость некоторые исследователи рассматривают как результат социального развития личности, ее успешного приспособления к социуму, поэтому ее можно выразить через коэффициент социального интеллекта, свидетельствующий об уровне адаптации человека к окружающей среде. Критериями социальной зрелости являются: активность, рефлексия, ответственность, самостоятельность, умение конструктивно взаимодействовать с окружающей средой [4]. Социально зрелая личность демонстрирует следующие качества: способность понятно, четко и ясно выражать свои мысли, намерения и желания; способность принимать себя как часть общества и одновременно дифференцировать себя и других; уважительное и толерантное отношение к другим людям в обществе; способность рассматривать различия между собой и другими не как угрозу, а возможность получения новой информации; способность объективно воспринимать окружающих; способность быть ответственным за свои мысли, поведение, деятельность; владение развитыми коммуникативными навыками, которые облегчают взаимодействие с другими в обществе.

Таким образом, опираясь на взгляды ученых, можно утверждать, что зрелость личности является процессом и результатом развития личности, становления ее внутреннего мира, которое невозможно без социального взаимодействия на каждом этапе ее формирования. Особенности восприятия личностью себя, своих возможностей и перспектив, отношение к другим, во многом зависит от уровня развития когнитивных и эмоциональных процессов, являются неотъемлемыми элементами, от которых зависит процесс психологической зрелости личности и уровень зрелости, которого человек может достичь. Личностную зрелость необходимо рассматривать как многоуровневое, многокомпонентное образование, уровень развития которого зависит от ряда важнейших факторов и этапов жизни человека. Она проявляется в сфере самосознания, социального взаимодействия, профессиональной реализации и т.п. Личностная зрелость есть интегрированный феномен, структуру которого составляют эмоциональная, интеллектуальная и социальная зрелость. Каждый из этих компонентов имеет свои показатели, а их фиксация позволяет определить определенный уровень зрелости личности.

Список использованных источников

1. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – Санкт-Петербург, 2001. – 304 с.
2. Анциферова Л. И. К психологии личности как развивающейся системе. Психология формирования и развития личности. – Москва, 1981. – С.3-33.
3. Балык А. С. Психологическая зрелость личности: теоретические концепции и подходы / А. С. Балык, О. П. Цибуленко // Общество : социология, психология, педагогика. – 2016. – №. 12. – С.124-125.
4. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость : обоснование понятия / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 44-54.
5. Максименко С. Д. Источники и движущие силы жизненной энергии (нужды) личности / С. Д. Максименко // Мир психологии. – 2013. – №. 4. – С. 213-224.
6. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / Г. Олпорт. – Москва, 2002. – 462 с.
7. Реан А. А. Акмеология личности / А. А. Реан // Психологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 88-95.
8. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социальнопсихологического развития человека» в контексте андрагогики / Г. С. Сухобская // Психология обучения. – 2004. – № 4. – С. 17-20.
9. Штепа О. С. Феномен особистісної зрілості / О. С. Штепа // Соціальна психологія. – 2006. – №1. – С.62-77.

УДК 159.943

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКУЮ ПРИРОДУ МОТИВАЦИИ

Бабенко Дарья Андреевна

аспирант кафедры социологии управления

ГОУ ВПО «Донецкая Академия управления и государственной службы при

Главе Донецкой Народной Республики» (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: daria-babenko@mail.ru)

В статье рассматривается мотивация, которая определяется как возбуждение поведения в стремлении к цели и является фундаментальным элементом нашего взаимодействия с миром и друг с другом. Каждое действие человека мотивировано удовлетворением своих основных потребностей, включая пищу, воду, секс и социальное взаимодействие. Удовлетворение этих потребностей является условием выживания, но во всех случаях цели должны быть достигнуты в соответствующих количествах и в подходящее время. Следовательно, мотивационный драйв должен модулироваться как функция внутреннего состояния и внешних условий окружающей среды. Регулирование мотивированного поведения достигается за счет скоординированного действия стимулирующих факторов.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, поведение людей, потребности, мотивационные факторы.

PHYSIOLOGY OF MOTIVATIONS

Babenko Daria Andreevna

*Postgraduate student of the Department of Sociology of Management
GOU VPO «Donetsk Academy of Management and Civil Service under the
Head of the Donetsk People's Republic» (DPR, Donetsk)
(e-mail: daria-babenko@mail.ru)*

The article examines motivation, defined as arousal of behavior in pursuit of a goal, which is a fundamental element of our interaction with the world and with each other. Every human action is motivated by the satisfaction of their basic needs, including food, water, sex, and social interaction. Satisfying these needs is a condition of survival, but in all cases the goals must be achieved in the appropriate quantities and at the right time. Therefore, the motivational drive must be modulated as a function of the internal state and external environmental conditions. The regulation of motivated behavior is achieved through the coordinated action of stimulating factors.

Key words: motivation, stimulation, human behavior, needs, motivational factors.

Постановка проблемы. Понимание того, что движет поведением людей, – поистине важно. Важным является и понимание того, что движет людьми как личностями и что поддерживает индивидуальные различия в уровнях мотивации среди друзей и коллег; почему нарушаются мотивационные процессы. Мотивированное поведение включает в себя биологические и психологические процессы, которые претерпели эволюцию на многих уровнях, от отдельных молекул до конкретных видов социальной организации.

Анализ исследований и публикаций. Концепция мотивации – это сводная концепция того, как прошлое и текущее состояние человека взаимодействуют, чтобы модулировать целенаправленную деятельность. Один из общих аспектов мотивированного поведения заключается в том, что оно ведет к цели, и достижение цели является вознаграждением. Таким образом, мотивация, определяемая как возбуждение поведения в стремлении к цели, является фундаментальным свойством любого обдумывающего поведения.

В статье рассмотрены взгляды на мотивацию таких учёных как Н.Р. Григорьев, В.К. Вилюнас, П.Б. Торопов, что позволило исследовать феномен мотивации [1; 2; 3]. Уделяется внимание нейропсихологическим и психофизиологическим аспектам нарушения мотивации (Ф. Херцберг) [5], мотивации в норме и при психической патологии (К. Ahmad) [6], а И.П. Павлов рассматривал уровни и виды мотивации, а также феномен «рефлекса цели» [4].

Анализируя литературу сущности мотивации, можно сделать вывод о наличии множества подходов к физиологии мотивации и соответствующих её видах и уровнях.

Изложение основного материала. Различают мотивации низшие (первичные, простые, или биологические) и высшие (вторичные, сложные, или социальные). Биологические мотивации (мотивации голода, жажды, страха, агрессии, половые, родительские, температурные и др.) направлены на удовлетворение ведущих биологических потребностей организма. И.П. Павлов называл эту группу мотивации основными влечениями организма. Близко к этой группе мотивации примыкают так называемые позывы к мочеиспусканию и дефекации. Все эти мотивации, как правило, являются врожденными и формируются целиком на основе наследственных механизмов. Характерно, что созревание различных биологических мотиваций осуществляется избирательно и последовательно в различные возрастные периоды, например, половые и родительские мотивации созревают позднее, чем мотивации голода или жажды [4].

Непосредственной причиной возникновения биологической мотивации являются преимущественно раздражители внутренней среды, связанные с изменением различных ведущих показателей, определяющих нормальное течение обменных процессов в организме (например, уровня питательных веществ осмотического давления, состояния половых клеток, различных гормонов и т. д.). Эти изменения тех или иных гомеостатических показателей, определяющие возникновение различных биологических мотиваций, составляют так называемые внутренние потребности организма, которые, будучи в значительной степени тканевыми и гуморальными изменениями, выступают, таким образом, в роли материальных стимулов биологических мотиваций [4].

Наряду с этим мотивации могут быть вызваны специальными внешними, так называемыми ключевыми или «освобождающими» факторами (рилизингфакторами), например, видом или запахом противника, полового партнера, пищи, воды или другими раздражителями, удовлетворяющими основным биологическим потребностям. Однако в основе и этих мотиваций также лежат врожденные, наследственно обусловленные внутренние механизмы. Так, агрессивные реакции обусловлены определенными изменениями нервных центров под влиянием адреналина и норадреналина, выделяемых соответствующими структурами при определенных условиях, половые реакции – воздействием половых гормонов на нервные центры и т. д. Соотношение внешних и внутренних факторов в возникновении мотивации в разных условиях может меняться.

Биологические мотивации нередко относят к разряду сложных безусловных рефлексов, или инстинктов. Вместе с тем имеются и качественные отличия мотивации от рефлекторных форм деятельности. Еще в 1916 г. И.П. Павлов в статье «Рефлекс цели» указывал на то, что «основные влечения» организма представляют в отличие от рефлекторных реакций на внешние стимулы такую форму деятельности, когда животные и человек, стимулируемые внутренними потребностями, настойчиво ищут специальные

внешние раздражители. Именно настойчивый поиск отличает мотивации от рефлекторных реакций на специальные стимулы [4].

Социальные мотивации человека, такие как стремление к получению образования, овладению определенным родом профессией, познанию искусства, литературы в отличие от биологической мотивации формируются индивидуально в процессе общественного воспитания, которое в значительной степени влияет у человека и на биологические мотивации. Так, голод, страх, половые возбуждения приобретают у человека социальную окраску, и их удовлетворение приурочивается к определенному социально обусловленному месту и времени. Как биологические, так и социальные мотивации определяют практически все формы выраженной целенаправленной деятельности живых существ. При этом наблюдается своеобразная иерархия мотиваций. Ведущая в биологическом или социальном плане потребность становится доминирующей, а остальные выстраиваются по отношению к ней в определенной иерархической зависимости. После удовлетворения ведущей потребности, доминирующей становится другая, наиболее важная в данных условиях потребность и т. д.

Одна из самых ранних психологических теорий мотивации, теория драйва Халла, утверждала, что поведение возникает для уменьшения биологических потребностей, тем самым оптимизируя потенциал организма к выживанию [5, с. 112]. Однако в теории Халла мотивационное влечение функционировало исключительно для того, чтобы активизировать реакцию, влечение не отвечало за инициирование или поддержание направления действия. Позже мотивация была концептуализирована как состоящая из целенаправленного компонента, так и из активационного компонента возбуждения. Это структура мотивации, которая все еще используется. Так что, если бы мотивация была вектором, его длина представляла бы амплитуду или интенсивность преследования, а угол вектора представлял бы его сосредоточенность на конкретной цели [5, с. 113].

На каждом уровне эти факторы делают более или менее вероятными целые классы определенных действий. Мы предполагаем, что обычно существует иерархическая структура мотивации в том смысле, что общие факторы возбуждения, такие как циклы сна и бодрствования, будут влиять на множество различных мотивов. Что активация определенных мотивов (например, голод, жажда, социальные мотивы) реализует действия, которые могут привести ко многим конкретным результатам в рамках общего класса целей, и что более точные во времени и ситуации факторы определяют конкретные действия, предпринимаемые для достижения этой цели [1, с.46].

Имея это в виду, ясно, что сбои в мотивации могут происходить на нескольких уровнях контроля, что предполагает наличие нескольких взаимодействующих способов устранения сбоев.

На мотивацию влияет множество различных факторов, включая внутреннее физиологическое состояние организма, текущие условия окружающей среды, влияние социума, а также прошлую историю и опыт организма.

По словам П.Б. Торопова, почти во всех этих обстоятельствах мотив, окружающая среда, физиологическое состояние не будут новыми, следовательно, информация также будет подвергаться процессам обучения и поиска. Все комбинированные процессы приводят к взвешиванию всех затрат и выгод, связанных с мотивом [3, с.82].

Эти *расходы*, связанные с поведенческими действиями, могут включать в себя физическое усилие, умственное усилие, время, потерю потенциальных возможностей, дискомфорта и опасность (риск боли и потенциальной смерти).

Эти *преимущества*, связанные с поведенческими действиями, могут включать удовлетворение физиологических и психологических потребностей, получение подкрепления, вторичного по отношению к этим потребностям, спасение от вреда или избегание некоторых из перечисленных выше затрат.

Чтобы лучше понять мотивацию мозга, можно использовать разные подходы. Существует множество подходов, которые рассматривают клиническую, экспериментальную и сравнительную психологию и несколько подполей нейробиологии, включая когнитивную, молекулярную, клеточную, поведенческую и системную нейробиологию. Это означает, что конкретные вопросы или отдельные гипотезы могут рассматриваться и часто рассматриваются на нескольких уровнях анализа [6].

Действительно, наиболее убедительные результаты получаются тогда, когда исследовательские программы объединяют несколько методов или используют информацию, полученную при помощи нескольких различных способов, для предложения (и проверки) новых гипотез.

Учитывая современный акцент на процессах вознаграждения, как на фундаментальном компоненте мотивации, обнадеживает тот факт, что современные когнитивные / поведенческие подходы к пониманию мотивации сосредоточены на создании случайностей вознаграждения, которые изменяют недостатки или эксцессы в поведении. Н.Р. Григорьев описывает, как у пациентов с депрессией методы повышения мотивации имеют решающее значение для улучшений, связанных с лечением, в рамках когнитивной реабилитационной терапии [2, с. 40]. Что касается зависимости – управление непредвиденными обстоятельствами является доказуемо эффективным психосоциальным лечением расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ. Центральная концепция управления непредвиденными обстоятельствами заключается в том, что внешние мотиваторы используются для изменения поведения людей.

Выводы. Чтобы определить механизмы, которые будут эффективны при расстройствах мотивации, анализ ситуаций должен быть сосредоточен на тех же конкретных процессах, которые затрагиваются у людей. Дефицит мотивации возникает при ряде психических расстройств, затрагивающих большую часть населения, и серьезное нарушение мотивации может иметь разрушительные последствия.

Итак, возникающее понимание о существовании множества систем, управляющих мотивацией на уровне не только организма, но и внешней

окружающей среды, приведет к разработке новых эффективных механизмов стимулирования, которые будут более всеобъемлющими, чем те, которые были разработаны в прошлом.

Список использованных источников

1. Вилюнас, В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
2. Григорьев, Н.Р. Высшие функции мозга и основы физиологии поведения / Н.Р. Григорьев. – Благовещенск: Амурская государственная медицинская академия, 2010. – 75 с.
3. Торопов, П.Б. Формирование поведения: практическое применение идей бихевиоризма / П.Б. Торопов // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2011. – № 11. – С. 81-85.
4. Павлов, И.П. Рефлекс цели [Электронный ресурс] / И.П. Павлов – Режим доступа: <http://www.biochemi.ru/chems-625-1.html>. – Дата обращения: 30.11.2021.
5. Херцберг, Ф. Мотивация к работе. [Перевод с англ. Д.А. Куликов] / Ф. Херцберг, Б. Боснер, Б. Блох Снидерман. – Москва: Вершина, 2007. – 240 с.
6. Ahmad, K. Leadership and Work Motivation from the Cross Cultural Perspective [Электронный ресурс] / K. Ahmad // International Journal of Commerce & Management, 2013. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1108/10569210910939681>. – Дата обращения: 28.11.21. – Заголовок с экрана.

УДК 159.9

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Баряхтар Оксана Федоровна

*старший преподаватель кафедры психологии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(e-mail: oksana-neverland@mail.ru)*

В статье представлен теоретический анализ психологического содержания понятия саморегуляция личности. Рассмотрены подходы и взгляды ученых, которых занимались данной проблематикой. Определен психологический смысл саморегуляции личности.

Ключевые слова: личность, воля, мотивация, саморазвитие.

SELF-REGULATION OF PERSONALITY

Baryakhtar Oksana Fedorovna

*Senior lecturer of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: oksana-neverland@mail.ru)*

The article presents a theoretical analysis of the psychological content of the concept of self-regulation of personality. The approaches and views of scientists who have been engaged in this problem are considered. The psychological meaning of personality self-regulation is determined.

Key words: personality, will, motivation, self-development.

Научная проблема заключается в том, что понятие саморегуляция личности остается неоднозначным, отсутствует четкость и ясность в его понимании. Саморегуляцию личности изучали многие ученые, однако единого объяснения этого феномена до сих пор нет, и дискуссии продолжаются. По нашему мнению, саморегуляция является основной движущей силой человека. Саморегуляция это возможность «взять себя в руки» и двигаться дальше, развиваться, проявлять себя в полной мере. Человек всегда имеет выбор, кем ему быть и чем заниматься.

Целью работы является теоретический анализ понятия саморегуляция личности, рассмотрение его психологических особенностей.

Исследование саморегуляции личности начались со второй половины 1980-х годов XX века. И.О. Иванников отмечал, что довольно позднее развертывание проблематики саморегуляции личности объясняется ее неразрывной связью с проблематикой воли, которая на протяжении долгих лет не заняла должное место в понятийной системе психологической науки [3, с. 301].

Понятие саморегуляция актуализируется сквозь призму гуманистического подхода, в котором личность рассматривается с позиции свободы, выбора, активности, способности к саморазвитию (А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, В. Франкл). Как самостоятельный предмет исследования саморегуляция рассматривается в социальной когнитивной теории личности А. Бандуры. Ученый считал, что саморегуляция личности формируется с помощью поведения и мышления. Мышление каждого человека имеет свои особенности, как и его индивидуально-типологические свойства [2, с. 244].

С точки зрения отечественной психологии проблематика саморегуляции поведения личности выступает важной составной частью принципа единства сознания и деятельности. Все, что мы делаем зависит от наших мыслей, а наши мысли возникают из сознания. Но вместе с тем, все наши действия имеют свой отпечаток в нашем сознании и оказывают влияние на наше будущее, эти явления взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга.

Среди значимых проблем саморегуляции следует назвать механизм регуляции различных форм поведения, регуляторные особенности процесса осознания субъектом деятельности собственной позиции, взаимосвязь саморегуляции с предметным миром. Суть заключается в регуляции собственного Я и его взаимовлиянии на все, что находится вне его. Саморегуляция обеспечивает человеку адекватное существование в мире,

гармонию с ним и самим собой. С.Л. Рубинштейн по поводу определяющего характера активности человека в собственном поведении и его регуляции описывает как процесс единства внутренних и внешних особенностей психики человека, которые имеют целью достижение определенной цели. Ученый отмечал, что регулятивные процессы выражаются в характере личности, исходя из этого включены во все виды деятельности активности человека и гарантируют успех его деятельности. Связь регуляции и активности является неразрывной при развитии личности в целом [7, с. 355]. Проблематика саморегуляции довольно часто рассматривается сквозь призму деятельностного подхода. С. Л. Рубинштейн считал достаточно правильным объяснение личности через ее проявления в деятельности. Для него была важна роль, значение деятельности в личностном становлении индивида: «все психические процессы, с изучения которых начался наш анализ психического содержания деятельности человека, протекают в личности, и каждый из них в своем реальном протекании зависит от нее» [7, с. 147].

Деятельность, является той базой, которая составляет основу всех психических процессов, можно сказать, что деятельность – это следствие их развития. По мнению К. Абульхановой-Славской, деятельность и является той базой, которая содержит саморегуляцию как структурное образование личности, являясь сочетанием целенаправленных действий, реализуются в принятии осознанных решений, избрании в оценивании способов реализации цели, самоанализ поступков, определения позиций в отношении событий, ситуаций и ценностного отношения личности относительно самой себя. [1, с. 170]. К. Абульханова-Славская, считает, что наиболее целесообразно изучать саморегуляцию сквозь призму личностного подхода. В вопросе о соотношении понятий личность, субъект и индивидуальность автор утверждает, что рассматривать личность как субъект уместно через понятие саморегуляции, которое в свою очередь, является своеобразным координатом разномодальных личностных явлений в преодолении противоречий во время той или иной деятельности. Таким образом, человек предстает как субъект собственного поведения и деятельности, процесса саморегуляции. Человеком управляет его сознание, мысли, характер и все проявления саморегуляции [1, с. 177]. В особенностях организации процесса саморегуляции проявляются существенные свойства активности человека, его социально-психологического отражения внешних условий, выработка системы нравственных взаимоотношений, взаимодействие с окружающей средой. Саморегуляция осуществляет необходимую, желаемую связь конкретного человека с внутренним и внешним миром. Очевидно, в таком толковании личностной саморегуляции ведущую роль играют потребности, мотивы, направленность личности, то есть внутриспсихические детерминанты человека, то, что движет личностью и благодаря чему она живет. При этом последствия интерпретации следует искать в том, изменяет ли она объективную позицию индивида в жизнедеятельности, помогает ли ему в реальной борьбе за достойную жизнь, дает ли выход из существовавших

отношений, изменяя объективное протекание событий, выполняются ли все поставленные цели [1, с. 177].

Проблематика саморегуляции личности в дальнейшем все более интересно и противоречиво исследуется современными учеными (М. И. Боришевским, В. А. Иванниковым, О. А. Конопкиным, Ю. А. Миславским, В. И. Моросановой, Г. С. Никифоровой, А. К. Осницким). Одним из наиболее значимых, по нашему мнению, является исследование О.А. Конопкина, в котором он отражает структурно-функциональную модель усвоенного саморегулирования деятельности человека. «Мы стремились представить процесс саморегуляции в максимально обобщенном виде, в модели, которая максимально эмансипированная от конкретных особенностей деятельности и вместе с тем является универсальным средством конкретного анализа различных видов деятельности в интересах решения широкого круга практических задач организации процесса труда» [5, с. 196]. В его трудах понятие саморегуляции было освещено как целостная сложная система. Также были выявлены принципиальные закономерности, четко выделены составляющие компоненты, их функции и процессные взаимосвязи. Модель отражает информационный аспект процесса саморегуляции, по мнению О. А. Конопкина саморегуляция «системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижения принимаемых человеком целей» [5, с. 5-12]. Наше сознание представляет довольно интересные для нас самих явления, которые между собой активно взаимодействуют, что собственно и имеет в себе саморегуляцию как следствие из этой связи [5, с. 197]. По мнению ученого, функциональная структура процесса саморегуляции включает в себя следующие элементы: принятая субъектом цель деятельности, что является главным на данном этапе жизни личности; субъективная модель значимых (существенных) условий деятельности, от чего зависит, насколько комфортно и удобно будет идти к своей цели; программа собственно выполнения действий, четкий план, которому нужно следовать. Модель, которая была разработана О.А. Конопкиным, по своему составу полностью отвечает и опирается на общую схему регуляции в целом. Впервые она была обоснована П.К. Анохиным для регуляции целенаправленного поведения организма вообще, которая принята в теории авто математического регулирования и кибернетической науке. Польза данной модели для этого исследования заключается в том, что она отражает принципиальные закономерности процесса осознанного регулирования, значит она адекватна произвольной деятельности человек. Не все в жизни человек хочет делать, много действий мы должны выполнять, потому что просто надо, ведь это будет полезным и важным для нас же самих.

Продолжая исследования в 1990-х гг., О.А. Конопкин и его ученики изучали явление саморегуляции осознаваемой активности субъекта в различных видах деятельности. Методологической основой этих

исследований стал субъектный или субъектно-деятельностный подход, предполагающий, что активность и деятельность человека не могут быть безличностными, бессубъектными, у них есть свое начало и конец, свои названия и основы. В.И. Моросанова наблюдала за индивидуальными стилями саморегуляции. Ею были исследованы взаимосвязи особенностей личности с индивидуальными особенностями ее саморегуляции произвольной активности [7, с. 510]. По результатам обобщения этих комплексных исследований была развита концепция усвоенной саморегуляции произвольной активности человека. Ее основные положения заключаются в том, что саморегуляция – это целостная система, которая помогает реализоваться целостности субъекта. Чем выше уровень саморегуляции у человека, тем более гармоничной личностью он является [4, с. 11]. Согласно субъектному подходу главным в изучении вопроса психологических механизмов саморегуляции является их личностные детерминанты как мотиваторы выбора субъектом стиля активности, который необходим именно в этот период и который более присущ конкретной личности для достижения цели. Способность к самостоятельности и саморегуляция в контексте этого подхода является одной из основных характеристик активности субъекта наряду с творческим характером активности и способности субъекта изменять окружающий мир. Активность не возможна без саморегуляции личности, что свидетельствует о том, что это взаимосвязанные вещи [6, с. 12]. Понятно, что когда мы рассматриваем личность как субъект деятельности и сознания, то необходимо рассматривать не только деятельностный аспект, но и субъективный. На достижение личностью любых ее целей влияют индивидуальные особенности, поэтому изучать понятие саморегуляции важно сквозь призму субъектного подхода. Деятельность возникает тогда, когда есть цель, а цели у разных людей довольно резко отличаются. Именно поэтому и саморегуляция имеет неодинаковую почву и основу у каждого человека.

Выводы. Исходя из всего вышеуказанного, следует заметить, что саморегуляция – это процесс, который позволяет человеку осуществлять все свои планы, замыслы и цели. Вследствие того, что понятие является достаточно новым, взглядов относительно его толкования достаточно много. Саморегуляция поясняется сквозь призмы поведения, мышления, индивидуальные особенности, деятельность. Проведя анализ имеющихся источников, можно сделать вывод: понятие саморегуляции – это сложное образование, которое базируется на самосознании личности, благодаря которому человек способен к самоконтролю, деятельности, саморазвитию, имеет свое начало в индивидуальных особенностях личности. Человек благодаря саморегуляции осуществляет активность в той или иной деятельности, которая приводит его к цели, которую он поставил в начале. Тематика является достаточно интересной, сложной и спорной, поэтому перспективы дальнейших исследований понятия саморегуляции, мы видим в

более детальном и углубленном изучении этой проблематики, обращая особое внимание на важность индивидуальных особенностей личности.

Список использованных источников

1. Абульханова-Славская К. А. О субъекте психической деятельности / К. А. Абульханова Славская. – Москва : Мысль, 1993. – 299 с.
2. Бандура А. Теория социального научения: пер. с англ. Н. Н. Чубарь / А. Бандура. – Санкт-Петербург : Евразия, 2003. – 320 с.
3. Иванников В. А. Основы психологии / В. А. Иванников. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 336 с.
4. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека: структурно-функциональный аспект / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. 1995. № 1. – С. 5–12.
5. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О. А. Конопкин. – Москва : Наука, 1980. – 254 с.
6. Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека / В. И. Моросанова // Психологический журнал, 2002. Т. 23. № 6. – С. 5–17.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 720 с.

УДК 371; 39; 37.015.3; 37.013

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФОРМАЛЬНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ВУЗА

Безродный Владимир Иванович

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: bezrodnyuy@rambler.ru)*

Приведены результаты эмпирических исследований двух групп студентов (формальных лидеров и среднестатистических студентов). На основании проведенных методик по изучению особенностей этнической идентичности и статистической обработки данных можно сделать вывод о наличии существенных различий в показателях исследуемых групп студентов вуза.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая группа, отношение, формальный лидер.

PECULIARITIES OF ETHNIC IDENTITY OF FORMAL STUDENT LEADERS OF THE UNIVERSITY

Bezrodny Vladimir Ivanovich

*Cand. psychol. Sci., Associate Professor of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: bezrodnyuy@rambler.ru)*

The results of empirical studies of two groups of students (formal leaders and average students) are presented. Based on the methods for studying the characteristics of ethnic identity and statistical data processing, it can be concluded that there are significant differences in indicators in the indicators of the studied groups of university students.

Key words: ethnic identity, ethnic group, attitude, formal leader.

Одной из индивидуально-психологических особенностей личности является этническая идентичность, которая предполагает осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической общности и обособление от других этносов и позволяет человеку ощутить свою значимость, найти свое место в жизни [2,5]. В период студенчества этнические установки становятся устойчивыми, укрепляется осознание своей этнической принадлежности, заканчивается формирование этнического мировоззрения [4]. В этот период большое влияние на становление личности оказывают сверстники и референтные группы. Особое влияние может оказывать лидер группы, который играет важную роль в формировании групповых целей, ценностей и мировоззрения [1,3]. На наш взгляд, с учетом сложившейся социально-политической ситуации в регионе, влияние лидера на группу будет особенно значимым.

Исследование проводилось на базе ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». В исследовании приняло участие 70 человек, среди которых 35 старост и 35 среднестатистических студентов. Возраст испытуемых от 18 до 23 лет. Среди них студенты различных специальностей филологического и экономического факультетов.

В исследованиях использовались: опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) и анкета для исследования содержания этнической идентичности, субъективного благополучия, этнической толерантности.

Таблица 1.

Распределение этнических групп в выборках

Варианты ответов	Формальные лидеры	Среднестатистические студенты
Русский (русская)	50 %	42%
Украинец (украинка)	22 %	30 %
Представитель ДНР	23 %	20 %
Другое	5%	8 %

Результаты ответов на вопрос о том, к какой этнической группе себя относят студенты, представлены в (табл.1).

Отвечая на вопрос о том, какие чувства у студентов вызывает принадлежность к своей этнической общности, студенты указали следующее: (табл. 2).

Таблица 2.

Чувства, вызванные принадлежностью к своей этнической общности

Чувства	Формальные лидеры	Среднестатистические студенты
Гордость	40 %	20 %
Счастье	5 %	5%
Спокойная уверенность	50 %	40%
Никаких чувств	5 %	35%
Обида	-	-

Сравнение полученных данных с помощью критерия χ^2 Пирсона свидетельствует о том, что между показателями студентов двух выборок существуют значимые различия ($p \leq 0,05$).

Отвечая на вопрос о том, что для студентов означает быть представителем своей этнической группы, представители двух выборок в большинстве случаев (более 85% среди среднестатистических студентов и более 80% среди формальных лидеров) отмечают, что это возможность быть частью определенной общности, состоящей из похожих друг на друга людей и имеющих определенные точки соприкосновения во взглядах, ценностях и убеждениях (к примеру, среди наиболее часто встречаемых ответов были следующие: быть частью большой семьи; быть частью группы, имеющей определенные ценности, общую культуру; быть частью сплоченной общности; быть частью Родины и т.д.). Остальные давали ответы, касающиеся эмоционально-оценочного переживания своей этнической принадлежности (к примеру, быть гордым, уверенным и т.д.).

Результаты отношения студентов к другим этническим группам представлены в (табл. 3).

Таблица 3.

Отношение к представителям других этнических групп

Отношение	Формальные лидеры	Среднестатистические студенты
Положительное	80 %	60 %
Нейтральное	10 %	35 %
Отрицательное	10 %	5 %

Анализ результатов с помощью критерия χ^2 Пирсона показал, что между показателями студентов двух выборок существуют значимые различия ($p \leq 0,05$).

Отвечая на вопрос, о том, с кем бы они предпочли учиться и работать, большинство студентов двух выборок указали, что для них не имеет значения,

будут ли одноклассники или коллеги одной с ними этнической группы или другой (табл. 4).

Таблица 4.

Отношение к взаимодействию с представителями других этнических групп

Предпочтения	Формальные лидеры	Среднестатистические студенты
Группа с представителями разных этнических групп	20 %	10 %
Группа только с представителями своей этнической группы	5 %	5 %
Не имеет значения, все равно	75 %	85 %

Значимых различий с помощью критерия Фишера между отношением к взаимодействию с представителями других этнических групп не было выявлено.

Подобным образом, отреагировали студенты на вопрос о том, обращают ли они внимание на принадлежность к этнической группе при выборе друзей (табл.5).

Таблица 5.

Отношение к дружбе с представителями других этнических групп

Предпочтения	Формальные лидеры	Среднестатистические студенты
Друзья должны быть из одной этнической группы	5 %	5 %
Этническая принадлежность не имеет значения	5 %	10 %
Этническая принадлежность не важна, главное, чтобы друг был хорошим человеком	90 %	85 %

Значимых различий с помощью критерия χ^2 Пирсона между отношением к дружбе с представителями других этнических групп не было выявлено. То есть студенты отмечают, что этническая принадлежность не является для них важным критерием для выбора друзей, в данном вопросе большую роль играют человеческие качества.

Таблица 6.

Различия между результатами студентов по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой

	Средние баллы формальных лидеров	Средние баллы среднестатистич. студентов	t-эмп.	Значимость
Этнонигилизм	4,26	7,71	6,51	$p \leq 0,01$
Этническая индифферентность	3,69	10,20	11,42	$p \leq 0,001$
Позитивная этническая идентичность	14,20	10,57	6,54	$p \leq 0,01$
Этноэгоизм	1,97	2,37	1,53	не значимо
Этноизоляционизм	2,00	0,97	4,7	$p \leq 0,01$
Этнофанатизм	1,60	1,49	0,68	не значимо

Это говорит о том, что студенты, принявшие участие в исследовании, толерантно относятся к представителям разных этнических групп и имеют высокую готовность к тому, чтобы взаимодействовать с ними как в рамках рабочей, учебной сферы, так и в плане личных отношений.

Результаты сравнительных исследований по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой представлены в (табл. 6).

ВЫВОДЫ:

1. Среди студенческих лидеров большинство студентов относят себя к представителям русской этнической группы; среди остальных часть лидеров отождествляют себя с украинской этнической группой (22%) и 23 % лидеров указывают, что считают себя представителями ДНР. Принадлежность к своей этнической группе представляется большинством из них как возможность быть частью определенной общности, состоящей из похожих друг на друга людей и имеющих определенные точки соприкосновения во взглядах, ценностях и убеждениях, что соответствует представлениям среднестатистических студентов.

2. Студенческие лидеры, размышляя о своей этнической идентичности, в большинстве случаев испытывают спокойную уверенность от принадлежности к своей этнической группе или же их переполняет гордость за свою принадлежность к ней. Они также продемонстрировали высокую готовность к межэтническому взаимодействию как на групповом уровне, так и на индивидуальном, отмечая, что они положительно относятся к представителям других этнических групп и имеют высокую готовность к тому, чтобы учиться, работать с ними и иметь дружеские отношения.

3. Этническая идентичность студенческих лидеров характеризуется сочетанием позитивного отношения к собственному народу, к своей этнической группе с позитивным отношением к людям, которые являются представителями других народов и других этнических групп. Подобная особенность может быть обусловлена полиэтническим обществом, сформированным в нашем регионе. Такая этническая идентичность позволяет придерживаться оптимального баланса толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, что позволяет уважать ценности, традиции своей группы, но при этом взаимодействовать с представителями других этнических групп и принимать во внимание их ценности и традиции. Стоит отметить, что при этом они имеют сформированные, устойчивые представления и позиции по поводу своей этнической принадлежности.

4. Формальные лидеры с высоко развитыми лидерскими способностями в большей мере направлены на поддержание благополучия в межэтнических отношениях, но отсутствие баланса в стремлениях к достижению успеха и избеганию неудач приводит к тому, что они могут переходить грань и действовать в ущерб интересам представителей других этнических групп или же дистанцироваться от них.

Список использованных источников

1. Авдеев П. А. Психология лидерства. От теории к практике / П. А. Авдеев. – Москва : ЛитРес, 2018. – 236 с.
2. Керимов М. М. Этническая идентичность как одна из разновидностей коллективной идентичности / М. М. Керимов // Молодой ученый. – 2016. – №2. – С. 950-953.
3. Маркелова Ю. В. Ступени профессионализма лидера студенческой группы в системе высшей школы / Ю. В. Маркелова // ВЕСТНИК ОГУ. – 2013. – № 5. – С.78-96.
4. Никулина И. В. Формирование лидерских качеств у студентов / И. В. Никулина // Журнал «Самарский научный вестник». – 2016. – № 10. – С.29-41.
5. Шамянов Р. М. Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности / Р. М. Шамянов // Вестник РГНФ. – 2014. – №1 – С.134-145.

УДК 378.014:15

СПОСОБЫ РЕАГИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ, ОКАЗАВШЕЙСЯ В РОЛИ ЖЕРТВЫ В СИТУАЦИИ БУЛЛИНГА

Вандышева Екатерина Юрьевна

психолог в социальной сфере

ТОГБУ СОН «Забота», педагог-психолог

ФГБОУ ВО «ТГУ им. Г.Р. Державина» (РФ, г. Тамбов)

(prostokaty85@mail.ru)

В статье рассматриваются варианты поведенческого реагирования личности, оказавшейся в роли жертвы в ситуации буллинга на примере профильных классов университета и студентов первых курсов среднего профессионального образования. Сделана попытка анализа поведенческих реакций и их соотношение в зависимости от гендерной принадлежности индивида.

Ключевые слова: поведенческие реакции, буллинг, роль жертвы, психологические особенности, гендерные различия.

WAYS OF REACTING TO A PERSON WHO FINDS HIMSELF IN THE ROLE OF A VICTIM IN A BULLYING SITUATION

Vandysheva Ekaterina Yurievna
psychologist in the social sphere

TOGBU SON "Care", pedagog-psychologist
TSU named after G.R. Derzhavin (Russian Federation, Tambov)
(prostokaty85@mail.ru)

The article examines the variants of the behavioral response of a person who finds himself in the role of a victim in a bullying situation on the example of specialized classes of the university and first-year students of secondary vocational education. An attempt is made to analyze behavioral reactions and their correlation depending on the gender identity of the individual.

Key words: behavioral reactions, bullying, the role of the victim, psychological characteristics, gender differences.

В современной школе такое явление как буллинг встречается достаточно часто. Фундаментальные исследования этого феномена впервые проводились норвежским психологом Д. Ольвеусом. Много лет работая над этой темой, в 1993 г. он опубликовал ставшее общепринятым определение травли в среде детей и подростков: буллинг (травля) — это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [1].

По данным ВОЗ в России среди подростков в возрасте 11 лет примерно 22% мальчиков и 17% девочек подвергались травле, по крайней мере, дважды в течение последних 2 месяцев; среди подростков в возрасте 13 лет около 14% мальчиков и 19% девочек подвергались травле, по крайней мере, дважды в течение последних 2 месяцев; среди подростков в возрасте 15 лет 12% мальчиков и 10% девочек подвергались травле, по крайней мере, дважды в течение последних 2 месяцев. Сравнивая статистику ВОЗ по данному вопросу в России и других европейских странах, можно сделать вывод, что российские показатели значительно превышают средние показатели по тем странам, которые участвовали в исследовании.

В нашем исследовании принимали участие учащиеся университетских профильных классов ТГУ им. Г.Р. Державина и студенты 1 курса Тамбовского

колледжа искусств. В исследовании принимали участие 126 человек, 42 учащихся мужского пола и 84 учащихся женского пола. Исследование проводилось анонимно, указывались только пол и возраст.

Учащиеся университетских профильных классов и студенты Тамбовского колледжа искусств – это выпускники, получившие основное общее образование в различных школах города Тамбова и Тамбовской области. Городские и сельские школы, в которых обучались выпускники, имеют разный уровень обучения и воспитания, это позволяет более широко оценить распространенность такого явления как буллинг в школах Тамбовской области, независимо от рейтинга и уровня школы.

По статистике, которая была получена в результате нашего исследования, количество подростков, подвергавшихся травле, значительно превышает данные ВОЗ.

Так, при обучении в школе сталкивались с травлей, исходящей от сверстников, около 35% опрошенных учащихся мужского пола и 72% опрошенных учащихся женского пола.

Меньший процент опрошенных учащихся сталкивался с травлей со стороны взрослых (учителей, родителей и т.д.), а именно около 28% учащихся мужского пола и 51% учащихся женского пола.

Кибербуллинг – один из видов травли, с которым часто сталкиваются подростки на просторах интернета. Среди опрошенных учащихся с кибертравлей сталкивались около 35% опрошенных подростков мужского пола и 48% опрошенных подростков женского пола. Сравнительные данные представлены на рисунке №1.

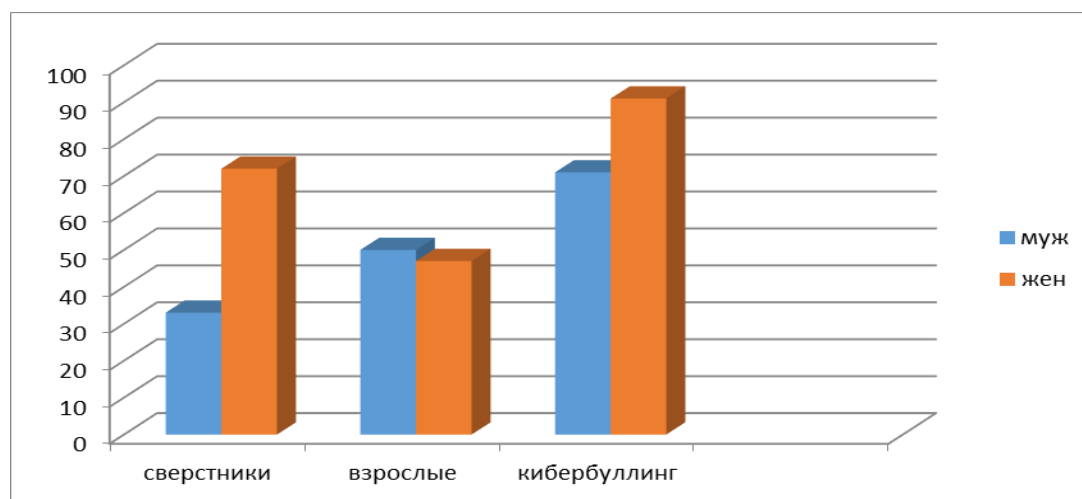

Рис. 1. Соотношение учащихся, столкнувшихся с буллингом со стороны сверстников или взрослых, с кибербуллингом, с учетом гендерных различий

В целом, ссылаясь на наше исследование, можно сделать выводы, что девочки-подростки чаще встречаются с травлей как со стороны сверстников, а также с кибербуллингом, но реже с травлей со стороны взрослых.

Те подростки, которые становились жертвой травли, демонстрируют разные виды реакций на данную ситуацию: реакция «смирения», реакция «борьбы», реакция «вымещения».

Реакция смирения предполагает, что жертва травли терпит агрессию в свой адрес, не предпринимая никаких действий для того, чтобы как-либо разрешить эту ситуацию.

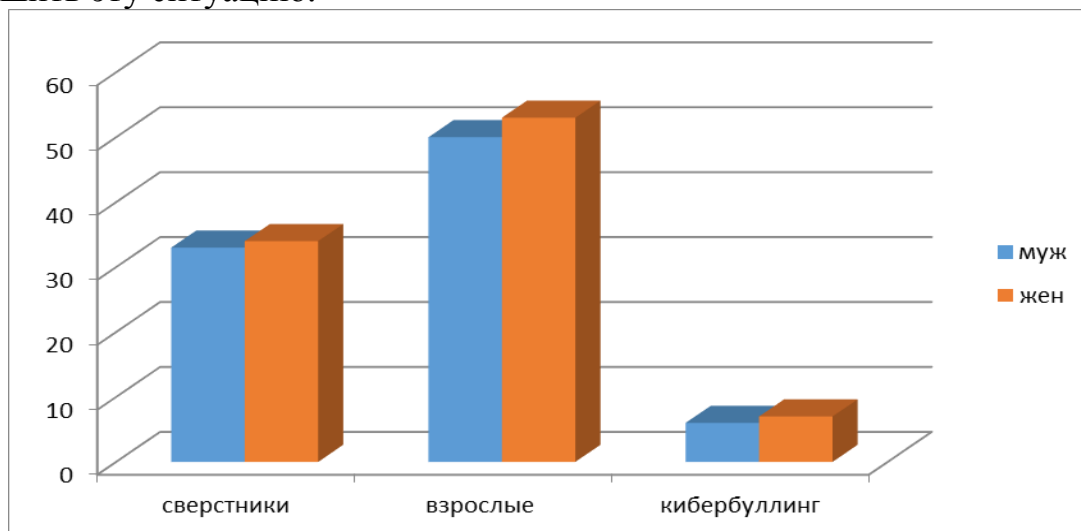

Рис. 2. Соотношение количества подростков, оказавшихся в роли жертвы буллинга, демонстрирующих реакцию «смирения»

В нашем исследовании среди мальчиков-подростков такую реакцию демонстрировали 33% учащихся, оказавшихся в ситуации буллинга со стороны сверстников, или 11,9% от общего числа опрошенных. Среди девочек-подростков реакцию «смирения» в ситуации травли со стороны сверстников демонстрируют 34% опрошенных учащихся оказавшихся в роли жертвы буллинга, или 25% от числа опрошенных.

Реакцию «смирения» чаще демонстрируют подростки, оказавшиеся в роли жертвы буллинга, когда травля исходит от взрослого человека.

Так, среди мальчиков-подростков, оказавшихся в роли жертвы буллинга со стороны взрослых, такую реакцию демонстрирует 50% или 14% от общего числа опрошенных мальчиков-подростков. Среди девочек-подростков, оказавшихся в роли жертвы буллинга со стороны взрослых, реакцию «смирения» демонстрируют 53% опрошенных или 27% от общего числа опрошенных девочек.

Гораздо меньший процент реакции «смирения» демонстрируют подростки в ситуации кибербуллинга как среди мальчиков, так и среди девочек: 6% и 7% соответственно.

Реакция «борьбы» предполагает сопротивление и противостояние ситуации буллинга со стороны личности, оказавшейся в роли жертвы.

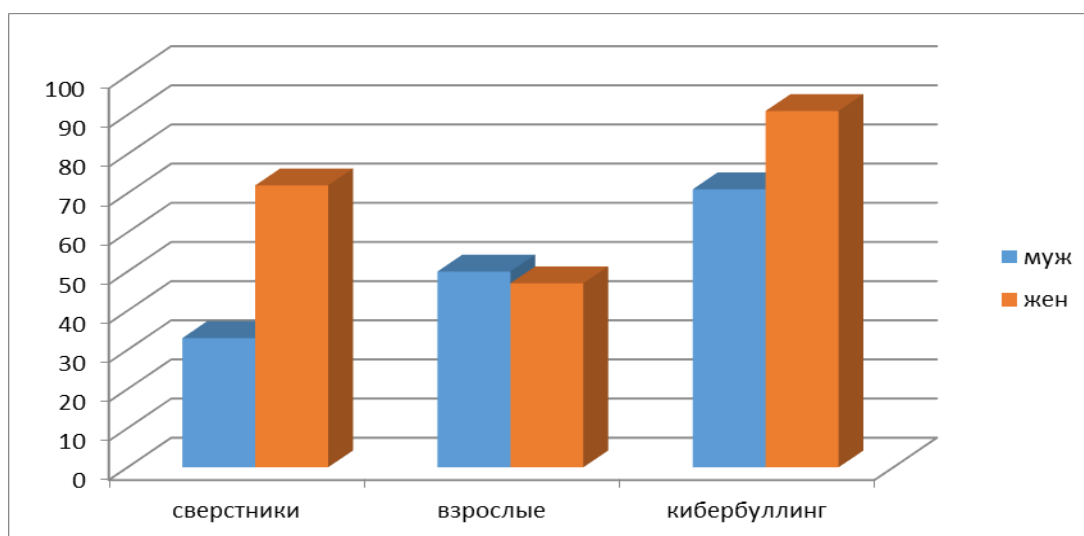

Рис. 3. Соотношение количества подростков, оказавшихся в роли жертвы буллинга, демонстрирующих реакцию «борьбы»

В нашем исследовании среди мальчиков-подростков реакцию «борьбы» демонстрировали 33% учащихся, оказавшихся в ситуации буллинга со стороны сверстников в роли жертвы, или 11,9% от общего числа опрошенных мальчиков. Среди девочек-подростков реакцию «борьбы» в ситуации травли со стороны сверстников демонстрируют 73% опрошенных учащихся, оказавшихся в роли жертвы буллинга, или 53% от числа всех опрошенных девочек.

Несколько реже реакцию «борьбы» демонстрируют девочки-подростки, оказавшиеся в роли жертвы буллинга со стороны взрослых, и, наоборот, чаще – мальчики-подростки. Так, 47% девочек-подростков и 50% мальчиков-подростков, оказавшихся в роли жертвы в ситуации буллинга со стороны взрослых, демонстрируют реакцию «борьбы».

В ситуации кибербуллинга количество детей, демонстрирующих реакцию «борьбы», гораздо выше: 73% - среди мальчиков-подростков и 95% среди девочек-подростков, оказавшихся в роли жертвы в ситуации кибербуллинга.

Реакция «вымещения» предполагает вымещение агрессии, злобы и других негативных эмоций, полученных жертвой в результате травли, на других людей.

Реакцию «вымещения» демонстрирует незначительное количество подростков, оказавшихся в роли жертвы в ситуации травли, и только в случае кибербуллинга. Так, 33% мальчиков-подростков и 7% девочек демонстрируют реакцию «вымещения» в ситуации кибербуллинга.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать выводы, что проблема буллинга остается достаточно актуальной на сегодняшний день в Тамбовской области. Девочки-подростки чаще подвергаются травле со стороны сверстников и в интернет-пространстве, чем мальчики. Мальчики-подростки чаще демонстрируют реакцию «борьбы», оказавшись в роли жертвы в ситуации буллинга со стороны взрослых. В школах необходимо проводить больше

профилактической работы, направленной на снижение случаев травли в системе образования.

Список использованных источников

1. Бочавер А. А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов. – Психология. Журнал ВШЭ, 2013. – Т. 10. №3. – С. 149-159.

УДК 159.9.075

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕЙ БОЛЕЗНЬ

Вильдгрубе Светлана Александровна

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: S.Vildgrube@mail.ru)*

В статье сделана попытка раскрыть психологические особенности личности, преодолевающей болезнь. Проанализированы компоненты внутренней картины болезни больных туберкулезом. Описаны отличительные особенности эмоционального, волевого, интеллектуального компонентов у больных туберкулезом и лиц не больных туберкулезом.

Ключевые слова: внутренняя картина болезни, личность, больные туберкулезом, компоненты ВКБ.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE PERSONALITY OVERCOMING THE DISEASE

Vildgrube Svetlana Alexandrovna

*candidate of Psychological Sciences, associate professor of the
Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: S.Vildgrube@mail.ru)*

The article attempts to reveal the psychological characteristics of a person overcoming the disease. The components of the internal picture of the disease of patients with tuberculosis have been analyzed. The distinctive features of the emotional, volitional, intellectual components in patients with tuberculosis and those who are not patients with tuberculosis are described.

Key words: internal picture of the disease, personality, tuberculosis patients, components of VKB.

Актуальность исследования. В настоящее время многие ученые уделяют особое внимание так называемой внутренней картине болезни (ВКБ) пациента, которая включает в себя возникновение у больного целостного образа своего заболевания. Данное понятие ввел А. Р. Лурия, который продолжил развитие идей А. Гольдшейдера. По сравнению с рядом подобных терминов

клинической психологии («преодоление болезни», «осознание болезни», «отношение к болезни», «нозогнозия») ВКБ – является наиболее общим и интегративным термином. Содержание и динамика внутренней картины болезни не обнаруживает свою специфичность в зависимости от болезни. ВКБ является динамичной и содержательно изменяется в зависимости от возраста, пола, тяжести болезни или её длительности, прогнозов в отношении болезни и т.д. [2,4,7].

Углубление знаний о психологической стороне заболеваний в отечественной и зарубежной теориях привело к появлению множества различных концептуальных схем, раскрывающих структуру внутреннего мира больного человека. Однако в большинстве современных психологических исследований внутренней картины заболевания при различных нозологических формах болезней в её структуре выделяется несколько взаимосвязанных сторон (компонентов): сенситивный (локализация болей и других неприятных ощущений, их интенсивность и т.п.); эмоциональный (эмоциональная сторона болезни связана с различными видами эмоционального реагирования на отдельные симптомы, заболевание в целом и его последствия); рационально-информационный уровень (представления и знания больного о его заболевании, размышления о его причинах и последствиях); мотивационный (волевая сторона болезни (мотивационный уровень) связана с определенным отношением больного к своему заболеванию, необходимостью изменения поведения и привычного образа жизни, актуализацией деятельности по возвращению и сохранению здоровья [5,7].

На основе сравнительного анализа исследователи выявили психологические профили, присущие здоровым людям в привычных для них условиях и больных туберкулезом. Как выяснилось, в последствии, у здоровых людей структура показателей охватывает адекватный механизм саморегуляции эмоционального фона, волевых качеств и интеллекта, в то время, как у больных туберкулезом эти показатели страдают [1,9,10].

Психологические особенности личности, преодолевающей болезнь, на начальном этапе развития болезни особенно велико, что происходит из-за того, что познавательная активность больного начинается на этой стадии и здесь же обнаруживает личностную специфичность. На поздних этапах длительной болезни влияние личностного фактора снижается, однако внутренняя картина болезни становится поддерживающим условием больного, но может стать и дополнительным фактором в формировании аномалий личности. Содержание внутренней картины болезни само по себе может провоцировать психогенные расстройства или быть провокатором дополнительных болезненных ощущений.

Цель исследования: изучить психологические особенности личности, преодолевающей болезнь.

Выборка исследования. Исследование проводилось на базе Государственного Бюджетного Учреждения «Центр первичной медико-санитарной помощи № 4 г. Донецка». Выборку составили лица, преодолевающие болезнь, больные туберкулезом, в составе 30 человек в возрасте от 19 до 53 лет

(пациенты, получающие лечение амбулаторно в данном учреждении здравоохранения). Среди лиц, больных туберкулезом – 2 человека с рецидивом болезни, остальные пациенты получали лечение впервые. А также лица, не больные туберкулезом, в количестве 30 человек, в возрасте от 25 до 55 лет (сотрудники вышеуказанного учреждения здравоохранения).

Методы исследования. Теоретические: анализ, синтез, систематизация, сравнение, обобщение научной литературы и эмпирических материалов, которые касаются объекта исследования. Эмпирические: наблюдение, беседа. Психодиагностические: диагностика эмоционального компонента личности: 1) Методика «оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности» Л.А. Курганский и Т.А. Немчин» (цель: *определение особенностей психического состояния человека по показателям психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности*); «Шкала нервно-психического напряжения» (цель: *диагностика психического состояния*). Диагностика волевого компонента личности: 1) «Тест-опросник «Исследование субъективного контроля» (цель: *изучение локус контроля: интернальность – экстернальность*. 2) «Методика диагностики волевых особенностей личности М.В. Чумакова» (цель: *определение волевых свойств личности*). Диагностика интеллектуального компонента личности: 1) «Шкала измерения интеллекта Векслера» (цель: *для определения степени интеллектуального развития человека*); «Шкала прогрессивных матриц (тест Дж. Равена)» (цель: *для оценки уровня интеллектуального развития*). Методы математической статистики: описательная статистика, критерий t Стьюдента (направлен на оценку различий величин средних, которые распределены по нормальному закону).

Результаты исследования. По данным диагностики эмоционального компонента личности выявлено, что у больных туберкулезом, высокие показатели психической активации составляют 17%, средние показатели 60% и низкие показатели психической активации составляют 23%. Показатели по шкале интереса: высокие 23%, средние составляют 54%, а низкие – 23%. По шкале эмоционального тонуса у больных туберкулезом высокие данные составляют 23%, средние данные – 47%, низкие данные по шкале эмоционального тонуса составляет 30%. По шкале напряжения, данные у лиц, больных туберкулезом, высокие результаты составляют 47%, средние данные составляют 50%, и низкие данные составляют 3%. По шкале комфортности высокий уровень выраженность у больных туберкулезом составляет 24%, средний уровень выраженности комфортности – 63%, низкий уровень выраженность составляет 13%. Высокий уровень нервно-психического напряжения у больных туберкулезом составляет 23%, средний уровень у составляет 37%, высокий уровень у лиц составляет 40%.

У лиц, не больных туберкулезом высокая выраженность психической активации составляет 27%. Средняя выраженность составляет 70%, низкая выраженность – 3%. Высокий уровень по шкале интереса соответствует 80%, средний – 20%. Высокие показатели по шкале эмоционального тонуса

составляют – 87%; средние показатели – 13%. По шкале напряжения средний уровень напряжения – 50%; низкий уровень – 50%. По шкале комфортности высокие показатели составляют – 40%, средние – 57%; низкие показатели соответствуют – 3%. Средний уровень нервно-психического напряжения составляет – 83%; средний уровень – 17%. Были выявлены значительные различия по шкале «интерес» ($t=5,12$; $p \leq 0,01$), по шкале «эмоциональный тонус» ($t=7,03$; $p \leq 0,01$), по шкале «напряжения» ($t=5,17$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, изучив целостную картину психического функционирования, мы видим, что в ограниченный промежуток времени в сознании индивида, в его самооценке реализуются структурно-динамические, пространственные и временные, системные и другие характеристики и закономерности психических состояния. У людей, больных туберкулезом, в отличие от лиц не больных туберкулезом снижен интерес, эмоциональный тонус и повышено эмоциональное напряжение. Такое психическое состояние, сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, страха и включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать в ней определенным образом.

Согласно результатам исследования *волевого компонента*, для лиц, преодолевающих болезнь, низкий уровень интернальности составляет 44%, средний уровень составляет 53%, высокий уровень составляет 3%. У лиц, не больных туберкулезом низкий уровень интернальности составляет – 7%; средний уровень – 73%; высокий уровень интернальности – 20%. Выявлены значимые различия ($t=3,16$; $p \leq 0,01$), между показателями лиц, не больных туберкулезом и лиц, больных туберкулезом по показателям локус контроля.

Рис.1. Результаты диагностики волевых особенностей личности

Также можем предположить, что у лиц, больных туберкулезом, снижены такие волевые свойства как ответственность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность и целеустремленность по сравнению с лицами, не больными туберкулезом.

Таким образом, больные туберкулезом склонны приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам. Они мало прослеживают связь между своими действиями и значимыми для них событиями жизни. Они не считают себя способными контролировать развитие таких событий и полагают, что большинство их является результатом случая или действия других людей.

Таблица 1.

Результаты статистического анализа волевых особенностей личности

	t- статистика	Среднее значение	
		испытуемые, не больные туберкулезом	испытуемые, больные туберкулезом
Ответственность	3,17**	8,43	7,26
Инициативность	-0,71	4,46	4,86
Решительность	-0,67	5,53	5,86
Самостоятельность	4,68**	6,8	4,76
Выдержка	2,32**	6,63	5,56
Настойчивость	3,86**	7,16	5,4
Энергичность	5,48**	7,16	4,4
Внимательность	4,58**	7,1	5,16
Целеустремленность	5,06**	7,53	5,16

Примечание: **-значимые различия, где $p < 0,01$; * - значимые различия, где $p < 0,05$.

Зачастую такие больные эмоционально неустойчивы, склонны к неформальному общению и поведению, малообщительны, у них плохой самоконтроль и высокая напряженность. Но хотя их поведение и психологическое чувство ответственности за него зависит от конкретных социальных ситуаций, все же можно и у них установить преобладание того или иного вида локуса контроля. А лица не больные туберкулезом склонны приписывать ответственность за результаты своей деятельности собственным способностям и усилиям. Особенности их субъективного контроля могут несколько изменяться в зависимости от того, представляется ли человеку ситуация сложной или простой, приятной или неприятной и т.п.

По данным диагностики *интеллектуального компонента личности* выявлено, что у больных туберкулезом, уровень интеллекта ниже среднего и составляет 50%, средний уровень интеллекта составляет 43%, уровень интеллекта выше среднего у лиц больных туберкулезом – 7%. У испытуемых, не больных

туберкулезом уровень интеллекта ниже среднего составляет – 17%, средний уровень интеллекта составляет 43%, уровень интеллекта выше среднего – 40%. Также получены и другие результаты уровня интеллекта: уровень интеллекта ниже среднего у лиц, больных туберкулезом составляет 43%. средний уровень составляет 40%, а уровень интеллекта выше среднего у испытуемых. страдающих туберкулезом составляет 17%. В то время как у лиц, не страдающих данным заболеванием уровень интеллекта ниже среднего составляет– 17%, средний уровень интеллекта– 43%; уровень интеллекта выше среднего– 40%.

Были выявлены статистически значимые различия между показателями интеллекта больных туберкулезом и лиц, не больных туберкулезом ($t=3,14$; $p\leq 0,01$), ($t=2,69$; $p\leq 0,05$). Таким образом, можно предположить, что у лиц, больных туберкулезом наблюдается снижение уровня интеллекта, по сравнению с лицами, не больными данным заболеванием. У лиц не больных туберкулезом, структура показателей охватывает адекватный механизм саморегуляции эмоционального фона, волевых качеств и интеллекта, в то время, как у больных туберкулезом эти показатели страдают

Вывод: Изучив психологические особенности личности, преодолевающей болезнь, можем сделать вывод, что психологические компоненты личности (эмоциональный, волевой, интеллектуальный) больных туберкулезом отличаются от психологических компонентов личности не больных туберкулезом. У людей, больных туберкулезом снижен интерес, наблюдается снижение уровня интеллекта, эмоциональный тонус и повышено эмоциональное напряжение. Такое психическое состояние, сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, страха и включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать в ней определенным образом. Больные туберкулезом склонны приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам. Они мало прослеживают связь между своими действиями и значимыми для них событиями жизни. Они не считают себя способными контролировать развитие таких событий и полагают, что большинство их является результатом случая или действия других людей. Зачастую такие больные эмоционально неустойчивы, склонны к неформальному общению и поведению, малообщительны, у них плохой самоконтроль и высокая напряженность. Игнорирование мотивационных и эмоциональных процессов приводит к тому, что ошибки при оценке риска событий для здоровья объясняются несовершенством процесса переработки информации. Но хотя их поведение и психологическое чувство ответственности за него зависит от конкретных социальных ситуаций, все же можно и у них установить преобладание того или иного вида локуса контроля.

Список использованных источников

1. Говорковская Е. С. Анализ типов отношения к болезни больных с раком гортани и его клиническое значение. // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием Клиническая психология в здравоохранении и образовании. Москва, 24-25 ноября 2011 г. Сборник материалов. – МГМСУ М, 2011. – С. 116-118.

2. Каган В.Е. Внутренняя картина здоровья – термин или концепция Каган // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 86–88.
3. Клиническая психология: учебник. Сидоров П.И., Парняков А.В. 3-е изд., испр. и доп, 2010. – 880 с.
4. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология / В. Д. Менделевич. – Москва : Изд-во «Медпрессинформ», 2002. – 592 с.
5. Николаева В.В. Психосоматика: телесность и культура: Учебное пособие для вузов. – Москва : Академический проект, 2009. – 310 с.
6. Собенников В.С. «Я-концепция. Внутренняя картина болезни» /В. С. Собенников, Е. Е. Ясникова // ГБОУ ВПО ИГМУ Минздрава РФ. – Иркутск : ИГМУ, 2013. – 24 с.
7. Татрова А. С. Психология: учебно-методическое пособие для студентов медицинских специальностей / А.С. Татрова. – Москва : Издательство «Академия Естествознания», 2010. – 284 с.
8. Цветкова И. В. Проблема психологического изучения внутренней картины здоровья. Психологические исследования // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2011. Т. 5. № 23. – С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2010).
9. Ялтонский В. М. Субъективное восприятие болезни как угрозы у больных раком предстательной железы / В.М. Ялтонский, Л.Н. Богданова // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. Клиническая психология в здравоохранении и образовании. – Москва, 24-25 ноября 2011 г. Сборник материалов. – МГМСУ М, 2011. – С. 41-45.
10. Jones PW, Quirk FH, Baveystock CM, Little johns P. A self-complete measure of health status for chronic airflow limitation. // Am Rev Respire Dis. - 1992. - Vol. 145. – N. 6. - P. 1321-1327.

УДК 159.95

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Вилюзжанина Татьяна Анатольевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: vilyuzhanina@mail.ru)*

Статья посвящена анализу проблемы переживания как базовой категории в психологии. Представлен краткий обзор зарубежных и отечественных подходов к определению переживания. Автором рассмотрены концепции феномена переживания, структура переживания, его основные компоненты. Раскрываются сущностные характеристики переживания: направленность, ситуативность, принадлежность к индивидуальному опыту

Ключевые слова: категория переживания, внутренний мир, значимые переживания, структурные компоненты переживания.

EXPERIENCE CATEGORY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Vilyuzhanina Tatyana Anatoliivna

candidate of Psychological Sciences, associate professor

of the Department of Psychology

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: vilyuzhanina@mail.ru)

The article is devoted to the analysis of the problem of experience as a basic category in psychology. A brief overview of foreign and domestic approaches to the definition of experience is presented. The author considers the concept of the phenomenon of experience, the structure of the experience, its main components. The essential characteristics of the experience are revealed: orientation, situationality, belonging to individual experience

Key words: category of experience, inner world, significant experiences, structural components of experience.

Постановка проблемы. Динамические трансформации в обществе, интенсивные изменения образа жизни современного человека нуждаются в научном изучении и методологическом обосновании исследования внутреннего мира личности, факторов и механизмов его структурирования. Ведущая роль среди механизмов структурирования внутреннего мира принадлежит переживанию. Переживание продолжает развитие внутреннего мира личности, а внутренний мир задает, в свою очередь, рефлексивную способность человека к осознанию субъективно важных переживаний.

В последнее время ученые и практикующие психологи все чаще обращаются к рассмотрению переживания. Работа с переживаниями человека является основной в индивидуальной и групповой работе практических психологов, особенно в психологическом консультировании и психотерапии, поэтому знание о структуре и динамике переживания, его взаимоотношениях с психическими и социально-психологическими феноменами, закономерности и особенности проявления в различных ситуациях являются крайне необходимыми для психологической практики.

Анализ последних исследований и публикаций. Разнообразие и многогранность феномена переживания рождает сложность и неоднозначность его трактовки.

Анализ литературных источников по проблеме переживаний свидетельствует о неиссякаемом интересе отечественных и зарубежных исследователей к этому феномену (Р. Ассаджиоли, Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, В. К. Вилюнас, А.Н. Леонтьев и др.).

Многими ведущими отечественными учеными (Л.С. Выготский, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский и др.). переживание определялось как базовая категория психологии. Теоретические исследования переживания как базовой категории осуществлялись с позиций

деятельностного подхода (Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн и др.).

В отечественной психологии одним из первых к проблеме переживания обратился Л.С. Выготский, предложивший в качестве «единицы» психики = сознания человека переживание, в котором отражена среда в ее отношении к субъекту, с одной стороны, и особенности личности, с другой. Л.С. Выготский отмечал, что переживание какой-либо ситуации определяет то, как эта ситуация будет или не будет влиять на развитие личности [2]. Таким образом, Л.С. Выготский в контексте проблемы личности и среды рассматривал ключевое переживание в качестве единицы анализа личностного развития.

С.Л. Рубинштейн указывал, что «два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание», и именно эти аспекты выступают главными элементами предметной области психологии, т.е. они первичны. Но С.Л. Рубинштейн считал, что переживание как субъектная сторона сознания зависимо от знания, в котором представлено объектное начало. Автор выделил два уровня переживаний: 1) исходный уровень включает «все непосредственно испытываемые субъектом психические состояния в качестве данных ему, как никому другому»; 2) переживания, которые становятся событиями внутренней жизни субъекта [5].

В дальнейшем категория переживания на длительное время утратила статус базовой категории психологии. Долгое время понятие переживания изучалось в контексте эмоций и эмоциональных состояний субъекта или интерпретировалось как разновидность психологических защит. В работах исследователей подчеркивается, что эмоция прежде всего характеризуется внутренним состоянием субъекта – переживанием. Переживания в форме психических состояний, в которых слиты эмоциональные, волевые и интеллектуальные компоненты, отражают события и обстоятельства жизни в их отношении к самому субъекту. Переживаемое хранится в памяти личности и служит материалом для осмысления в процессе выработки жизненных планов и целей, жизненной философии, определяющих поведение человека. Но экспериментальные и теоретические исследования показывают, что переживания часто протекают фактически независимо от функционирования эмоциональной сферы, и это связано, в основном с действием психологической защиты, блокирующей контакт сферы переживания с эмоциональной сферой.

В зарубежной психологии переживание или выходило за рамки научных интересов психологов, например, представители таких направлений, как бихевиоризм и когнитивизм, практически не проявляли какого-либо интереса к изучению этого феномена, или представлялось неким мостиком между внутренним миром человека и внешней средой, позволяющим субъекту выходить за пределы собственного Я и благодаря этому совершать переход на более высокую ступень развития. Так, У. Джемс связывает эмоции с переживаниями через телесные процессы, а Ф. Крюгер определяет переживания как целостность, за которой лежат ценностные длительно существующие

«структуры». Переживание рассматривается как жизненное событие, происходящее во внутреннем мире, как целенаправленный целостный акт соотнесения человеком себя с миром.

В контексте системно-структурного подхода (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, В. И. Слободчиков, Б. М. Теплов и др.) категория переживания изучается как форма проявления отношения к ситуации, форма эмоционального отражения как целостный психический акт, включающий все аспекты психики и отражающий всю полноту существования индивидуальности.

Концепция переживания как деятельности представлена Ф.Е. Василюком. В данной концепции переживание трактуется как специфическая работа по перестройке «жизненного мира», основной целью которой является повышение осмысления жизни. Переживание рассматривается Ф.Е. Василюком не как отражение в сознании субъекта тех или иных его состояний, а как особая форма деятельности, направленная на восстановление душевного равновесия, утраченного сознания существования [1].

С других теоретических позиций рассматривала категорию «переживания» Л.И. Божович, выделив в ней компоненты отношения, ориентировки и побуждения. Переживание действительно отражает состояние удовлетворенности субъекта в его взаимоотношениях с окружающей средой, поэтому переживание выполняет в жизни крайне важную функцию: «знакомит» субъекта о его отношении со средой и соответственно ориентирует его поведение, побуждая действовать в направлении, которое уменьшает или полностью ликвидирует возникшее расстройство [3].

В последнее время интерес к категории переживаний значительно повысился. Л.Р. Фахрутдинова, отмечая эту тенденцию, называет категорию переживания «модной» на современном этапе развития психологии «Переживание представляет собой само существование, бытие, субстанциональность субъективного мира человека. Вся наша внутренняя жизнь дана в переживании» [8].

«Переживание многолико. Каждый автор, обращающийся к переживанию как психологическому феномену, встречается с одним из его многих ликов» [7], поэтому значительно различается трактовка функций переживания с точки зрения развития личности и психического функционирования человека.

В настоящее время предложены современные концепции переживания. Так, С.В. Тихомирова, опираясь на теоретические позиции Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, рассматривает трехкомпонентную структуру переживания, выделяя аффективный, когнитивный и конативный компоненты. Автором выделены свойства переживания: предметность, интегральность личности и среды, деятельная созидательность, индивидуальность, процессуальность, динамичность, структурность. Описаны функции переживания: «развитие человека на его жизненном пути; адаптация к социальной среде человека (через социализацию и идентичность); формирование устойчивых психических структур личности; совладание с трудными и кризисными жизненными ситуациями; провидение, прогноз, планирование будущего; соединение

прошлого и будущего личности; мотивация к деятельности, поступку, поведению» [6].

С.В. Дорохова выделила следующие характеристики переживания: направленность, ситуативность, рефлексивность, решение «задачи на смысл», выход за границы собственного Я, расширение возможностей познания внешнего мира, творческий подход к решению жизненных задач. Данная категория может стать опорой для сближения естественно-научной и гуманитарно-ориентированной парадигм в психологической науке [3].

Т.Д. Марцинковская рассматривает переживания в качестве механизма социализации и формирования идентичности. Переживания позволяют объединить «различные аспекты идентичности в единое целое и, таким образом, органично соединить социокультурную и личностную идентичность, обеспечив успешность социализации человека в меняющемся мире» [4, с. 13]. При этом социальные переживания позволяют оптимизировать вхождение в социум, усвоение социальных норм и правил, а индивидуальные переживания вносят свой вклад прежде всего в формирование целостной формы личностной идентичности [4].

По мнению Л.Р. Фахрутдиновой «переживание представляет собой психический феномен, включающий в свою структуру: пространственные, временные, информационные, энергетические, телесные, эмоциональные, когнитивные, психосемантические и другие характеристики» [8, с. 7]. Основная функция переживания заключается в «переработке» впечатлений и включении их в бытийную и рефлексивную структуры сознания. Автором установлено, что в результате переживания происходит изменение структур сознания и отношений между ними. Кроме того, переживания связаны с субъектно-личностными характеристиками, параметрами Я-концепции. Характеристики переживания меняются под воздействием психологических защитных механизмов, а также зависят от жизненной ситуации [8].

Выводы. Таким образом, категория переживания имеет широкие перспективы дальнейшего изучения как в теоретической психологии, так и в прикладной и практической деятельности. Наиболее перспективны следующие направления развития концепции переживания: дальнейшее исследование и уточнение места переживания среди других психологических категорий, выявление новых психологических механизмов функционирования в психическом целом, исследование структуры и динамики переживания, дальнейший анализ, уточнение и развитие представлений о составляющих феномена переживания.

Психология переживания требует своей дальнейшей категориальной разработки с определением природы, феноменологии, состава, структуры, функций, динамики и культурно-социальных, исторических, гендерных и других особенностей переживаний субъекта. Методологические основания категории переживания позволяют сделать вывод о том, что переживание – это психологическая реальность, изучая которую, современная психология может существенно и методологически глубоко обогатить свое содержание

Перспективы дальнейшей работы видятся в поисках новых методов познания значимых переживаний и углубленном изучении как индивидуальных переживаний горя и утраты, радости и счастья, одиночества и единения с людьми, так и коллективных переживаний.

Список использованных источников

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984 – 200 с.
2. Выготский Л. С. Психология. – М.: ЭКСМО-пресс, 2000. – 1008 с.
3. Дорохова С.В. Сущностные характеристики переживания как психологической категории // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5, №6. <https://mir-nauki.com/PDF/104PSMN617.pdf>
4. Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 3(5). URL: <http://psystudy.ru>
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
6. Тихомирова С.В. Индивидуальное переживание как психологический феномен: структура, типы, функции, методы исследования // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020 – №6. <https://mir-nauki.com/PDF/114PSMN620.pdf>
7. Узикова А.Ю. Ключевое переживание как единица анализа развития личности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2009. – № 3. <http://www.psyanima.ru/>
8. Фахрутдинова Л.Р. Психология переживания человека. – Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 676 с.

УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Витвицкая Виктория Вячеславовна

канд.юрид.наук, доцент,

доцент кафедры административного права

Донецкая академия управления и государственной службы

при Главе Донецкой Народной Республики (ДНР, г.Донецк)

(e-mail: rus-vik@yandex.ru)

В статье рассматривается характеристика поведения личности преступника с позиции теории причинности и социально-психологического механизма совершения преступления. Проанализированы структурные элементы и этапы развития механизма совершения конкретного преступления. Отражена роль криминогенной ситуации в формировании мотивации преступного поведения личности.

Ключевые слова: личность преступника, социально-психологический механизм совершения преступления, криминогенная ситуация, мотивация преступного поведения личности.

CRIMINOLOGICAL ASPECT OF CRIMINAL PERSONALITY BEHAVIOR

Vitvitskaya Victoria Vyacheslavovna

candidate of law, associate professor, associate

professor of the department of administrative law

Donetsk academy of management and public service

under the Head of the Donetsk People's Republic (DPR, Donetsk)

(e-mail: rus-vik@yandex.ru)

The article examines the characteristics of the criminal's personality behavior from the standpoint of the theory of causality and the socio-psychological mechanism of the commission of a crime. The structural elements and stages of development of the mechanism of committing a specific crime are analyzed. The role of the criminogenic situation in the formation of motivation of criminal behavior of the individual is reflected.

Key words: criminal personality, socio-psychological mechanism of committing a crime, criminogenic situation, motivation of criminal behavior of a person.

Эффективность профилактической деятельности государства в сфере преступности не мыслится без использования разработанной наукой криминологии учения о личности лица, совершившего преступление. Одним из пяти элементов предмета криминологии является личность преступника. Данный предмет в криминологии изучается на основе существующей теории причинности и непосредственно переплетается с таким элементом предмета науки криминологии как причины преступности. Криминологические знания о личности преступника широко используются в правоохранительной практике. Их развитие и совершенствование позволяет расширить диапазон профилактических мер, применяемых государством к лицам, совершившим преступление, либо лицам, характеризующимся противоправным, антиобщественным поведением. Использование криминологических знаний о личности преступника дает возможность проанализировать все этапы и элементы разработанного криминологами социально-психологического механизма совершения конкретного преступления.

С целью рассмотрения криминологического аспекта поведения личности преступника необходимо:

- изучить предшествующие ему объективные и субъективные обстоятельства, с которыми связано возникновение криминального мотива, постановка преступных целей и выбор средств совершения преступления;
- проанализировать пути принятия субъектом решения о совершении преступления;

- рассмотреть и охарактеризовать структурные составляющие механизма преступного поведения личности;
- определить место криминогенной ситуации в поведении личности, совершившей преступление.

Преступное поведение личности имеет сложный и многогранный характер. Теоретической основой изучения его выступают такие науки как психология, криминология и уголовное право.

В уголовном праве все формы преступного поведения рассматриваются главным образом в плане особенностей применения уголовного закона. В криминологии их необходимо проанализировать с точки зрения применения теории причинности. Психология, в свою очередь, разрабатывает фундамент для разработки социально-психологического механизма преступного поведения личности.

Криминология рассматривает не только сам факт совершения конкретного преступления, сколько предшествующие ему объективные и субъективные обстоятельства (причины преступности), с которыми был связан мотив на совершение преступления, постановка преступных целей, выбор средств совершения преступления, а также принятие субъектом решения о совершении преступления. Все эти обстоятельства в процессе их формирования еще не образуют состава преступления. А, следовательно, речь не идет о возникновении уголовно-правовых отношений. Однако рассматриваемые обстоятельства могут быть включены в содержание механизма преступного поведения, которое в криминологическом значении охватывает как формирование преступного намерения, так и его осуществление.

В теории криминологии преступное поведение личности рассматривается как социально-психологический процесс, включающий в себя как объективные, так и субъективные обстоятельства. Согласно теории причинности формирование преступного поведения личности развертывается в пространстве и во времени, включая в себя внешние объективные действия субъекта, образующие состав конкретного преступления, и предшествующие им психологические явления и процессы, которые детерминируют их совершение [4, с.21].

Преступное поведение личности определяется взаимосвязанными между собой личностными особенностями человека (потребностями, интересами, мотивами, целями, взглядами и отношениями к различным социальным ценностям и установлениям, в т.ч. и правосознанием), и совокупностью внешних объективных обстоятельств, которые взаимодействуют с личностными потребностями в конкретной жизненной ситуации.

Совершение конкретного преступления, согласно мнения многих криминологов, представляет собой результат (итог) взаимодействия негативных нравственно-психологических свойств личности, сложившихся под влиянием неблагоприятных условий социально-нравственного

формирования индивида и внешних объективных обстоятельств, образующих ситуацию преступления (криминогенную ситуацию) [2, с.122].

Важным криминологическим аспектом характеристики личности преступника выступает механизм совершения конкретного преступления. Под механизмом преступного поведения личности криминологическая наука понимает систему взаимодействующих, взаимосвязанных внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний личности, порождающих решимость личности совершить конкретное преступление. Созданная рассматриваемыми факторами система направляет и контролирует исполнение принятого решения лица о совершении конкретного преступления.

Механизм преступного поведения личности рассматривается криминологами в качестве динамического явления, определяемого взаимодействием его элементов и этапов формирования мотивации. Как известно, механизм складывается из определенных элементов и этапов его функционирования, что позволяет в итоге характеризовать личность как криминогенную, имеющую мотив на совершение преступления.

Элементы механизма преступного поведения личности рассматриваются криминологами в социальном и психологическом аспектах. В связи с этим принято говорить о социально-психологическом механизме, обладающим определенными элементами, к которым относятся согласно криминологической теории:

1. Нравственные свойства личности (личностные ориентации и стремления личности, ее социальные позиции, интересы, потребности и привычки, мотивы и цели).

2. Психологические свойства личности (индивидуальные свойства отдельных психических процессов): память, эмоции, ощущения, мышление (социальная действительность), воля, восприятие (чувства).

3. Социальная микросреда:

- а) взаимодействие личности с социальной действительностью;

- б) конкретная ситуация совершения преступления (криминогенная ситуация) [1, с.25].

Поведение человека, в том числе и преступное, представляет собой определенную форму взаимодействия личности с конкретной социальной средой. Этапы такого взаимодействия принято называть этапами преступного поведения личности, к которым относятся мотивация преступного поведения, планирование преступных действий, реализация решения о совершении преступления, включая само совершение преступления и наступление общественно опасных последствий преступления [1, с.26-28]. Все эти этапы непосредственно связаны с самой личностью, с ее нравственно-психологическими свойствами и внешней средой, которая формирует саму личность и (или) выступает в роли криминогенной ситуации.

Как и всякое действие лица, преступление представляет собой акт осознанной волевой деятельности, запрещенной под угрозой наказания

уголовным законом. Каждое поведение личности связано с удовлетворением какой-либо испытываемой лицом потребности. Можно смело сказать о том, что в основе любого поведенческого акта человека лежит система его потребностей. Люди обладают многочисленными и разнообразными потребностями, от элементарных жизненно необходимых (биологических) и физиологических потребностей до сложного переплетения социальных потребностей материального и духовного плана.

Для криминологической характеристики личности преступника важное значение имеет вопрос изучения форм удовлетворения личностью своих потребностей в зависимости от ситуации, в которой эта потребность могла быть удовлетворена. В связи с этим, состояние человеческой психики, ориентирующее и побуждающее сознание личности на удовлетворение определенных потребностей путем совершения общественно опасных деяний, принято называть мотивом криминального поведения личности [3, с.21]. Такой мотив непосредственно соотносится, с одной стороны, не только с потребностями и интересами личности, но и с чувствами, эмоциями, а с другой, рассматривается как внутренний механизм определенной интенсивности и целенаправленной деятельности человека. Процесс, в результате которого сформировался мотив на совершение конкретного преступления принято называть мотивацией. Мотивация преступного поведения представляет собой психологический процесс взаимодействия общей направленности личности с элементами конкретной жизненной ситуации, определяющий возникновение мотива.

Характеризуя личность с позиции мотивации преступного поведения, следует учитывать, с одной стороны, условия нравственного формирования личности и ее социально-психологические особенности, с другой стороны – криминогенные элементы конкретной жизненной ситуации.

На очередном этапе механизма преступного поведения личности – принятие решения, «созревает» окончательное намерение лица совершить преступление. На такое решение влияет криминогенная ситуация, так называемая социальная микросреда, в которой прибывало лицо в период формирования своей личности, либо находилось в момент совершения преступления. Принятие решения – один из важных этапов развития целенаправленного преступного поведения личности, который в достаточной мере характеризует личность как преступную.

Таким образом, преступная направленность личности обусловлена не особым характером психологического механизма его формирования, а дефектами его отдельных звеньев и этапов. В связи с этим криминологическая характеристика личности преступника непосредственно связана с анализом социально-психологического механизма совершения конкретного преступления. Знание характеристики звеньев и этапов развития механизма позволит разрабатывать меры профилактического характера, направленные на преодоление преступных проявлений конкретной личности.

Список использованных источников

1. Дубинин Н.П. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных преступников и путях их предупреждения / Н. П.Дубинин и др. – М.: Политиздат, 1989. – 350 с.
2. Криминология. Учебник / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 413 с.
3. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения / В.В.Лунеев. – М.: Наука, 1991. – 383 с.
4. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология: социально-психологические закономерности противоправного поведения / А.М.Яковлев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 248 с.

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Гаврилова Елена Васильевна

*старший преподаватель кафедры философии и психологии
Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики
(ДНР, г. Донецк)
(e-mail: 19soul@mail.ru)*

Настоящее время характеризуется отсутствием стабильности. Открытость новому, способность работать в быстроменяющихся условиях зависит от личностных особенностей. В статье анализируется поведение людей с разными типами акцентуаций характера в условиях неопределённости.

Ключевые слова: неопределённость, акцентуации характера, толерантность к неопределённости.

BEHAVIORAL FEATURES OF PEOPLE WITH DIFFERENT TYPES OF ACCENTUATIONS OF CHARACTER UNDER UNCERTAINTY

Gavrilova Elena Vasilevna

*senior lecturer, department of philosophy and psychology
Donetsk academy of management and civil service
under the Head of the Donetsk People's Republic
(DPR, Donetsk)
(e-mail: 19soul@mail.ru)*

The present time is characterized by a lack of stability. Openness to new things, the ability to work in rapidly changing conditions depends on personal characteristics. The article analyzes the behavior of people with different types of character accentuations in conditions of uncertainty.

Keywords: uncertainty, character accentuations, tolerance to uncertainty.

Современный мир подошел к такому этапу своего развития, когда по-старому жить уже не получится, а новое ещё не сформировалось в полной мере. Для большинства людей – это ситуация неопределённости, а как известно, человеку проще справиться с прогнозируемыми трудностями, чем с чем-то неизвестным. В стремительно меняющихся условиях наиболее значимым становится навык хорошо ориентироваться в ситуации.

Понятие «неопределённость» в психологии рассматривается с разных позиций. В психологии мышления (С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов) неопределённость понимается как непредсказуемость событий, поэтому важную роль играет опыт человека и наличие способности быстро реагировать на изменения. Неопределённость ситуации, с точки зрения мотивационного подхода (Е.П. Ильин), заставляет человека делать прогноз о вероятности неудачи или успеха, тем самым побуждая к определённым действиям. В психофизиологическом подходе (П.К. Анохин) неопределённость понимается как отсутствие или недостаточность знания о том, что может привести к удовлетворению потребности. В психологии принятия решений (Е.П. Кринчик) неопределённость рассматривается как недостаточность информации в процессе оценки ситуации.

Следует отметить, что отношение к неопределённости понимается многими авторами как толерантность к неопределённости и включает в себя готовность к изменениям, к восприятию новых идей и взглядов, стремление идти своим, порой неизведанным, путём.

Н.Ю. Самыкина и О.С. Пецева своё исследование посвятили изучению отношения к неопределённости у людей разного возраста. Они сравнивали пять возрастных групп, начиная от учащихся старших классов и заканчивая зрелыми людьми. Несмотря на то, что степень неопределённости жизненных условий разная в каждый период, исследование показало отсутствие возрастных особенностей в толерантности к неопределённости, но выявило различия в показателях интолерантности в межличностных отношениях. Оказалось, что учащиеся старших классов в большей степени, чем студенты и взрослые люди, стремятся к определённости в отношениях. Они хотят четко понимать, что ждать от партнёра по общению в конкретной ситуации, что для него значимо, чем он может поступиться [2].

Толерантность к неопределённости – это устойчивая черта личности, включающая когнитивный компонент (анализ и интерпретация человеком неопределённых стимулов и ситуаций); аффективный (эмоциональная оценка неопределённых стимулов) и поведенческий (конкретная реакция человека на неопределённые стимулы и ситуации).

Изучая толерантность к неопределённости у программистов Г.А. Фофанова и А.Г. Бутко, пришли к выводу, что они отличаются от представителей других профессий более высокой готовностью к решению сложных задач, к новым поворотам в работе, к неопределённым ситуациям.

Причём, следует подчеркнуть, что эти показатели значительно выше у опытных программистов в сравнении с начинающими [3].

По мнению Н.П. Лысовой [1], настоящее время характеризуется новым типом неопределённости, которая появилась с возрастанием доли виртуального общения в процессе взаимодействия людей. Вместе с тем, такое общение не только расширяет диапазон средств получения новой информации, но и увеличивает риски локального и глобального характера. В виртуальном общении человек предстаёт не таким, каким является на самом деле, что приводит к псевдоидентификации, к трансформации личности, к отсутствию опыта взаимодействия в реальных условиях. Именно поэтому многие жизненные ситуации порождают страх неопределённости и неуверенности в своих силах.

Цель данной статьи проанализировать особенности поведения людей с различными типами акцентуаций характера в условиях неопределённости.

В наиболее лаконичном виде акцентуацию характера можно определить как заострение одних черт в ущерб другим, то есть как дисгармоничность в развитии характера. Этой проблеме посвящены работы П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко, О.В. Кебрикова, С.И. Подмазина и др. В данной статье мы будем опираться на классификацию типов акцентуаций К. Леонгарда.

Пожалуй, проще всего справиться с ситуацией неопределённости человеку с гипертимическим типом акцентуации характера, учитывая его гибкость, высокую адаптивность, открытость всему новому. Однако, негативной стороной может выступать проникновение в проблему (ситуацию) неглубоко, поверхностно. Он склонен к построению грандиозных планов, лежащих в основе многообещающих, но редко доводимым до конца, начинаний. Доминирующим элементом, посредством которого характер такого человека получает свою психологическую окраску, являются средства, поэтому он использует всё, чтобы показывать себя в выгодном свете. Эмоционально значимо то, что может выступать средством для решения своих проблем. Другие люди, если они не попадают в сферу значимых лиц, также рассматриваются только в качестве средств. Непредсказуемость событий, недостаточность информации в оценке ситуации не пугают гипертима благодаря избыточной уверенности в своих силах. Встречая непризнание и противодействие, начинает упорно бороться за свои мнимые права. Он быстро реагирует на изменения, выступает с инициативами, но в тех ситуациях, когда возникает необходимость отвечать за содеянное, стремится разложить ответственность на всех участников событий таким образом, чтобы минимизировать её для себя.

Демонстративный человек не склонен к аналитической деятельности, но он схватывает ситуацию в целостном виде и эмоционально окрашенной, что позволяет ему хорошо адаптироваться в неопределённых условиях. Это умение легко приспособиться к новой ситуации способствует тому, что он становится ситуативным лидером. Вместе с тем, он не склонен брать на себя ответственность в сложных обстоятельствах, поэтому перекладывает её на

других и легко выкручивается из любого положения. Демонстративный человек умеет концентрировать энергию и проявлять упорство, граничащее с фанатизмом, для достижения эмоционально значимой цели. Но в большинстве случаев проявляет слабование. Он живёт в моменте, больше озабочен впечатлением, которое производит на людей, чем последствиями поступков. Он не боится рискованных, порой авантюрных ситуаций, потому что склонен вытеснять неприятные мысли, которые могли бы побудить его к активным раздумьям.

Доминирующим элементом в структуре характера эмотивного человека является чувство. Воздействие на него оказывает само переживание, вызывая абсолютно адекватную эмоциональную реакцию без преходящих настроений. Любое жизненное событие он воспринимает серьезнее, чем другие люди. В связи с этим, ситуация неопределённости вызывает внутреннее напряжение, желание избежать её. Такой человек очень неохотно берётся за новое дело, но окунувшись в ситуацию под воздействием внешних факторов, проявляет не просто добросовестность, а и активное творческое начало. Доминирование чувств по отношению к рассудку в структуре данного психотипа сказывается и в том, что определяющим признаком всех построений является образность. Во всех проявлениях целое поглощает части, спонтанность опережает продуманность, поэтому неопределённая ситуация может приводить к аффективным срывам.

Аналитический склад ума человека с застревающим типом акцентуации характера дополняется умением схватывать ситуацию в целостном виде. В силу этого хорошо развита способность структурировать любую ситуацию и использовать системный подход. Неопределённость не является для него препятствием на пути достижения цели. Напротив, цель начинает таить в себе магическую привлекательность, не терпящую объективной критической оценки. Он много раз может начинать с нуля, и трудности побуждают его еще к большей активности. Следует отметить, что основополагающими началами во всех сферах жизнедеятельности человека с таким психотипом являются принципы, которые не задаются извне в качестве готового результата, а складываются в процессе длительной внутренней работы. Но зачастую он становится их заложником, и в поведении выявляются такие черты как твердолобость, упрямство, отсутствие гибкости.

Низким уровнем толерантности к неопределённости отличается человек с тревожным типом акцентуации характера. Данный психотип характеризуется робостью, в которой чувствуется элемент покорности, униженности. Источником робости служит собственное поведение человека, именно оно всё время находится в центре его переживаний. При выполнении обязанностей старается быть максимально исполнительным, но у него это не всегда получается. Для него ответственность отождествляется со страхом наказания, поэтому он патологически её боится. Любая неопределённая ситуация является для него источником стресса и лишает его жизненных сил.

Не отличается высоким уровнем толерантности к неопределённости и педантичный человек. Возложенные на него обязанности выполняет очень добросовестно, проявляя старательность, аккуратность и надежность в исполнении. Вместе с тем, ответственность является для него своего рода бременем, потому что он ею бессознательно тяготится, и она буквально преследует его в каждом акте деятельности. Этим объясняется его нерешительность и склонность к рассуждениям, в которых большое место занимает чрезмерный самоанализ мотивов своего поведения. Все его опасения адресуются к возможному будущему, которое таит в себе неизвестность, неопределённость. Как человек ригидный, он не способен быстро приспособиться к изменившимся условиям, поэтому его основным чувством является сильный страх, заставляющий видеть в пустяковом обстоятельстве зловещую угрозу. При этом он может понимать, что такие страхи необоснованны, но преодолеть их не в силах.

Несмотря на эмоциональную взрывчатость человека с возбудимым типом акцентуации характера, во всём остальном он проявляет ригидность. Скованность мимики, налет раздраженности на лице и неповоротливость тела – все это создает ощущение исходящей от него тяжеловесности. В беседе дает о себе знать замедленность мышления. Ситуация неопределённости может выводить его из равновесия и выливаться в бурный аффект. Отсутствие гибкости, неумение предвидеть последствия своих действий, приводит к произволу. Этот произвол проявляется в форме упрямства, настойчивости, порой деспотизма. Учитывая, что моральные устои в его жизни не играют сколько-нибудь заметной роли, склонен совершать аморальные поступки. Он не способен верить кому-либо и воспринимать некритически любую информацию. Его подозрительность носит патологический характер, причём он может быть недоверчивым без всякого на то основания.

Подводя итог, следует отметить, что ситуации неопределённости стали неотъемлемой частью нашей жизни. От того, способен ли человек сохранить равновесие в кризисных ситуациях, сможет ли проявить гибкость в изменившихся условиях зависит и успешность в профессиональной деятельности, и качество жизни в целом. Каждая акцентуация характера имеет не только свои сильные стороны, но и уязвимые места. Именно они подвергаются сбою в неожиданных ситуациях и приводят к негативным последствиям. Коррекционная работа с акцентуантами должна быть направлена на формирование у них толерантности к неопределённости с учетом их особенностей.

Список использованных источников

1. Лысикова Н.П. Риски возрастания неопределённости в условиях виртуального общения / Н.П. Лысикова // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакшутовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.психол.н. Е.Ю. Двойниковой. – Т. 2. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. – 247 с. – С.46-50.

2. Пецева О.С. Возрастные особенности толерантности к неопределённости / О.С. Пецева, Н.Ю. Самыкина // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакшутовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.психол.н. Е.Ю. Двойниковой. – Т. 2. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. – 247 с. – С.62-66.
3. Фофанова Г.А. Толерантность к неопределённости у программистов / Г.А. Фофанова, А.Г. Бутько // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакшутовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.психол.н. Е.Ю. Двойниковой. – Т. 2. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. – 247 с. – С.98-104.

УДК 159.9.07

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Гнутова Анастасия Олеговна

аспирант кафедры психологии

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: nastya-gnutova@mail.ru)

В данной статье идет речь об особенностях интернет-активности и её влияния на такую категорию населения, как студенчество. В ходе исследования было доказано, что степень и характеристики интернет-активности имеют гендерные различия. В первую очередь это касается области самопрезентации через социальные сети, публикации собственного контента и использовании онлайн игр.

Ключевые слова: интернет-активность, гендерные различия, молодежь.

GENDER DIFFERENCES OF INTERNET ACTIVITY OF MODERN YOUTH

Gnutova Anastasia Olegovna

Postgraduate student of the Department of Psychology

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: nastya-gnutova@mail.ru)

This article deals with the peculiarities of Internet activity and its impact on such a category of the population as students. The study proved that the degree and characteristics of Internet activity have gender differences. First of all, this applies to the field of self-presentation through social networks, the publication of their own content and the use of online games.

Key words: Internet activity, gender differences, youth.

В современных реалиях всё больше набирает обороты процесс интеграции современного человека в виртуальное пространство. Интернет-среда в процессе информационного обмена, общения с виртуальными

собеседниками оказывает влияние на формирование ценностно-смысловой сферы и направленности личности.

В работах отечественных и зарубежных учёных рассматриваются различные аспекты интернет-активности: от положительных возможностей использования интернет-ресурсов в различных сферах жизнедеятельности до определённых рисков, связанных с потерей чувства реальности, интернет-аддикцией, вовлечением в сообщества с экстремистской направленностью и т.д.

Среди авторов, занимающихся изучением влияния киберпространства на личность, стоит отметить О. Н. Арестову, М. Д. Бэка, Д. А. Будко, А. Е. Войскунского, Я. А. Волкову, С. Д. Гослинга, А. Джонсона, О. В. Лагутина, А. В. Ларионову, Д. С. Мартьянову, Ш. Теркл, В. Фриндте, а также Ш. Теркл и др. [1].

Для того, что говорить об особенностях интернет-активности той или иной категории граждан, необходимо отталкиваться от определения данного понятия.

В словарях «интернет-активность», также известная как «активность онлайн», «цифровое поведение», «киберактивность» и т.д., определяется как использование технологий электронной коммуникации, таких как социальные медиа, электронная почта и подкасты для различных форм активности, чтобы позволить более быструю коммуникацию и доступ к информации [2].

Несмотря на актуальность изучения интернет-активности, многие её аспекты являются не изученными. В данной работе, мы касаемся рассмотрения гендерных различий интернет-активности среди молодежи.

С целью изучения особенностей интернет-активности было проведено эмпирическое исследование. В качестве диагностического инструментария использовалась авторская анкета. Исследование проводилось в период с 11.10.2021 г. по 24.10.2021 г. В качестве выборки были взяты 65 человек в возрасте от 17 до 24 лет (31 мужчина и 34 женщины). Все респонденты имели доступ в интернет и были активными его пользователями. Опрос респондентов проходил дистанционно, с использованием сервиса Google Forms.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

На вопрос о времени, проведенном в сети, 96% опрошенных утверждают, что пользуются интернетом каждый день, 4% несколько раз в неделю или же реже. При этом среднее время в день, затраченное на интернет, отличается. Больше половины респондентов отмечают, что более 6 часов в сутки находятся онлайн, 27% человек – 4-5 часа, 18% - около 2-3 часов, и только 2 % опрошенных пользуются интернетом меньше 1 часа в день. Гендерных отличий в данных показателях обнаружено не было.

При этом, и юноши, и девушки отметили, что готовы пожертвовать временем, учебными делами и телевиденьем, ради хорошо (с пользой и с развлечением) проведённого вечера в интернете. На вопрос «Сколько Вы могли бы продержаться без гаджетов и интернета?», большинство (65% респондентов), ответили «1 день» или же «2 дня» (25%).

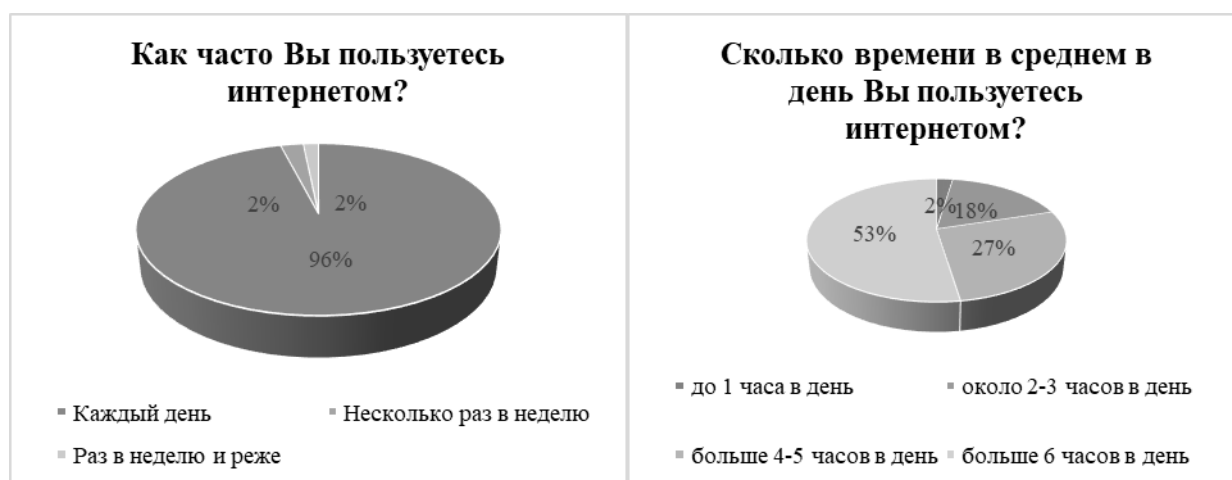

Рис. 1 Частота и количество времени использования интернета

В данном случае количество проведенного времени, не соотносится с его качеством. Больше половины опрошенных указали на то что часто замечают, что проводят время в интернете бесцельно. Например, проверяют по нескольку раз пустую почту, обновляют ленту новостей в социальной сети и пр.

Кроме того, что опрошенные респонденты отмечают, что интернет содержит огромное количества информации, он также представляет собой широчайшую зону коммуникации людей. Но при этом мотивы использования разнообразных возможностей всемирной сети могут отличаться в зависимости от потребностей, ценностей, личностной направленности пользователей, а также пола. Мотивы использования интернета мужчинами и женщинами представлены на рис. 2.

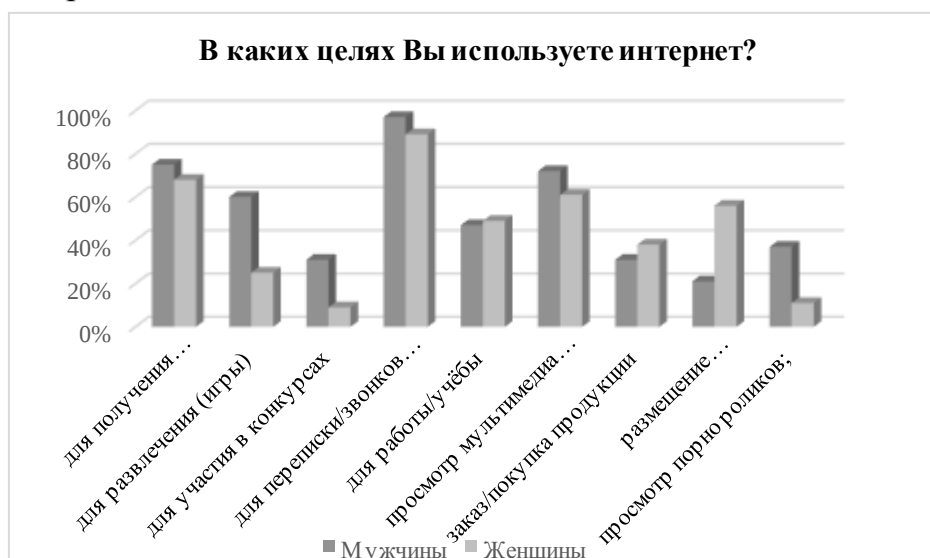

Рис.2. Диаграмма распределения ответов респондентов о целях использования интернета

В представленной диаграмме видна разница в мотивах использования интернета юношами и девушками.

В целом и для юношей, и для девушек характерно использование интернета для поиска информации, получения новых знаний. Характеристики этих знаний могут иметь разные оценки в зависимости от любопытства пользователя и направленности познавательного интереса. Новые возможности обслуживания, различная гипертекстовая информация, новые люди, идеи и мнения, визуальные и слуховые образы (медиа) могут быть предметом повышенного внимания в сети. К тому же больше половины испытуемых отметили, что используют интернет в учебных целях, или же их работа относится к сфере онлайн-услуг.

Для всей выборки пользователей характерны высокие показатели коммуникативного мотива. Он характеризуется поиском новых знакомств, людей с близкими интересами, обменом мнениями, обретением нового круга друзей и единомышленников. Данный показатель связан с естественной для молодого человека потребностью в обмене знаниями, мнениями, эмоциями с другими.

Наибольшие различия были обнаружены в игровом мотиве ($\varphi_{\text{эмп.}} = 3,185$; $p \leq 0,01$), юноши в большей степени, нежели девушки, используют интернет для онлайн-игр. Причем виды компьютерных игр, предпочитаемые респондентами, представлены практически в равном соотношении (рис.3).

Рис.3 Диаграмма распределения ответов респондентов о видах предпочитаемых компьютерных игр.

Также девушки отметили, что в большей степени размещают собственный контент, чем юноши ($\varphi_{\text{эмп.}} = 3.131$; $p \leq 0,01$), что говорит о большей потребности девушек презентовать себя и продукты своей деятельности в онлайн-пространстве.

Ещё одной интересной особенностью использования интернета юношами, стало посещение порно-сайтов. 37% юношей и 11% девушек указали среди мотивов обращения к интернету – просмотр порно ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2.320$; $p \leq 0,01$). При

этом, юношей привлекает в использовании интернета в большей степени анонимность, девушек же полезность и доступность.

Среди социальных сетей, по степени использования, лидируют Вконтакте и Instagram, на 3м месте был отмечен TikTok. Наиболее популярными мессенджерами для общения были отмечены Telegram, Viber и WhatsApp. Меньшими по популярности – Skype и Zoom.

Что касается социальных сетей и мессенджеров, то следует выделить 2 аспекта. Первый – это самопрезентация личности через личные аккаунты. Гендерные отличия были обнаружены в оформлении самих аккаунтов. Юноши в большей степени, чем девушки, склонны на место аватара, ставить фото незнакомого человека/животного/предмета, или же вообще воздерживаются от этого. Если свое фото все-таки публикуют, то отдается предпочтение совместным фотографиям с другими людьми. Большинство же девушек отметили, что в качестве аватара в социальных сетях используют своё реальное фото (рис.4)

Рис.4. Диаграмма распределения ответов респондентов о предпочитаемых фото социальных сетей.

Что касается информации о себе, то девушки склонны в большей степени указывать о себе данные, полностью соответствующие реальности, нежели юноши ($\varphi_{\text{эмп.}} = 1.632$; $p \leq 0,05$). Юноши же отметили, что в их профилях может находиться часть выдуманной информации, или же просто она указана выборочно.

Второй аспект – различия в особенностях коммуникации в виртуальном пространстве. В целом, для всей выборки характерно использование интернета для связи с людьми, находящимися на расстоянии, получения поддержки единомышленников и занятия свободного времени.

Значимые различия были получены в сравнении количества виртуальных друзей. Около 60% девушек отметили, что в списке их друзей насчитывается больше 100 человек, 50-100 человек – 15% и меньше 50 – 25%. Больше 100 друзей насчитывается у 40% юношей, от 50 до 100 – у 18%, 30-50 – у 30% и меньше 30 – у 22 % пользователей.

Фейковые страницы в социальных сетях имеют 30% девушек и 10% юношей. На вопрос о мотивах их создания, наиболее частыми были ответы «для анонимного общения», «с развлекательной целью», «для слежения за людьми» и «запасной вариант, в случае блокировки основного аккаунта».

В данном случае, мы можем говорить о нескольких разных мотивах:

- развлекательный (например, занятия «троллингом» (написанием провокационных сообщений и комментариев с целью разозлить собеседника, нахамить ему));
- как способ защитить свою личную жизнь и персональную информацию (исследования Ноела МакДермонта доказали, что во время просмотра социальных сетей вырабатывается гормон дофамин, который отвечает за изменение настроения, а используя второй аккаунт, пользователь может испытывать чувство сохранности и удовлетворения);
- для получения необходимой информации, оставаясь при этом неизвестным [3].

Таким образом, на основе анализа результатов исследования можно сделать несколько предварительных выводов. Интернет является безусловным рабочим инструментом и колоссальным источником информации для современной молодежи, в мотивационной структуре которого наиболее важным является деловой, познавательный и коммуникативный мотивы. В использовании интернета наиболее привлекательным для молодых людей является анонимность и доступность. Что касается гендерных особенностей, то наибольшие различия были выявлены в области самопрезентации через социальные сети, публикации собственного контента и использовании онлайн

игр. Следовательно, вполне правомерно говорить о наличии на современном этапе половых различий в сфере компьютерных технологий и интернет-активности.

Список использованных источников

1. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.
2. Манеров В. Х. Мировоззрение и личностные феномены Интернет-коммуникации / В.Х. Манеров, Н.Н. Королева, И.М. Богдановская. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 345 с.
3. Чумакова В. А. Психологические особенности интернет-коммуникаций в социальных сетях // Молодой ученый. – 2013. – № 3. – 453 с.

УДК 316.6

СЛУХИ, СПЛЕТНИ И КЛЕВЕТА КАК МАССОВЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Головлева Елена Викторовна

*доцент, канд. психол. наук., доцент кафедры социологии управления
Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: kyrienco@yandex.ru)*

Статья посвящена анализу механизмов формирования и социально-психологических функций таких массовых психологических явлений как слухи, сплетни и клевета. Слухи, клевета и сплетни давно стали неотъемлемой частью бытия человека. Они играют важную роль в формировании общественного мнения, имиджа личности, организации. Отдельное внимание уделено обсуждению результатов авторского исследования представлений о сплетнях, слухах и клевете у жителей Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: массовые психологические явления, слухи, сплетни, клевета, социально-психологические функции массовых явлений.

FUNCTIONS OF HEARS, SPELLS AND SLAVERS AS MASS PSYCHOLOGICAL EVENTS

Golovleva Elena Viktorovna

*associate professor, candidate of psychological sciences, associate professor of the
department of sociology of management
Donetsk Academy of Management and Civil Service
under the Head of the Donetsk People's Republic (DPR, Donetsk)
(e-mail: kyrienco@yandex.ru)*

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of formation and analysis of the socio-psychological functions of such mass psychological phenomena as rumors, gossip and slander. Rumors, slander and gossip have long become an integral part of

human life. They play an important role in the formation of public opinion, the image of an individual, an organization. Special attention is paid to the analysis of the results of the author's research of ideas about gossip, rumors and slander among residents of the Donetsk People's Republic.

Key words: mass psychological phenomena, rumors, gossip, slander, social and psychological functions of mass phenomena.

Жизнь любого человеческого индивида неразрывно связана с обществом. Можно даже говорить, что любой взрослый человек – это продукт его собственного социального опыта и социальных взаимодействий. Самооценка, картина мира, черты характера – все это формируется только благодаря влиянию окружения на личность. Человек всей своей сущностью погружен в социальные процессы и явления.

Известно, что, находясь среди группы людей, человек чувствует, переживает, воспринимает и ведет себя несколько иначе, чем наедине с самим собой. Атмосфера прямого контакта со многими людьми меняет степень проявления тех или иных свойств человека, высвечивает в этих свойствах такие стороны, о которых нередко он сам и не подозревал. Поэтому массовые психологические явления играют весьма значительную роль в межличностных отношениях. К массовым психологическим явлениям принято относить общественное мнение, массовое настроение, традиции, а так же отдельной группой можно выделить сплетни, слухи и клевету. И, если первым указанным явлениям социальная психология давно уделяет пристальное внимание, то вторая группа практически не изучалась.

Мы в своем исследовании поставили перед собой задачу изучить представления о роли и функциях сплетен, слухов и клеветы как о социально-психологических явлениях.

Вторая мировая война ознаменовала всплеск интереса к психологии слухов и контроля над слухами. Основная работа была проделана Гордоном У. Олпортом и Лео Постманом (1947), стимулом для которой была их озабоченность по поводу ущерба моральному духу и национальной безопасности, вызванного угрожающими слухами, распространяющими ненужную тревогу и вызывающими экстравагантные надежды [2]. В последующее десятилетие проводились некоторые формирующие исследования (например, Л. Фестингер, Дж. Келли и др. 1950; Х. Бардик 1955), а затем период затишья. Другой цикл интереса появился в конце 1960-х и 1970-х годах, начиная с публикации книги социолога Тамоцу Шибутани «Социальная психология» (1966): в которой он рассматривает гражданские беспорядки, а также эссе Милгрэма и Тоха (1969) о коллективном поведении, за которым следуют другие книги, написанные с социологической или психологической точки зрения [3]. Совсем недавно интерес к слухам, сплетням и клевете возобновился.

Современная ситуация в мире, как политическая, так и экономическая, напрямую зависит от описываемых нами явлений. Слухи, сплетни,

клеветнические наветы играют важную роль в формировании общественного мнения, имиджа личности, организации, даже государства. Часто слухи используют с целью навредить, причинить ущерб, для провоцирования населения на совершение действий выгодных для одной из конфликтующих сторон, например массовых беспорядков, забастовок. Мы сталкиваемся с этими массовыми явлениями в новостных пабликах, телевизионных шоу, в живом общении...

Под слухами принято понимать особую, обычно недостоверную информацию (и/или искажающую форму передачи любой информации), распространяющуюся исключительно в устной форме, как бы «по секрету», «из уст в уста», и функционирующая исключительно в звуковой форме.

Сплетни обычно рассматриваются как производная слухов. Это непроверенные сведения о людях, первоначально передаваемые устным путём.

Клевета – это распространение заведомо ложных сведений, порочащих чью-то честь, достоинство или репутацию [1].

Как и любое другое социальное явление, слухи, сплетни и клевета выполняют определенные функции в регуляции социальных отношений. Например, с помощью сплетни люди могут интегрироваться в группы. Сплетня – это аналог системы распознавания «свой-чужой». Скажи мне, как ты сплетничаешь о событии или человеке, и я скажу тебе, кто ты сам. По распространяемым в обществе слухам и сплетням можно узнать не только, что стоит на повестке дня как самые важные события, но и оценить общественное мнение относительно этих событий.

Клевета так же является серьезным оружием против любого члена общества. От рядового сотрудника захудалой фирмы, стремящегося подняться по карьерной лестнице, до руководителя государства. История знает не мало фактов, когда сплетни или клевета оказались решающими в ходе исторических событий.

Исследователи выделяют несколько видов слухов [1]: Слух-желание, слух-пугало, агрессивный слух. Слухи-желания отражают потребности и ожидания социума. Например, в последние годы в Донецкой Народной Республике широко распространены слухи о скором присоединении к Российской Федерации, указываются точные даты и содержание секретных документов.

Слух-желание осуществляет двоякую функцию. С одной стороны, он соответствует пожеланиям людей, и потому поддерживает тонус их социального существования. Такого рода слухи успокаивают, препятствуют развитию негативных эмоций, не дают развиваться панике и излишней агрессивности. С другой стороны, такие слухи деморализуют население, создавая завышенные ожидания. Когда с течением времени становится очевидным, что желаниям не суждено осуществиться, могут возникать противоположные явления – вспышки агрессивного поведения, панические реакции, ненависть по отношению к тем, кто якобы «наобещал», но не

выполнил обещанного. Подобные слухи активно используются для манипуляций психологией масс.

Слух-пугало – слух, несущий и вызывающий выраженные негативные, пугающие настроения и эмоциональные состояния, отражающие некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. Обычно слухи такого типа возникают в периоды социального напряжения. Их сюжеты варьируются от просто пессимистических до явно панических. Особое распространение такие слухи приобретают в ситуациях сложных социальных и политических реформ, смены власти, режима или социально-политической системы в целом. Например, в последние годы такими слухами-пугалами являются «новости» и грядущем и неизбежном наступлении войск. Или все помнят панические настроения, связанные с «концом света» и календарем племени Майя.

Агрессивный слух – слух, не просто вызывающий негативные настроения и состояния, отражающие нежелательные ожидания аудитории, а конкретно направленный на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и поведенческого «ответа», жесткого агрессивного действия. Слухи такого рода возникают в ситуациях острых противоречий, связанных с социальными межгрупповыми и межэтническими, межнациональными конфликтами. Агрессивные слухи – продолжение «слухов-пугал». В основе их сюжетов присутствует агрессивный заряд. Примером таких слухов могут быть слухи, предшествующие событиям на Майдане Незалежности в Киеве в 2013 году. Основная функция агрессивных слухов – не просто запугивание, а провокация агрессивных действий.

В ходе нашего исследования было опрошено 400 респондентов возрастом от 18 лет до 65 лет из разных городов и районов Донецкой Народной Республики, 188 (47%) человек из которых мужчины и 212 (53%) женщины.

Результаты исследования показали, что большинство опрошенных мужчин определяет сплетни, как ложь или наговор (39%), в свою очередь среди женщин наиболее популярным (34%) стал такой ответ как «обсуждение кого-либо в его отсутствие». Большинство мужчин и женщин воспринимают клевету как заведомо ложную информацию, порочащую честь и достоинство человека (24% и 28%). В равной мере каждый пятый опрошенный мужчина и женщина (27% и 28%) ассоциируют клевету с наветом, наговором, напраслиной, поклёпом. Практически треть опрошенных нами респондентов (29%) считают, что слухи – это полуправдивая информация, требующая подтверждения фактами. Каждый десятый мужчина (10%) и 15% женщин считают, что слухи являются ложной информацией. Практически каждая десятая женщина (9%) и каждый десятый мужчина (12%) ассоциируют слухи со сплетнями.

72% мужчин считает, что сплетни, слухи и клевета возникают из-за зависти, а женщины (57%) считают, что сплетни и слухи возникают из-за желания отомстить за нанесённую обиду, но по мнению женщин в основе клеветы лежит страх перед более сильными (61%).

Наиболее распространенными каналами распространения клеветы и сплетен у мужчин выступили «сарафанное радио» (39%) и СМИ(33%), а у женщин СМИ (32%) и соцсети, интернет (28%). Преобладающая часть опрошенных как мужчин, так и женщин (по 62%) считают, что слухи распространяются через СМИ, там же они и формируются. Только 23% мужчин и 30% женщин уточнили, что бытовые слухи распространяют те люди, которые хотят «раскачать» ситуацию в том или ином вопросе.

Мужчины чаще всего сталкиваются со сплетнями и клеветой в новостях (68%), а со слухами – на работе или учёбе (49%). Женщины сталкиваются со сплетнями и слухами среди друзей и знакомых (53%), а вот с клеветой – в различных СМИ (40%).

Большинство мужчин (54%) и женщин (40%) отметило, что сплетни и слухи распускают для получения личных преимуществ наряду с другими людьми или в ущерб им, так же треть (30%) опрошенных женщин указала, что сплетни играют роль поддержания единства и ценностей. А вот клевета это, по обоюдному убеждению, как мужчин (73%) так и женщин (65%), это попытка избавиться от конкурента.

Таким образом, мы можем констатировать, что современные мужчины и женщины прекрасно понимают функции сплетен, слухов и клеветы. Осознают механизмы формирования и распространения этих явлений. Однако, в то же время, в данный период развития общества эти явления продолжают оставаться не просто массовыми психическими явлениями, но сильнейшим механизмом воздействия и манипулирования массовым сознанием и поведением.

Список использованных источников

1. Назаретян, А. П. Психология стихийного массового поведения : учебное пособие для вузов / А. П. Назаретян. – 3-е изд., доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 158 с.
2. Олпорт, Г. Становление личности: избр. тр. / Г. Олпорт; пер. с англ. Л. В. Трубицына, Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2002. – 461с.
3. Росноу Р.Л., Фостер Э.К. Исследование слухов и сплетен // Повестка дня психологической науки [сайт]. – URL: <https://www.apa.org/science/about/psa/2005/04/gossip> (дата обращения: 24.11.2021). – Текст : электронный

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОСТРАДАНИЯ

Голышева Надежда Викторовна

*Старший преподаватель кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: golysheva-nadya@mail.ru)*

В данной статье проводится краткий обзор представлений отечественных ученых о понятии «сострадание». Рассматриваются основные факторы развития и возникновения сострадания как высшего нравственного чувства личности, благодаря которому человек способен сочувствовать, понимать переживания другого и оказывать помощь словом утешения.

Ключевые слова: симпатия, сочувствие, сострадание, сорадование.

DEVELOPMENT AND COMPASSION FACTORS

Golysheva Nadezda Viktorovna

*Senior lecturer of the Department of Psychology.
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: golysheva-nadya@mail.ru)*

This article provides a brief overview of the views of Russian scientists about the concept of «compassion». The main factors of the development and emergence of compassion as the highest moral sense of the individual, thanks to which a person is able to sympathize, understand the feelings of another and provide help with the word of consolation.

Key words: sympathy, compassion.

Введение. В религиозно-философских трудах русских мыслителей XIX-XX вв.: И.Н. Сковцова, Н.Я. Грота, Г.И. Челпанова, К.Д. Ушинского, В.В. Зеньковского, А. Гиляревского проблема сочувствия, сопереживания, сострадания, сорадования достаточно тесно связано с этическим понятием «симпатия».

Категория симпатии (от греч. pathos – чувство и syn – приставка, т.е. чувствовать с кем-то, сочувствовать) имеет древнегреческое происхождение и по мнению С.М. Каргапольцева приписывается стоиками в качестве «объективной духовной общности всего сущего», позволяющей людям «сочувствовать друг другу» [4, с 70].

В отечественной религиозно-философской литературе XIX-XX в. активно используются понятие «симпатия» как некое соответствие в душевном расположении между людьми, способность сочувствования, сочувственного переживания радости и страданий других людей.

Так, по мнению И.Н. Сковцова соучастие выражается в двух формах: эстетической и практической. Эстетическое соучастие проявляется в способности легко и быстро воспринимать чувства другого, а практическое

соучастие позволяет не только чувствовать состояния другого, но и оказывать ему помощь словом утешения [5].

Н.Я. Грот описывает симпатию как способность к сочувствованию, сочувственному переживанию удовольствий и страданий других людей. Благодаря этой способности человек одобряет или не одобряет то, что делает сам, и что другие люди делают для своего блага [2].

К.Д. Ушинский относит сострадание к высшим нравственным чувствам. Он подчеркивает, что важно различать «нервное сочувствие» от «сочувствия душевного». Так, сострадание, по мнению ученого это «душевное сочувствие», а сочувственное подражание – «нервное сочувствие». Сравнивая сочувственное подражание и сострадание, ученый отмечает, что «нервное сочувствие» не выступает условием «сочувствия духовного». Симпатия включает в себя две составляющие: чувство страдания другого и стремление избавиться или облегчить его [6].

А. Гиляревский объясняя «симпатические чувства», отмечает, что это такие чувства, в которых один человек живет жизнью другого лица, разделяя его горе и радость и действуя в пользу другого так, как бы действовал ради себя. Сочувствие является основной формой всех симпатических чувств. Независимо от того, печалимся мы или испытываем радость вместе с другим человеком, сочувствие проявляется в двух формах: в сострадании или в сорадовании [1].

Основная часть. Целью данной статьи является анализ основных факторов развития и возникновения сострадания.

На наш взгляд, стоит отметить труды В. Зеньковского, Г.И. Челпанова, А. Гиляревского, С.М. Каргапольцева, которые придают особое значение факторам развития и возникновения сострадания.

По мнению В.В. Зеньковского, наибольшее развитие сострадание приобретает между вторым и шестым годами жизни. В этот период предметом сострадания могут выступать члены семьи, другие люди, животные или образы людей, животных, растений в картинах или рассказах. С расширением круга социальных связей, начиная с третьего года жизни, заметно растет сострадание к лицам, стоящим вне семьи [3].

Степень развития сострадания у детей обусловлена индивидуальными различиями. Девочки всегда чувствительнее мальчиков. Вялость эмоциональной сферы и отставание в развитии личности могут стать причиной слабо развитой отзывчивости в будущем [3].

В трудах Г.И. Челпанова, А. Гиляревского подчеркивается, что для развития «чувства симпатии» необходимо накапливать жизненный опыт, в котором должен присутствовать самый разный спектр переживаний. Наиболее способным к сочувствию будет тот человек, который сам не раз переживал горе или радость [1,7].

Особая роль отводится процессу воображения в развитии сострадания. Так для того, чтобы подражать тем или иным чувствам другого человека, необязательно переживать их самому. Некоторые чувства человек может

понять не только в процессе переживаний, но и воображая их или через описания чувств другими людьми [1].

А. Гиляревский объясняя процесс возникновения сочувствия, отмечает, что чувства каждого человека непроизвольно обнаруживаются для других людей в мимических движениях и через них вызывают по отношению к себе сочувствие. Благодаря внешнему выражению чужих чувств и вследствие деятельности воображения у человека возникает представление о том состоянии, которое переживает другой. А представление о чужом состоянии ставит нас на место другого лица, делает участником его переживаний, заставляя нас радоваться с радующимся или плакать с плачущим [1].

С состраданием человек сталкивается чаще, чем с сорадованием. У нравственно не огрубевшего человека сострадание возникает легко и непроизвольно, в отличие от сорадования, которому часто препятствует эгоизм [1].

Сочувствие не проявится, если не будет осознано различие между собственной и чужой личностью, потому что, уходя всецело в свои собственные состояния и не абстрагируясь от них, человек не сможет поставить себя на место другого человека и испытать состояния, переживаемые им [1].

Наше сочувствие тем сильнее, чем дороже и ближе нам другой человек. Ненависть приводит человека к неспособности к сочувствию. Она может вызывать у человека чувство зависти или злорадство в адрес других людей [1].

Кроме того стоит отметить, что и в исследовании современного ученого С.М. Каргапольцева также особая роль в развитии симпатических чувств отводится следующим условиям / факторам:

- воображение, проявляющееся в способности представлять себя на месте другого, расширение опыта переживаний, под которым понимается «привычка интересоваться окружающими лицами, реальные переживания по поводу выраженных состояний другого» [4, с 71];

- «умственное развитие, упражнение в деятельном сочувствии и сорадовании, подражание и пример Значимого Другого» [4, с 71]. Ученый подчеркивает, что одним из важных условий симпатического развития личности выступает непосредственное общение с другими людьми и более всего со значимыми другими [4];

- «образовательно-педагогические приоритеты непосредственного (лицевого) общения, внешняя выраженность переживаний (эстетика симпатии)» [4, с 72]. Подчеркивается важность умения слушателя понимать, в первую очередь, невербальные средства выражения эмоций и чувств другого в процессе общения. При этом не менее важна эстетика симпатии, т.е. ее внешняя выраженность, которую мы можем и должны находить в примерах «благодетельных и человеколюбивых деяний, в истории или творениях искусства» [4, с 72], подчеркивая их нравственную красоту и достоинство [4].

Выводы. Таким образом, благодаря состраданию человек может разделить горе и радость другого, поставить себя на его место, понять, что он переживает, облегчить страдания или избавить от них.

Как высшее нравственное чувство сострадание зарождается в процессе общения ребенка со значимыми взрослыми между вторым и шестым годами жизни. Мальчики менее чувствительны девочек. Слабо развитая отзывчивость во взрослом возрасте может быть следствием отставания в развитии эмоциональной сферы в прошлом.

Факторами влияющими на дальнейшее развитие сострадания являются: расширение круга социальных связей, подражание и пример Значимого Другого, опыт переживания самых разнообразных эмоций и чувств, способность к воображению, представлению эмоций и чувств другого человека, упражнение в деятельном сочувствии и сорадовании, образовательно-педагогические приоритеты непосредственного (лицевого) общения, внешняя выраженность переживаний (эстетика симпатии) [4].

Список использованных источников

1. Гиляревский А. Пособие к изучению психологии: Учеб. пособие по психологии для духов. семинарий / [Электронный ресурс]. Соч. Свящ. А. Гиляревского. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: тип. Е.К. Гербек и К°, 1888. – 250, IV с. 23. – Режим доступа: <http://www.xpa-spb.ru/bib-per/bib-alf5.html#> (дата обращения: 25.10.2021).
2. Грот Н.Я. Сочинения: в 4 т. / ред. Н.Г. Мозговая, А.Г. Волков / [Электронный ресурс]. Н.Я. Грот. – Мелитополь: Издательский дом Мелитопольской городской типографии, 2013. – 462 с. – Режим доступа: <https://www.koob.ru/grot/> (дата обращения: 25.10.2021)
3. Зеньковский В.В. Психология детства. 1924. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Zenkovskij/psihologiya-detstva-1924-9.html> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Каргапольцев С.М. Эмоционально-нравственная категория симпатии: историко-педагогический аспект [Электронный ресурс]. / С.М. Каргапольцев // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2017. - № 10 - с 71-73 - Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2017_10/15.pdf (дата обращения: 30.11.2021).
5. Скворцов И.М. Сочинения в 2 т. Под ред. Н.Г. Мозговая / [Электронный ресурс]. И.М. Скворцов. –Мелитополь; МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2012. – 415 с. – Режим доступа: https://www.koob.ru/skvortsov_i/ (дата обращения: 20.11.2021).
6. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 9. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том второй. / [Электронный ресурс]. К.Д. Ушинский. – Москва: АПН РСФСР, 1950. – 626 с. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/ushinsky_sobranie_sochineny_tom09_1950_text.pdf (дата обращения: 15.09.2021).
7. Челпанов Г.И. Учебник психологии (для гимназий и самообразования) 12-е изд.) / [Электронный ресурс]. Г.И. Челпанов. – Москва, 1915. – 222 с. - Режим доступа: http://elibrary.gnpbu.ru/text/chelpanov_uchebnik-psihologii_1915/go,0;fs,0/ (дата обращения: - 15.09.2021).

УДК 159.9:316.6

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гордеева Алла Валериановна

*канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)*

(e-mail: a.valer@mail.ru)

В статье приведен сравнительный анализ показателей этнической идентичности студентов, обучающихся в Донецком национальном университете, полученных путем срезов в 2016, 2019 и 2021 годах. Эти годы соответствуют разным этапам становления Донецкой народной республики. Показано, что в настоящее время доминирует позитивная этническая идентичность, наблюдается тенденция снижения числа студентов с деструктивными типами этнической идентичности, но увеличивается число студентов с неопределенной этнической идентичностью.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, этнос, студент, Донецкая Народная Республика.

DYNAMICS OF CHANGE IN ETHNIC IDENTITY OF YOUTH OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Gordeeva Alla Valerianovna

candidate of Psychological Sciences, associate professor,

Head of the Department of psychology

Donetsk National University (Donetsk)

(e-mail: a.valer@mail.ru)

The article provides a comparative analysis of the indicators of ethnic identity of students studying at Donetsk National University, obtained by means of cross-sections in 2016, 2019 and 2021. These years correspond to different stages of the formation of the Donetsk People's Republic. It is shown that at the present time a positive ethnic identity dominates, there is a tendency for a decrease in the number of students with destructive types of ethnic identity, but the number of students with an indefinite ethnic identity is increasing.

Keywords: identity; ethnic identity; ethnicity, student, the Donetsk People's Republic.

На протяжении последних восьми лет в Донбассе длится военный конфликт, который по своей масштабности и продолжительности относится к социальным конфликтам. Жители не только приспособились, но и научились выживать, жить, работать, воспитывать детей в сложных условиях войны и блокады со стороны Украины. Конфликт затронул все слои населения, привел к трансформации всей системы представлений о себе, изменил субъективную

картину мира жителей ДНР, систему ценностных ориентаций, социальную и этническую идентичность.

Проблема этнической идентичности – одна из самых дискуссионных проблем, изучаемых разными науками, включая психологию. Психологи рассматривают ее как социально-психологическое явление (Е.М. Галкин, Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко и др.). Истоки этой проблемы лежат в противоречиях, сложившихся в современном мире: с одной стороны, это глобализация и ощущения себя человеком мира [1], с другой – потеря себя и поиск «якорей», то есть тех ниточек, которые позволяют почувствовать себя в безопасности и не потеряться в мире, видеть и чувствовать рядом людей, близких по языку, интересам, ценностям, культурным традициям, то есть принадлежать какой-то социальной группе [5]. Размывание или потеря этнической идентичности из структуры социальной идентичности может привести к потере целостности Образа Я и нарушению связи с культурой [7]. Т.Г. Стефаненко в качестве одного из самых важных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, называет глобальные изменения в социально-политической сфере и изменения в межэтнических отношениях [6].

Именно этот фактор присутствуют в жизни жителей ДНР. Однако следует отметить, что сложные материально-бытовые условия жизни, проблемы с работой, угроза обстрелов, боязнь за жизнь детей не сломили людей, а сделали их более сплоченными. СМИ, действующие интернет-сообщества освещают жизнь и деятельность молодой Республики во всех ее аспектах. Ведется активная работа общественных организаций, волонтерская деятельность, большая воспитательная работа в образовательных учреждениях. В Донбассе всегда проживало многонациональное население, объединяющим средством общения и родным языком для большинства был русский язык. Агрессия со стороны Украины, потом экономическая блокада Республики привели к прекращению всех производственных, культурных и научных связей Украины и Донбасса и вытеснению украинского языка из всех сфер общения, и в первую очередь, из системы образования, где он был основным. И, наоборот, в последние годы активно расширяются связи с Россией, учреждения образования – вузы, техникумы и школы – получают российскую аккредитацию. Все эти факторы влияют на этническое самосознание взрослых жителей ДНР, но еще в большей степени на молодежь, которая наиболее восприимчива к изменениям в силу своих возрастных особенностей.

Этническая идентичность понимается как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и отделения от других этносов [4,6]. Формируется этническая идентичность в подростковом возрасте, однако в течение жизни под влиянием ряда факторов, о которых было сказано выше, она может меняться [7].

На протяжении всех восьми лет существования Донецкой Республики мы проводили исследования формирования этнической идентичности школьников и студентов города Донецка [2,3].

В данной статье приводится анализ результатов исследований 2016, 2019 и 2021 годов, проведенных на выборках студентов 1-2-х курсов Донецкого национального университета, с целью проследить предполагаемые изменения этнической идентичности. В выборке студентов 2016 года было 42 человека, 2019 года – 65 студентов, 2021 года – 98 человек. Всего 205 человек. Следует отметить, что эти три группы отличаются разной длительностью проживания в условиях конфликта. Студенты первой группы (2016) учились в школе в мирное время, когда политика страны была направлена на формирование украинской гражданской идентичности, сокращались часы изучения русского языка, предметы преподавались на украинском языке, украинский язык активно внедрялся даже в детских садах. Однако дома, в быту, на работе использовался русский язык. Между жителями Донбасса, воспринимавших себя как представителей русского или украинского этносов, не было антогонизма и противоречий. Ряд исследований этнической идентичности и толерантности, выполненных в рамках дипломных работ, доказывали это, жителям Донбасс был присущ высокий уровень толерантности.

Студенты второй группы (2019 г.) три последних года в школе учились уже в ДНР, причем в период самых активных боевых действий. Мы предполагали, что это приведет к изменению особенностей этнической идентичности.

Последний срез в 2021 году охватывает шестилетний период обучения в школе наших испытуемых. Студенты всех трех групп обучались в Донецком национальном университете Донецкой Народной Республики.

Во всех исследованиях использовался опросник «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, позволяющий диагностировать этническое самосознание и его трансформацию в условиях межэтнической напряженности. Один из показателей трансформации этнической идентичности – это рост этнической нетерпимости (интолерантности). Степень этнической толерантности респондента оценивается на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп, порога эмоционального реагирования на иное этническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении других групп. В таблице 1 и на рис.1 приведен сравнительный анализ показателей типов этнической идентичности студентов 2016, 2019 и 2021 годов. В таблице 2 приведены результаты сравнения выборок, выполненные с помощью критерия Стьюдента.

Сравнивая полученные результаты, можно отметить, что практически по всем видам идентичности получены значимые различия, не достигли 5% уровня статистической значимости показатели по этнической индифферентности выборок 2016 и 2019 годов. Однако полученная ошибка в 6% позволяет предположить о некоторых различиях и по этой шкале. Одинаковыми оказались показатели нормы для студентов в 2016 и 2021 годах (табл.2).

Таблица 1

Средние показатели типов этнической идентичности по годам

Тип этнич. идентичности	2016 г.	2019 г.	2021 г.
Этнонигилизм	3,38	7,09	4,63
Этнич.индифферентность	11,40	10,25	13,16
Норма (позит.идент.)	15,69	14,14	15,6
Этноэгоизм	4,64	9,77	3,21
Этноизоляционизм	4,07	9,80	2,77
Этнофанатизм	5,33	8,18	3,26

Очевидно, что для студентов всех срезов наиболее выраженным типами является норма (сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам.). Причем средние показатели 2016 совпадают с 2021 годом, и они значимо выше, чем этот же показатель в 2019 году.

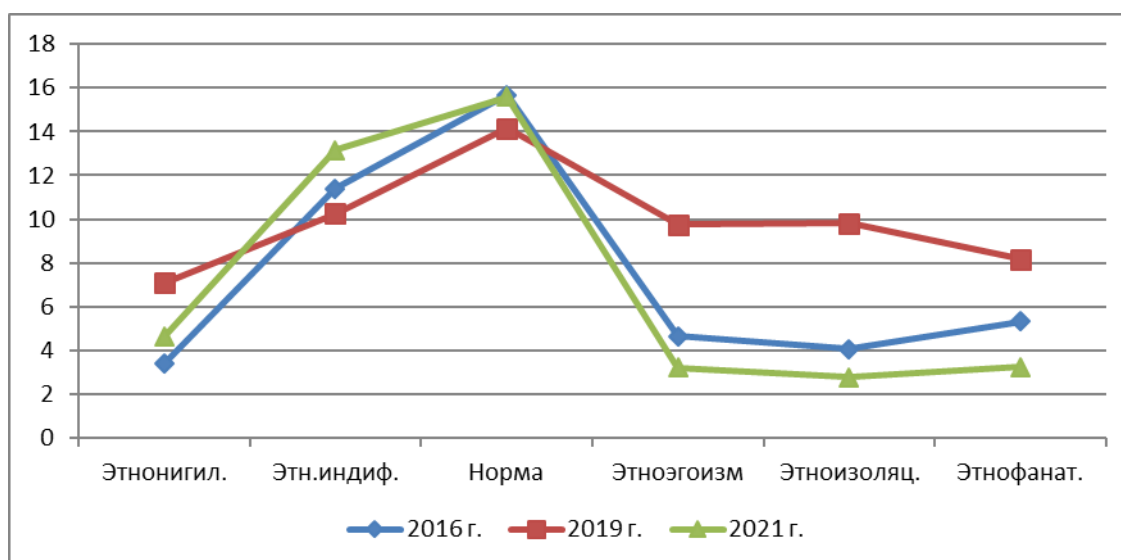

Рис.1. Профили выраженности типов этнической идентичности

Показатели этнического инфантилизма или индифферентности (размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности) для всех срезов стоят на втором месте выраженности в профиле этнической идентичности. Но в выборке 2016 года эти показатели несколько больше, чем в выборке 2019 года, а в выборке 2021 года уже значимо больше первых двух.

На рис.1 хорошо видно, что профили 2016 и 2021 похожи, имеют общую точку в норме, однако все другие типы значимо различаются. Интересно, что если в 2016 году были больше показатели по типам этноэгоизма, этноизоляционизма, фанатизма и меньше по этнонигилизму и индифферентности, то в 2021 году, картина противоположная.

Профиль же 2019 года имеет выраженные особенности и отличия по шкалам этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм. Показатели этих шкал значительно выше, чем в предыдущих и последующих годах. Этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. Показатели по этнонигилизму студентов в 2019 году также превышают годы 2016 и 2019.

Таблица 2

Сравнение средних показателей

Тип этнической идентичности	2016 и 2019		2016 и 2021		2019 и 2021	
	t _{мп.}	p	t _{мп.}	p	t _{мп.}	p
<i>Этнонигилизм</i>	-5,80	0,00	-2,40	0,01	4,84	0,00
<i>Этнич.индиф.</i>	1,88	0,06	-2,68	0,01	-5,28	0,00
<i>Норма (позит.идент.)</i>	2,32	0,02	0,18	0,43	-2,98	0,01
<i>Этноэгоизм</i>	9,64	0,00	2,44	0,01	13,82	0,00
<i>Этноизоляционизм</i>	9,18	0,00	2,41	0,01	15,10	0,00
<i>Этнофанатизм</i>	4,83	0,00	4,21	0,00	11,53	0,00

Если рассматривать индивидуальные показатели этнической идентичности с целью выделения доминирующих видов, то можно отметить, что для подавляющего числа студентов всех трех срезов доминирующей явилась позитивная идентичность, которую авторы методики называли нормой (табл.3). Причем наибольший процент был в 2016 году, потом к 2019 году произошло снижение на 17%, и опять рост к 2021 году, однако показатели 2016 года еще не достигнуты.

Отметим, что к 2021 году резко выросло число студентов с доминированием этнической индифферентности (с 9,5% и 10,8% в 2016 и 2019 годах соответственно до 32,7% в 2021 г.). 2016 год отличается количеством студентов с доминированием по этнонигилизму, этноэгоизму, этноизоляционизму и этнофанатизму, а вот в 2021 году доминирование только у одного студента по этноэгоизму, все другие деструктивные типы присутствуют в профилях, но не являются доминирующими.

Таблица 3

Процентное отношение студентов по доминирующим видам

Выборка	Виды этнической идентичности					
	этнонигил.	этнич. индиффер.	позит. идентич.	этноэгоизм	этноизоляц.	этнофанатизм
2016	2,4	9,5	81,0	2,4	2,4	2,4
2019	6,2	10,8	64,6	6,2	15,4	6,2
2021	0,0	32,7	73,5	1,0	0,0	0,0

Отметим, что сумма процентов по каждой выборке составляет больше 100%, потому что у некоторых испытуемых были одинаковые показатели по доминирующим типам.

Выводы. Ведущим типом этнической идентичности студентов города Донецка в 2016, 2019 и 2021 годах является так называемая норма – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Причем если два года назад наблюдалось снижение числа молодых людей с доминирующей позитивной идентичностью, то в настоящее время их число увеличивается. Можно предположить, что причиной этого является расширение интеграционных процессов с Российской Федерацией, возможностью получения дипломов об образовании в донецких университетах, прошедших российскую аккредитацию, получением российского гражданства.

В 2019 году эти процессы только запускались, будущее казалось неопределенным, что привело к увеличению числа студентов с другими доминирующими типами идентичности. Причем, как со стороны «отрицания» идентичности или этноиндифферентности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе или инфантильное отношение к ней, так и со стороны гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений, проявляющейся в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей. Подобная представленность негативных типов этнической идентичности подтверждает то, к 2019 году выросло число студентов, для которых характерен кризис этнической идентичности. К 2021 году число таких студентов резко сократилось.

В настоящее время увеличилось число студентов с типом этнической индифферентности, у которых наблюдается некоторая размытость этнической идентичности, выражающаяся в неопределенности этнической идентичности или ее неактуальности. Молодые люди еще не определились со своей этничностью, но не отрицают и не гиперболизируют ее. Именно с этой категорией студентов надо больше работать студенческому активу, кураторам и преподавателям университета.

Список использованных источников

1. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. Пер. с англ. – Москва: Весь мир, 2004. – 116 с.
2. Гордеева А.В. О формировании этической идентичности донецких школьников / А.В. Гордеева, И.А. Анисимова // Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: Материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 г.) / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ. – С. 68-71.

3. Гордеева А.В. Этнические стереотипы и этническая идентичность студенческой молодежи Донбасса / А.В. Гордеева, И.А. Анисимова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 5: Филологические и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ. – С. 256-258.
4. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – Москва, 2011. – 191 с.
5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – Москва: Смысл, 1998. – 389 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э.Эриксон. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ – БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Зеленова Ольга Анатольевна

ассистент кафедры специальной психологии

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого (Россия, г. Тула)

(e-mail:olechka.polenova.96@mail.ru)

В статье раскрыта актуальность исследования эмоционально интеллекта студентов с инвалидностью – будущих психологов. Раскрыто понятие «эмоциональный интеллект». Представлены результаты изучения данного феномена у студентов с инвалидностью – будущих психологов. Материалы данной статьи могут представлять практическую значимость для специалистов, работающих со студентами с инвалидностью.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, студенты с инвалидностью, будущие психологи.

STUDYING THE EMOTIONAL INTELLIGENCE OF STUDENTS WITH DISABILITIES – FUTURE PSYCHOLOGISTS

Zelenova Olga Anatolyevna

Assistant of the Department of Special Psychology

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)

(e-mail:olechka.polenova.96@mail.ru)

The article reveals the relevance of studying the emotional intelligence of students with disabilities – future psychologists. The concept of «emotional intelligence» is revealed. The results of studying this phenomenon in students with

disabilities – future psychologists are presented. The materials of this article may be of practical importance for specialists working with students with disabilities.

Keywords: emotional intelligence, students with disabilities, future psychologists.

В современном мире в работе специалиста в сфере «человек-человек» умение понимать и контролировать свое эмоциональное состояние является основой для формирования профессионально важных качеств. Студентам – будущим психологам важно уметь устанавливать эмоциональные связи, слушать и понимать собеседника, а также обладать способностью к сопереживанию и эмпатии. Все это определяет уровень развития у них эмоционального интеллекта. Как показывают исследования, у студентов с инвалидностью имеются трудности с пониманием и распознаванием эмоций окружающих людей, что в свою очередь мешает им быть конкурентоспособными выпускниками при трудоустройстве.

Эмоциональный интеллект – это способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих людей для дальнейшего использования полученной информации для реализации собственных целей [2].

Исследования эмоционального интеллекта представлены в работах И.Н. Андреевой, Д. Гоулмана, Д.В. Люсиной, Д.В. Ушаковой, А.В. Карпова, Дж. Мэйера и др. [1, 2, 4, 3, 5].

Хорошо развитый эмоциональный интеллект необходим в профессиональной деятельности психолога не только для оказания правильного воздействия на клиента, но и для поддержания психологического здоровья самого психолога. Умение управлять своими эмоциями способствует контролю над разрушительными импульсами, сохранению рассудительности в проблемных ситуациях, такая способность увеличивает степень терпимости к неоднозначным ситуациям и повышает уверенность в себе.

Нами было проведено исследование эмоционального интеллекта по тесту на эмоциональный интеллект (Тест EQ) Н. Холла, в котором приняли участие десять студентов с инвалидностью в возрасте от 18 лет до 21 года, обучающиеся на факультете психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

По тесту эмоциональный интеллект включает в себя пять шкал:

1. Эмоциональная осведомленность заключается в способности опознавания и понимания своих эмоций, что способствует пополнению собственного словаря эмоций. Высокий уровень эмоциональной осведомленности говорит о том, что человек в большей мере, чем другие, осведомлен о своем внутреннем состоянии.

2. Управление своими эмоциями включает в себя эмоциональную гибкость и отходчивость, т.е. произвольное управление человеком своими эмоциями в различных жизненных ситуациях.

3. Самомотивация заключается в умении человека управлять своим поведением за счет эмоций.

4. Эмпатия включает в себя способность человека понимать эмоции других людей, умение сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а так же готовность оказать поддержку. А также умение понимать состояние человека по мимике, жестам, оттенкам речи, позе и т.д.

5. Распознавание эмоций других людей заключается в умении человеком воздействовать на эмоциональное состояние других людей.

По результатам исследования низкий уровень развития эмоционального интеллекта выявлен у шести респондентов. Это говорит нам о том, что данные студенты плохо осознают и понимают свои эмоции. У них снижена эмоциональная отходчивость, эмоциональная гибкость. Респонденты плохо управляют своим поведением. Они плохо понимают эмоции других людей, не умеют сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека. Они не умеют воздействовать на эмоциональное состояние других людей.

Четыре респондента имеют средний уровень развития эмоционального интеллекта. Данные студенты хорошо осознают и понимают свои эмоции, а для этого им приходится постоянно пополнять собственный словарь эмоций. Они достаточно осведомлены о своем внутреннем состоянии. У респондентов хорошо развито произвольное управление своими эмоциями, своим поведением. Они лучше, чем другие, понимают эмоции людей, умеют сопереживать и воздействовать на эмоциональное состояние другого человека.

Высокий уровень развития эмоционального интеллекта не выявлен ни у одного из респондентов.

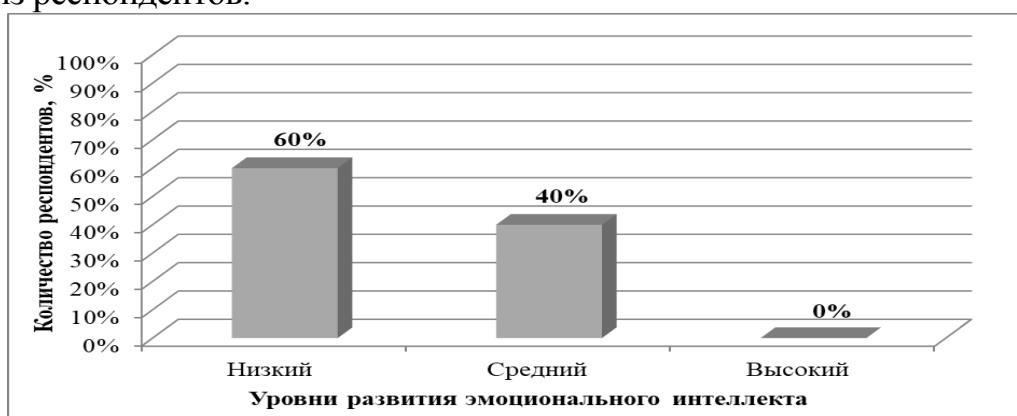

Рис. Данные об уровне развития эмоционального интеллекта по тесту на эмоциональный интеллект (Тест EQ) Н. Холла

Изучение эмоционального интеллекта показало, что низкий уровень его развития выявлен у 60% респондентов, что свидетельствует о том, что данные студенты плохо осознают и понимают свои эмоции, не умеют распознавать эмоций других людей, плохо управляют своими эмоциями. Средний уровень развития эмоционального интеллекта выявлен у 40% респондентов, это говорит нам о том, что данные студенты испытывают некие трудности в управлении своими эмоциями, в распознавании и понимании эмоций других людей. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта не выявлен ни у одного из респондентов, 0%.

Таким образом, исходя из результатов исследования, мы можем сделать вывод о том, что для данной выборки студентов необходимо разработать программу, направленную на повышение уровня эмоционального интеллекта. На занятиях по данной программе мы рекомендуем использовать следующие методы работы: психогимнастика, визуализация, анализ конкретных ситуаций, метод игры (имитационная и ролевая игры), сюжетно-ролевое моделирование, аутотренинг, рефлексия.

Список использованных источников

1. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И.Н. Андреева. – Новополюцк: ПГУ, 2011. – 388 с.
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. – 478 с.
3. Карпов, А.В. Психология эмоционального интеллекта. Теория, диагностика, практика / А.В. Карпов, А.С. Петровская. – Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 344 с.
4. Люсина, Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к изменениям / под. ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – 176 с.
5. Мэйер, Дж. Эмоциональный интеллект / Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо. - М.: Институт психологии РАН, 2010. – 146 с.

УДК159.99

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ КАК ВНУТРЕННИЙ ДВИЖУЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СПЕЦИАЛИСТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

*Иванова Инна Васильевна,
директор ГУ «Донецкий республиканский учебно-методический центр
психологической службы системы образования», г. Донецк
(e-mail:drumc.ps@mail.ru)*

В статье рассматривается вопрос профессиональной мотивации как одного из важных факторов профессионального становления психолога, формирования его профессиональной идентичности в ходе профессионального обучения.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная мотивация, профессиональная идентичность, компоненты профессиональной идентичности.

PROFESSIONAL MOTIVATION AS AN INTERNAL DRIVING FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONALISM OF A PSYCHOLOGICAL SERVICE SPECIALIST

*Ivanova Inna Vasilievna
Director of the State Institution "Donetsk Republican Educational*

The article examines the issue of professional motivation as one of the important factors in the professional development of a psychologist, the formation of his professional identity in the course of professional training.

Key words: motivation, professional motivation, professional identity, components of professional identity.

В настоящее время вопрос подготовки квалифицированных психологов является одним из важных как для психологических факультетов вузов, для обеспечения психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса в системе образования, так и для оказания психологической помощи в целом.

Для успешного профессионального становления необходимы как определенная сумма знаний, умений, навыков, так и наличие тех или иных личностных качеств. Профессия психолога имеет ряд специфических особенностей, имеет определенные трудности и скрытые аспекты, требующие углубленной научно-теоретической подготовки, умения интегрировать теоретические знания через систему сформированных умений и навыков реализации направлений и видов деятельности специалистов психологической службы.

Одним из ключевых моментов профессионального становления специалиста выступает формирование у него профессиональной идентичности, которая закладывается еще на этапе профессионализации. На становление профессиональной идентичности, как отмечает А.А. Озерина, влияют как внешние, так и внутренние факторы, то есть важны и личностные особенности, и внешние специально созданные условия [1].

Профессиональная идентичность рассматривается как динамичное образование, призванное сконструировать в сознании человека устойчивое представление о профессии, профессиональной группе, месте человека в этой группе, обязательно имеющее эмоциональный компонент (переживания относительно своей профессиональной принадлежности) [1].

Как отмечают авторы (Е.П. Ермолаева, Л.Б. Шнейдер), профессиональная идентичность имеет в своей структуре три компонента. Первый из них – когнитивный, он представляет собой совокупность профессиональных знаний, убеждений, включает идеальный образ профессионала. Второй компонент – эмоционально-ценностный, он предполагает наличие определенного отношения к профессии, а также собственную профессиональную самооценку. Третий компонент – мотивационно-ценностный. Он содержит профессиональные установки, цели, планы и ожидания. Еще раз подчеркнем динамическую составляющую структуры профессиональной идентичности: содержание каждого компонента на разных этапах развития может меняться [1].

Необходимо отметить, что внутренним движущим фактором развития профессионализма и формирования профессиональной компетентности специалиста выступает профессиональная мотивация.

Есть несколько определений мотивации:

Мотивация – как побуждение к действию.

Мотивация – это способность человека удовлетворять свои потребности посредством какой-либо деятельности.

Мотивация – это динамический психофизиологический процесс, который управляет поведением человека и определяет его организованность, направленность, устойчивость и активность.

Одну из ведущих ролей в формировании отношения к профессии играет мотивация личности к профессиональной деятельности, которая, согласно Е.П. Ильину [2], представляет собой совокупность факторов и процессов, побуждающих и направляющих личность к овладению своей профессиональной деятельностью. Понятие «мотивация профессиональной деятельности» иногда обозначается как «профессиональная мотивация» [3]. На мой взгляд, все содержание, которое приведено в вышеуказанных определениях мотивации, лежит в основе формирования в дальнейшем профессионализма психолога, способности к постоянному самосовершенствованию и саморазвитию.

В психолого-педагогической литературе нет единой классификации мотивов выбора профессии.

И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Н.С. Пряжников [18] выделяют следующие мотивы: 1) желание разобраться в себе; 2) желание помогать людям; 3) стремление научиться владеть собой; 4) развитие коммуникативных навыков; 5) приобщение к интересной науке.

Изучением проблемы мотивации учебной деятельности студентов занимались как отечественные, так и зарубежные ученые: Божович Л.И., Ильин Е.П., Дьяченко М.И., Бессонов Т.Л., Леонтьев А.Н., Вайсман Р.С., Орлов Ю.В., Якобсон П.М. и др. Причем многие авторы связывают профессиональное становление и личностное развитие человека (М.Я. Басов, Л.М. Митина, Е.И. Рогов, Е.А. Климов и др.). По их мнению, в ходе профессиональной подготовки человек самоактуализируется, приобретает необходимые умения и навыки, корректирует свои жизненные представления, проявляет интересы, склонности, удовлетворяет потребности и, конечно, самосовершенствуется.

Одной из важных стадий профессионального становления является, прежде всего, научно-теоретическая подготовка, овладение системой профессиональных специальных знаний в области психологии, что является фундаментом дальнейшей профессиональной практической деятельности специалиста психологической службы. Именно за период получения профессионального образования осуществляется процесс профессиональной самоидентификации.

Опрос студентов первых трех лет обучения показывает, что большинство из них пришли в профессию для разрешения своих проблем, с целью

разобраться в себе, или просто потому, что интересно. Некоторых привлекает профессия психолога, как возможность зарабатывать по средствам частной практики. И лишь незначительная часть, чтобы осуществлять психологическую деятельность и работать в образовательных организациях, оказывая психологическую помощь и поддержку всем участникам образовательных отношений.

В.А. Гавриленко [4] доказывает, что в начале своего обучения студенты-психологи имеют сходную структуру мотивов со студентами, обучающимися по другим специальностям «человек – человек». В процессе овладения профессией, по его мнению, их мотивация приобретает изменения, характерные для самоактуализирующейся личности, а именно: более позитивное восприятие природы человека, ориентация на ценности развития, помощь другим людям [4], а также возрастает роль внутренней мотивации, связанной с содержанием профессиональной деятельности.

Анализ работ Абульхановой-Славской К.А., Зинченко А.И., Суворовой Г.А., Файзулаева А.А., Шадрикова В.Д. и Шмелёва А.Г. показывает, что мотивация профессионального самоопределения является динамичным образованием и, следовательно, возможно её целенаправленное формирование. Абульханова-Славская К.А. и Файзулаева А.А. предложили теоретическую модель формирования мотивации. В соответствии с этой моделью выделяются следующие стадии формирования мотивов: осознание побуждения личностью; принятие мотива (осознанного побуждения в качестве мотива поведения и деятельности); реализация мотива в поведении и деятельности; закрепление мотива в характере человека и его превращение в свойство личности (т. е. своего рода потенциальное побуждение); актуализация потенциального побуждения (побудительной потенции, содержащейся в чертах характера).

При наличии профессиональной мотивации, а также, мотивации к самому обучению в процессе обучения у студентов формируются: интерес к профессиональным знаниям, профессионально важные качества личности для овладения профессией, дифференциальная система научно-теоретических знаний, профессионально-ориентированных умений и навыков, ресурсов; появляются более глубокие представления о профессии; развивается профессиональное мышление, корпоративная культура, готовность выполнять профессиональные обязанности и брать на себя ответственность, соблюдать этические нормы.

По результатам диагностики, проводимой в рамках проектной деятельности студентами-магистрами психологического направления подготовки Донецкого национального университета, уровень готовности педагогов-психологов к развитию свидетельствует о наличии высокой степени стремления к развитию как у психологов со стажем работы от 1 до 5 лет (их средний уровень равен 56,69), так и у психологов со стажем работы свыше 5 лет (57,53).

И прежде чем выстраивать работу по развитию мотивации к будущей профессиональной деятельности первоначально важно определить: какими мотивами руководствовались будущие специалисты, когда выбирали для себя

профессию психолога (педагога-психолога); насколько у них сформировано представление о психологических характеристиках профессиональной деятельности специалиста психологической службы, о совокупности психофизиологических и личностных качеств, важных для успешного осуществления данного вида деятельности.

Список использованных источников

1. Озерина А.А. Специфика профессиональной идентичности студентов-бакалавров // Вестник ВолГУ. Серия 11. – 2011. – №1. – С. 100-104.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2011. – 512 с.
3. Харитонов Е.В. Профессиональная мотивация учения как условие успешности освоения профессии // Педагогика и психология: теоретические и прикладные аспекты : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2020. – С. 45–50.
4. Гавриленко В.А. Динамика мотивационных черт личности и профессиональной мировоззренческой позиции студентов-психологов: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005. – 168 с.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ОПАСНОСТИ/БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДЫ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Картузова Надежда Александровна

ассистент кафедры психологии

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: kri-dae@mail.ru)

В статье представлены результаты исследования субъективной оценки опасности/безопасности среды у студентов с разным уровнем жизнестойкости. В ходе работы выявлены связи между жизнестойкими установками, показателями выраженности потребности в безопасности и отдельными личностными характеристиками, поддерживающими состояние опасности/безопасности.

Ключевые слова: жизнестойкость, потребность в безопасности, потребность в переживании чувства опасности/безопасности, потребность в обеспечении безопасности.

FEATURES OF SUBJECTIVE ASSESSMENT OF THE ENVIRONMENTAL HAZARD / SAFETY OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF HARDINESS

Kartuzova Nadezhda Alexandrovna

Assistant of the Department of Psychology

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: kri-dae@mail.ru)

The article presents the results of a study of features of subjective assessment of the environmental hazard / safety of students with different levels of hardiness. In the course of the work the connection was revealed between the hardiness attitudes, indicators of the severity of the need for safety and individual personal characteristics that support the state of danger / safety.

Key words: hardiness, the need for safety, the need to experience a sense of danger /safety, the need to ensure safety.

В современной психологической науке существенно возрос интерес к проблемам психологической безопасности человека. В исследованиях по данной теме активно ведется поиск психологических факторов, позволяющих обеспечить стабильное внутреннее безопасное состояние. Потребность в безопасности, возникающая как следствие взаимодействия человека со средой, редко выступает активной силой, она доминирует в ситуациях, требующих мобилизации личностных ресурсов для защиты [4]. Таким ресурсом может выступить жизнестойкость, позволяющая обеспечить тот резерв, который будет необходим в тех жизненных обстоятельствах, которые человек оценивает как небезопасные. Данное интегративное личностное свойство выступает как система убеждений, обеспечивающих готовность субъекта активно действовать, уверенность в возможности влиять, управлять экстремальными ситуациями, воспринимать негативные события как опыт и активно преодолевать их [2]. Жизнестойкий человек в оценке опасности/безопасности среды занимает активную субъектную позицию. Данная оценка позволяет ему обратить внимание на предпосылки, позволяющие преодолеть те или иные небезопасные условия. Выявление особенностей оценки личностью опасности/безопасности среды и её связи с жизнестойкостью обусловило актуальность данного исследования.

Цель исследования: выявить особенности субъективной оценки опасности/безопасности среды у студентов с разным уровнем жизнестойкости.

Гипотезы:

1. Существует связь между жизнестойкими установками и показателями выраженности потребности в безопасности.
2. Существует связь между жизнестойкими установками и отдельными личностными характеристиками, поддерживающими состояние опасности/безопасности.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие **методики:** «Тест жизнестойкости» С.Р. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева), методика «Оценка удовлетворённости потребности в безопасности» О.Ю. Зотовой, «Опросник по выявлению потребностей в переживании чувства опасности, чувства безопасности и обеспечения безопасности» В.Г. Маралова, анкета по выявлению отношения к условиям своей жизни и установлению личностных характеристик в состоянии опасности/безопасности. Для нахождения связей между жизнестойкими

установками и показателями выраженности потребности в безопасности, а также отдельными личностными характеристиками, поддерживающими состояние опасности/безопасности использован коэффициент корреляции r -Пирсона.

Характеристика выборки. В исследовании приняло участие 90 студентов-педагогов 1-4 курсов ДОННУ; средний возраст испытуемых – 19 лет.

Анализ результатов. В ходе анализа результатов исследования были выделены группы студентов с разными уровнями развития жизнестойкости. Данные представлены на рисунке 1.

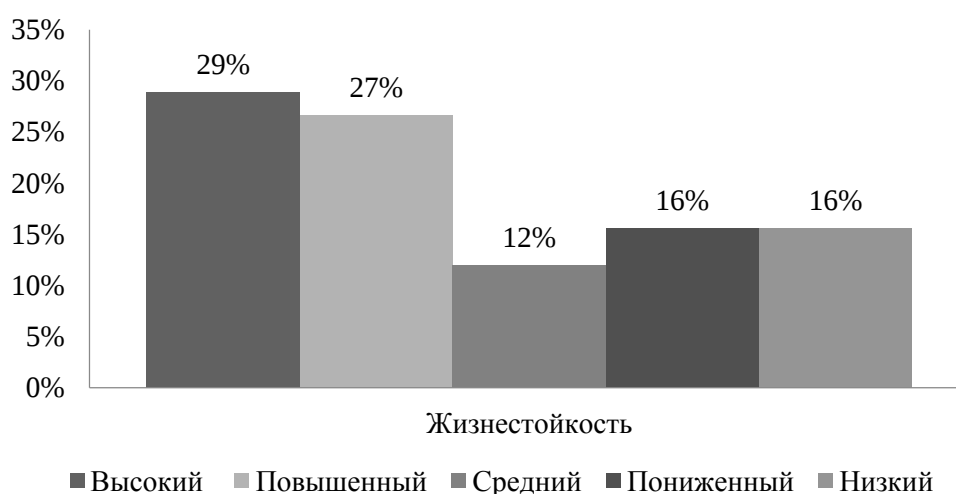

Рис. 1. Уровни жизнестойкости у студентов

Как видно из рис. 1, у большинства студентов (56%) выявлены высокий и повышенный уровни сформированности жизнестойкости. Это позволяет сделать вывод о том, что такие студенты стремятся быть в контакте с другими людьми; включены в события своей жизни и деятельности; предпочитают брать под контроль окружающую реальность, с целью трансформации ее в менее стрессогенную. Они открыты окружающему миру; воспринимают жизненные ситуации как вызов и скорее как возможность приобрести полезный опыт. То есть можно сказать, что жизнестойкость позволяет в большей степени выдержать стрессовую ситуацию, при этом, не нарушив внутреннюю целостность и не снизив успешность деятельности. В свою очередь 32 % испытуемых имеют пониженные и низкие показатели развития жизнестойкости. Это указывает на то, что такие студенты в большей степени пассивны, отрешенные от действительности, менее склонны ощущать в себе способность контролировать события их жизни. Такие студенты в большей степени ориентированы на предпочтение более спокойных, стабильных условий жизни. При возникновении конфликтных или стрессовых ситуаций склонны искать поддержку и ощущать беспомощность.

При помощи коэффициента корреляции г-Пирсона были выявлены связи между отдельными показателями выраженности потребности в безопасности и жизнестойкими установками студентов. Выявленные связи представлены в табл.1.

Таблица 1.

Связи жизнестойких установок с показателями потребности в безопасности

Показатели	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Отношение к наличию/отсутствию физических опасностей	0,260**	0,292**	0,242*	0,177*
Отношение к наличию/отсутствию психологических опасностей	0,585**	0,608**	0,570**	0,416**
Удовлетворенность потребности в безопасности	0,288**	0,283**	0,321**	0,149
Потребность в переживании чувства опасности	-0,302**	-0,236*	-0,338**	-0,262**
Потребность в переживании чувства безопасности	-0,167	-0,187*	-0,076	-0,234*
Потребность в обеспечении безопасности.	0,303**	0,303**	0,345**	0,127

Примечание: * связь значима на 5% уровне;

** связь значима на 1% уровне.

Выявлена значимая прямая связь между общим показателем жизнестойкости, вовлеченностью, контролем, принятием риска и отношением исследуемых к степени безопасности условий их жизни. Это позволяет сделать заключение, что чем больше развита жизнестойкость, тем в большей степени студенты склонны оценивать условия своей жизни, как более безопасные, с точки зрения отсутствия физических и психологических опасностей. К физическим опасностям можно отнести ощущение того, что что-то угрожает его жизни или здоровью. К психологическим опасностям может относиться, например, повышенный уровень ответственности, напряженности, тревожности, субъективное ощущение угрозы самооценке. Вовлеченность позволяет человеку углубиться в контекст и обратить внимание на влияние ситуационных причин, выявить конкретные связи между явлениями и осознать постоянство изменений. При этом такие показатели как контроль и принятие риска позволяют трансформировать какие-то неблагоприятные обстоятельства в менее стрессогенные для приобретения полезного опыта.

Следует отметить, что чем выше уровень развития жизнестойкости, тем в большей степени студенты оценивают, что их потребность в безопасности

удовлетворена. Студенческая молодежь, имеющая выраженные жизнестойкие установки, в большей степени ощущает удовлетворенность потребностей в стабильности, законе и порядке, предсказуемости событий, желанности. Скорее воспринимает окружающий мир с точки зрения доброжелательности, как источник возможностей, но не опасностей.

Следует обратить внимание, что существует значимая обратная связь между жизнестойкими установками и потребностью в переживании чувства опасности. Это указывает на то, что чем ниже уровень развития жизнестойкости, тем в большей степени студенты склонны стремиться к необдуманному риску, что нередко приводит к игнорированию опасности, к беспечному поведению, пренебрежительному отношению к условиям соблюдения безопасности. Следует отметить, что такие установки жизнестойкости как вовлеченность и принятие риска обратно коррелируют с потребностью в переживании чувства безопасности. Соответственно, чем ниже жизнестойкость, тем в большей степени человек склонен избегать стрессовых и конфликтных ситуаций, ориентирован на поиск комфортной среды и защитников, на спокойную жизнь. Выраженные компоненты вовлеченности и принятия риска, позволяют студентам быть заинтересованными в получении новой информации о той или иной ситуации, в которую они попадают. Жизнестойкость позволяет не изолироваться, не отстраняться от того или иного стрессового или конфликтного события, а искать эффективные способы для его разрешения, с целью дальнейшего использования в подобных ситуациях.

В свою очередь, жизнестойкость прямо коррелирует с потребностью в обеспечении безопасности. Это позволяет сделать заключение, что чем больше развита жизнестойкость, тем большей степени студенческая молодежь ориентирована на организацию своей жизни и деятельности таким образом, чтобы все совершаемые действия и поведение осуществлялись с учетом требований безопасности. Это может выражаться, например, в разумном и оправданном риске, то есть совершению таких действий, которые бы приводили к успеху и значимому результату, без ущерба для личности. Жизнестойкие установки позволяют прилагать специальные усилия для создания безопасной среды для себя и ближайшего окружения, условий для плодотворной и продуктивной деятельности, которая не будет осложнена ненужными трудностями и переживаниями. В отличие от потребности в переживании чувства безопасности, потребность в обеспечении безопасности носит активный характер. Студенты стремятся совершить такие действия, которые, с одной стороны, сгладили бы действия отрицательных факторов, с другой, – создали благоприятные предпосылки для жизни и деятельности без излишних психологических переживаний. Наличие подобной потребности является условием для формирования адекватного поведения в ситуациях угрозы жизни, здоровью, психологическому и социальному благополучию.

С целью выявления личностных характеристик в состоянии опасности/безопасности нами проведена анкета. Анализ связей между отдельными личностными показателями жизнестойкости, поддерживающими состояние опасности/безопасности представлен в таблице 2.

Таблица 2.

Связь личностных особенностей с показателями жизнестойкости в оценке опасности/безопасности среды

Показатели	Опасность (ОП)/безопасность (БЕЗОП)	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Способность к пониманию чувств, мотивов, поведения другого человека	ОП	0,048	-0,014	0,038	0,122
	БЕЗОП	0,219**	0,222**	0,194*	0,154*
Способность к анализу и пониманию собственного внутреннего мира	ОП	0,129	0,081	0,185*	0,090
	БЕЗОП	0,373**	0,333**	0,431*	0,252**
Способность противостоять негативным обстоятельствам жизни	ОП	0,120	0,072	0,192*	0,052
	БЕЗОП	0,356**	0,330**	0,325**	0,273**
Надежда на успех в деятельности	ОП	0,412**	0,346**	0,470**	0,286**
	БЕЗОП	0,147	0,096	0,247**	0,021
Стремление в деятельности скорее избежать неудачу, чем достичь успеха	ОП	-0,021	-0,006	-0,049	0,094
	БЕЗОП	-0,217**	-0,212**	-0,193*	-0,188*
Способность к осуществлению контроля над происходящими событиями	ОП	0,159*	0,064	0,215**	0,116
	БЕЗОП	0,383**	0,351**	0,388**	0,332**
Способность приспосабливаться к новым условиям жизни	ОП	0,143	0,095	0,221**	0,070
	БЕЗОП	0,269**	0,228**	0,255**	0,210**
Легкость адаптации в новом коллективе	ОП	0,223**	0,210**	0,191*	0,146
	БЕЗОП	0,511**	0,514**	0,478**	0,384**
Взгляд на себя в позитивном свете	ОП	0,226**	0,203**	0,242**	0,160*
	БЕЗОП	0,297**	0,285**	0,286**	0,246**
Уверенность в себе и своих возможностях	ОП	0,208**	0,185*	0,238**	0,083
	БЕЗОП	0,344**	0,321**	0,441**	0,172*
Ощущение ответственности за происходящее в своей жизни	ОП	0,068	0,000	0,105	0,086
	БЕЗОП	0,153*	0,073	0,199**	0,118
Восприятие внешних обстоятельств жизни как основной причины сложившейся жизненной ситуации	ОП	0,089	0,080	0,138	0,061
	БЕЗОП	0,102	0,065	0,195**	0,003
Устойчивость к стрессовым ситуациям	ОП	0,125	0,059	0,223**	0,077
	БЕЗОП	0,199**	0,164*	0,209**	0,139

Примечание: * связь значима на 5% уровне;

** связь значима на 1% уровне.

Выявлена прямая значимая связь между жизнестойкими установками и некоторыми личностными особенностями при оценке в состоянии безопасности. Так, чем выше уровень сформированности жизнестойких установок, тем выше студенты в состоянии безопасности оценивают свою способность к пониманию чувств, мотивов, поведения другого человека, к анализу и пониманию собственного внутреннего мира, способность противостоять негативным обстоятельствам жизни. В деятельности они стремятся скорее достичь успеха, чем избежать неудачу, высоко оценивают свои способности к осуществлению контроля над происходящими событиями, приспособлению к новым условиям жизни. Обладают уверенностью в себе и своих возможностях, оценивают себя как человека, который легко адаптируется, смотрят на себя в позитивном свете, ощущают ответственность за происходящее в своей жизни, устойчивы к стрессовым ситуациям.

Выявлена прямая значимая связь между жизнестойкими установками и некоторыми личностными особенностями при оценке в состоянии опасности. Так, чем выше жизнестойкость, тем выше студенты в состоянии опасности оценивают свою способность к осуществлению контроля над происходящими событиями, уверены в себе и своих возможностях, смотрят на себя в позитивном свете и имеют надежду на успех в деятельности.

Следует отметить, что такая жизнестойкая установка как контроль связана со способностью к анализу и пониманию собственного внутреннего мира, способностью противостоять негативным обстоятельствам жизни, приспособляться к новым условиям жизни и иметь устойчивость к стрессовым ситуациям.

Это позволяет сделать вывод, что жизнестойкие установки позволяют сохранить внутреннюю психологическую устойчивость и стабильность, в ситуациях, которые субъективно оцениваются как небезопасные. Данный личностный конструкт ориентирует поведение молодых людей на поиск наиболее приемлемых и эффективных способов выхода из небезопасной ситуации, с целью дальнейшего использования в аналогичных условиях.

Выводы. Проведенное исследование и анализ полученных данных показали, что большинство студентов имеют высокий общий показатель развития такого личностного ресурса как жизнестойкость. Это позволяет утверждать, что студенты достаточно успешны в преодолении жизненных трудностей. Жизнестойкие установки позволяют выбрать и реализовать наиболее эффективные способы взаимодействия со стрессовыми ситуациями, ориентируя на личностное развитие. Следует отметить, что жизнестойкие студенты в целом оценивают условия своей жизни, как более безопасные, с точки зрения отсутствия физических и психологических опасностей. Они более детально анализируют ситуационные причины возникновения того или иного явления, осознают постоянство изменений, что позволяет им превратить трудности в возможности для развития. Соответственно они в большей степени ощущают удовлетворенность своей потребностью в

безопасности, воспринимают события окружающего мира как источник возможностей, но не опасностей. Жизнестойкость связана с разумным и оправданным риском и позволяет создать безопасную среду для себя и близких, условия для продуктивной деятельности, уменьшая влияние негативных переживаний.

Жизнестойкость подкрепляется отдельными личностными характеристиками, позволяющими выбрать активные способы борьбы со стрессом. Так в состоянии опасности жизнестойкость подкрепляется готовностью человека к осуществлению контроля над происходящими событиями, уверенностью в своих возможностях, положительной самооценке и вере в успех деятельности. Это позволяет проявить способность противостоять негативным обстоятельствам жизни, приспособиться к новым условиям и не терять внутреннюю устойчивость в ситуациях, которые субъективно оцениваются как небезопасные.

Список использованных источников

1. Леонтьев Д. А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева / Д.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2015. – С. 178-209.
2. Логинова М. В. Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности / М.В. Логинова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 6. – С.19-22.
3. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника для диагностики у людей потребностей в безопасности личности / В.Г. Маралов, М.А. Кудака, О.В. Смирнова // Ученые записки Череповецкого государственного университета – 2016. – № 1. – С.12-17.
4. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / А.Г. Маслоу; перевод. с английского Т. Гутмана. – СПб.: Питер, 2019. – 351 с.

УДК.159.9

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК У СТУДЕНТОВ С ОВЗ

Кацера Анжелика Александровна

канд. психол. наук, доцент кафедры специальной психологии

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

(Россия, Тула)

(e-mail: katsero@list.ru)

В статье актуализируется проблема формирования социальных установок молодых людей с ограниченными возможностями здоровья; проанализированы факторы и условия изменения социальных установок. Показано, что в сфере образования такое формирование достигается путем предоставления достоверной информации, свидетельств, убеждений, логических обоснований

как в самом процессе обучения в вузе, так и в процессе психолого-педагогического сопровождения лиц с ОВЗ в студенческий период их жизни.

Ключевые слова: социальные установки, лица с ограниченными возможностями здоровья, студенческий период жизни.

FACTORS OF FORMATION AND CHANGE OF SOCIAL ATTITUDES OF STUDENTS WITH DISABILITIES

Katsero Angelica

Cand. psychol. Sci.,

Associate Professor of the Department of Special Psychology

Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy

(Russia, Tula)

(e-mail: katsero@list.ru)

The article actualizes the problem of the formation of social attitudes of young people with disabilities; analyzed the factors and conditions for changing social attitudes. It is shown that in education such formation is achieved by providing reliable information, evidence, logical justifications both in process of education at a university, and in the process of psychological and pedagogical support of persons with disabilities during the student period of their life.

Key words: social attitudes, persons with disabilities, student life.

Введение. Проблемы формирования мировоззрения, социальных установок молодежи в студенческие годы всегда привлекали внимание исследователей. Но особую значимость приобретает задача изучения факторов формирования и изменения социальных установок как элементов мировоззрения студентов. Это происходит в связи с тем, что благодаря академической среде развивается способность человека адаптироваться в общество, что немаловажно для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Именно социальные установки в определенной степени объясняют выбор человека мотива, а затем и конкретного варианта действий (Г.К. Обуховский). Значимость развития социальных установок у таких студентов сопряжена с тем, что в наши дни профессиональное образование является действенным механизмом, обеспечивающим в определенной мере социальную защиту, приспособление к быстро меняющимся условиям современной жизни. Социальные установки в сочетании с частными мотивами (желание работать, открыть собственное дело, соблюдать и создавать традиции, быть конкурентоспособным...) способствуют достижению благополучия, нового социального положения, – характеристик, отражающих мировоззренческие «запросы» студентов с ОВЗ.

В нашей стране приняты законодательные акты, декларирующие права инвалидов, лиц с ОВЗ на развитие, образование, социальную интеграцию. Но требуется изучение и разработка механизмов обеспечения их реализации. К таким механизмам относят психолого-педагогическое сопровождение молодых

людей с ОВЗ в процессе профобучения с учетом психологических особенностей студенческого периода жизни. А именно, в студенческие годы социальные установки в структуре мировоззрения кристаллизуются, и на их базе начинают формироваться системы убеждений, в высокой степени устойчивых по своей форме.

Изложение основного материала. В данном исследовании факторов формирования и изменения социальных установок молодых инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (на базе ГПОУ ТО «Тульский техникум социальных технологий») на начальном этапе важным представляется определение существующих подходов к этому вопросу в теории и практике психолого-педагогической работы со студентами в процессе их профтехобразования.

Опираясь на данные теоретического анализа, мы исходили из общепринятого определения установки, в котором указывается, что это целостное динамическое состояние субъекта. Установка (по Д.Н.Узнадзе), является состоянием готовности к определенной активности и обуславливается потребностью субъекта и объективной ситуацией. Важно то, что «простая установка» характеризуется в первую очередь психофизиологической готовностью человека к определенным действиям, а «социальная установка» содержит признаки осознанности, эмоциональности и социальности [2, 5].

Социальные установки образуют своего рода иерархию в отношении значимости для личности и общества: - «элементарные установки». Они позволяют регулировать поведение на бытовом уровне в ближайшем окружении; - «социальные установки» – связаны с поведением человека в малой группе; - «базовые социальные установки» отражают направленность личности на широкую сферу деятельности (профессия, хобби, социальная активность...). В диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности (В.А. Ядов) находит подтверждение высший уровень данной иерархии – система ценностных ориентаций, основанная на культурных и идеологических ценностях общества. Итак, для исследования выделяется один из важных параметров для изучения социальных установок студентов – место выявленной установки в иерархии значимости для индивида и общества.

«Социальные установки часто функционируют как схемы, или когнитивные структуры, содержащие и организующие информацию об определенных понятиях, ситуациях и событиях» [5; С.232]. Обзор отечественных и зарубежных исследований дает представление о структуре социальной установки, включающей когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие. Первый компонент (по М. Смиту) отражает степень осознания объекта социальной установки, второй – связан с эмоциональной оценкой объекта, а третий характеризует поведение по отношению к объекту.

Таким образом мы, опираясь на системный подход, видим возможности изменения социальной установки путем изменения одной из ее составляющих, что повлечет за собой преобразование остальных компонентов

(Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Б.Ф. Ломов, Р.А. Фатхудинов, С.В. Сидоров и др). И тогда следующим параметром для изучения социальных установок становится их структура, содержание.

Понимание факторов, условий, детерминант формирования установок невозможно без качественного анализа функций, которые они выполняют для личности. (Это еще один параметр изучаемого явления.) Если обобщить взгляды на разнообразие функций социальных установок (Д. Брунер, Д. Кац, М. Смит, Р. Уайт), то следует рассматривать их роль как существующих для: - оценки объекта/организации познания действительности; - социального приспособления/принятия другими людьми, - эго-защиты, - экстернализации/самореализации.

Социальные установки включены в процесс социализации [1,3,4,6]. Это двухсторонний процесс, результатом которого становится усвоение образцов поведения для дальнейшего эффективного участия личности в социальной жизни и взаимодействия с другими членами общества. Социально приемлемые и прочно сформированные социальные установки у студентов с ОВЗ становятся предпосылками для успешной социализации и становления личности. Что делает тему исследования факторов формирования изменения социальных установок в процессе профтехподготовки молодых людей с ограниченными возможностями здоровья особо актуальной.

Каковы факторы формирования и изменения социальных установок? Развитие, изменение установки, согласно учения Д.Н. Узнадзе, обуславливается двумя факторами – потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией.

В исследованиях К.Ховланда показано, что наблюдение индивида за поведенческими реакциями других людей и их последствиями, положительное подкрепление, формирование ассоциативных связей между стимулами или имеющимися установками являются факторами формирования таковых. Изменение социальных установок возможно лишь при условии «включения» социальных факторов.

Существуют взгляды (Т. Ньюком, Ч. Осгуд, П. Таннербаум, Л. Фестингер, Ф. Хайдер) согласно которым появление новых установок происходит через попытки личности разрешить внутреннее противоречие из-за несогласованности когний и аттитюдов. Изменение, трансформацию социальной установки может спровоцировать несоответствие в когнитивной структуре, так как появляется потребность в устранении диссонанса, восстановлении когнитивного соответствия.

У Г. Келмэна определены процессы, влияющие на устойчивость или изменчивость социальных установок (аттитюдов). К ним относятся: - «подчинение», подверженность установки влиянию внешнего контроля; - «идентификация» как процесс поддержания социальных связей, получение одобрения со стороны общества; - «интернализация» или непосредственная устойчивость установки, когда сам объект установки имеет для индивида особое значение; это независимость от внешнего контроля и одобрения других.

Изменения установок зависят от новизны информации, индивидуальных особенностей субъекта, порядка поступления информации, системы установок, которые уже имеются у субъекта (Е.В. Андриенко, А.А. Девяткин, В.А. Сластенин и др), возраста, воздействия средств массовой коммуникации, социальных сетей, различных способов убеждения и пр. (Ж. Годфруа, А.Г. Асмолов, Е.В. Арсентьева, М.С. Безбогова, В.Н. Дружинин, Ф. Зимбардо, Ю.М. Чукмарова и др.)

Выводы. В понимании весомости роли социальных установок для социализации и в рассматриваемых выше позициях содержатся предпосылки для осознания того, что составляющие динамичности социальных установок молодых людей с ограниченными возможностями здоровья в условиях получения профессионального образования выступают стимулом к их действию, к профессионализации. Окружающая образовательная среда, в широком смысле этого слова, выступает той ситуацией, в которой происходит формирование и изменение социальных установок студентов с ОВЗ с учетом их потребностей. Действенным является путь предоставления достоверной информации, фактов, свидетельств, убеждений и логических обоснований как процессе обучения, так и в процессе психолого-педагогического сопровождения.

Список использованных источников

1. Безбогова М.С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / М. С. Безбогова. – М., 2017. – 212 с.
2. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1999 – 309 с.
3. Зимбардо Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе; Пер. с англ. Н. Мальгина, Ф. Федоров. СПб. и др.: Питер, 2001. – 448 с.
4. Королева Ю.А. Факторы социализации студентов с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-sotsializatsii-studentov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya>
5. Почебут Л.Г. Социальная психология / Л. Г. Почебут, И. А. Мейжис. М.: Питер, 2010. – 665 с.
6. Скуратовская М.Л., Манохина Н.Н. Социально-психологические факторы успешности учебной деятельности студентов с инвалидностью в условиях высшего инклюзивного образования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-factory-uspeshnosti-uchebnoy-deyatelnosti-studentov-s-invalidnostyu-v-usloviyah-vysshego-inklyuzivnogo>.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ПРЕДПОЧТЕНИЯ ХАРАКТЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В
СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖЬЮ**

Киселёва Ирина Владимировна

*старший преподаватель кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: i.kiseleva@donnu.ru)*

В статье приведены результаты исследования индивидуальных предпочтений характера политической информации в средствах массовой информации студенческой молодежи. Раскрыта проблема важности изучения источников потребления политической информации студентами. Показаны качества и характеристики медиа-каналов, привлекающие молодежь.

Ключевые слова: политическая информация, воздействие СМИ, Интернет-ресурсы, массовая коммуникация.

**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE INDIVIDUAL PREFERENCE OF
POLITICAL INFORMATION IN THE MASS MEDIA BY STUDENT YOUTH**

Kiseleva Irina Vladimirovna

*Senior Lecturer of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: i.kiseleva@donnu.ru)*

The article presents the results of a study of individual preferences of political information in the media by student youth. The problem of the importance of studying the sources of consumption of political information by students is explained. The characteristics of media channels attracting young people are shown.

Key words: political information, the impact of the media, Internet resources, mass communication.

Студенческая молодежь является важной и весомой частью современного общества в силу ряда причин. Во-первых, ее можно охарактеризовать как наиболее активную и динамичную социально-возрастную группу, которая реализует себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социальной, культурной, экономической. Молодежь обладает высокой адаптивностью, инициативностью и склонностью к инновациям [1]. Во-вторых, данная группа склонна к социальной конкуренции, постоянно повышает свой профессиональный опыт, занимает все новые карьерные позиции и социальные роли. В-третьих, именно молодежь развивает и поддерживает высокие темпы массовой коммуникации, в том числе инновационные. Это позволяет ей быстро распространять и узнавать новую информацию, повышать доступность и достоверность политической информации в мире. Так, согласно

Г. Г. Почепцову, массовая коммуникация участвует в отражении и выражении культурных ценностей субъектов политики; может нести в себе социально-политическую информацию. Она подразумевает тесные развивающиеся взаимосвязи внутри массы, что также воздействует на коммуникаторов [2]. При этом эффективность распространения информации традиционными СМИ среди молодежи неуклонно падает. Юноши и девушки предпочитают пользоваться медиа-ресурсами нового поколения, включающими социальные сети и видеохостинги. Доверие к таким источникам информации формируется через персонализацию ее подачи, личность автора-блоггера [3].

Отмечая высокое значение молодежи для общества, необходимо упомянуть и обратную сторону ее заметной социальной активности. Юноши и девушки данной социальной группы еще не имеют личностной зрелости, взвешенности суждений и поступков, подчинения эмоциональной сферы волевой. Они более импульсивны, открыты новому опыту, который не всегда могут оценить объективно. Их взгляды и представления, в т.ч. политические, еще не окрепли, находятся в стадии активного формирования [4]. Им еще тяжело понимать и рассуждать об абстрактных политических понятиях, которые часто преподносятся средствами массовой информации необъективно. Это обуславливает вовлечение молодых людей в асоциальное и антисоциальное поведение, экстремистскую и преступную деятельность, податливость манипулятивным методам психологического воздействия информации и т.д. [5]. Именно поэтому возникает необходимость в изучении характера взаимодействия студенческой молодежи с политической информацией, представленной в СМИ, а также индивидуальные предпочтения юношей и девушек в потреблении информации такого типа.

Целью данного исследования является изучение психологических особенностей индивидуального предпочтения характера политической информации в СМИ студенческой молодежью.

К политической информации мы относим, вслед за М.Н. Грачевым, любое сообщение СМИ, касающееся фактов, событий и происшествий в политической сфере, а также информация о любой общественной проблеме, значимой для членов данного общества и связанной с вопросами власти и властных отношений [6].

Описание исследования. Для проведения данного эмпирического исследования были разработаны вопросы для интервью. Исследование проводилось в сентябре-октябре 2021 года. Сбор первичных данных осуществлялся силами академической студенческой группы специальности «Психология служебной деятельности» очной формы обучения в рамках практических занятий по теме «Методы политической психологии» дисциплины «Политическая психология». Опрос был проведен среди 60 студентов в возрасте 18-23 лет, 34 девушек и 26 юношей, имеющих разную профессиональную направленность и обучающихся в различных ВУЗах и средне-специальных учебных заведениях г. Донецка. Среди них – студенты ДонНУ (филологического, исторического, экономического, юридического,

математического, учетно-финансового, физико-технического факультетов, факультета иностранных языков и Института педагогики), ДЮА, ДонНТУ, ДонНУЭТ, ДонНМУ им. М. Горького и другие.

Результаты исследования. Согласно данным опроса, среди опрошенных студентов только 5,4% совершенно не интересуются политикой и политическими проблемами. При этом активно интересуются – 26% и 68,6% – иногда, время от времени. Такие результаты свидетельствуют о том, что, начиная с 2000-х гг.

Среди юношей и девушек 20% потребляют политическую информацию из СМИ ежедневно, 50% - 1-3 раза в неделю, 30% - реже. При этом все 100% используют для этого различные ресурсы Интернета, 25% - также телевидение. Такие источники, как радио и пресса, не используются студентами целенаправленно для получения политической информации. Но 85% отмечают, что иногда слушают политические новости по радио, если это происходит случайно (например, в транспорте).

В ходе опроса мы попросили респондентов указать, какими конкретно каналами СМИ они пользуются для целенаправленного получения политической информации. Политические каналы в «Телеграмм» назвали 16,6% опрошенных, группы «Вконтакте» - 11,7% выборки, группы в «Фейсбуке» - 6,6%, аккаунты «Инстаграмм» - 13,2%. При этом 23% респондентов признались, что используют для поиска политической информации социальные сети, не пожелав уточнить какие. Новостные сайты в Интернете посещают 10% выборки, официальные новости на сайтах правительства читают 3,3% опрошенных. Различные интернет-блоги политических лидеров читают 15% молодых людей, политических аналитиков – 6,6%. Также 11,7% респондентов получают политическую информацию на различных каналах видеоплатформы «Ютуб». Только 6,6% опрошенных смотрят телевизионные политические шоу и выпуски новостей. Таким образом, ресурсы Интернета занимают подавляющее место в обеспечении молодежи политической информацией различного характера и направленности.

Несмотря на разнообразие источников политической информации в Интернете, на вопрос о том, доверяете ли Вы средствам массовой информации, только 15% опрошенных ответили утвердительно, 50% - доверяют частично или сомневаются, 35% - не доверяют. При этом достоверность информации в СМИ, которыми студенты привыкли пользоваться, они оценили в среднем в 75%.

Также мы попытались выяснить причины, по которым пользователи выбирают получать политическую информацию именно в Интернете. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Преимущества Интернет-источников политической информации для
опрошенных студентов (n=60)**

№	Преимущества	Кол-во выборов	В %, от общего кол-ва респондентов
1.	Доступность	42	70
2.	Информативность	24	40
3.	Удобство, легкость сопоставления информации	12	20
4.	Независимость источников от власти	12	20
5.	Достоверность, объективность	11	18,3
6.	Возможность обсудить информацию, поделиться мнением, узнать о мыслях обычных людей в комментариях	10	16,7
7.	Безопасность	3	5
8.	Привычный способ получения информации	2	3,3
9.	Подражание значимым близким	2	3,3

На первое место по количеству ответов мы можем поставить доступность Интернет-источников политической информации (70% респондентов), далее важное место занимают информативность источника (40% выборки), удобство и легкость сопоставления информации (20%), независимость источников от власти (20%), достоверность (18,3% опрошенных), возможность обсудить информацию, поделиться мнением, узнать о мыслях обычных людей в комментариях (16,7%).

Нам также было важно выяснить, какими качествами должны обладать современные средства массовой информации, чтобы ими пользовалась студенческая молодежь. Результаты опроса представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Результаты выявления качеств, которыми должны обладать современные СМИ,
по мнению молодежи (n=60)**

№	Качества	Кол-во выборов	В %, от общего кол-ва респондентов
1.	Достоверность подаваемой информации	32	53,3
2.	Правдивость	26	43,3
3.	Актуальность тем	21	35
4.	Информативность	18	30
5.	Доступность	12	20
6.	Оперативность размещения контента	6	10
7.	Объективность	6	10
8.	Качество информации, ее профессиональная подача	6	10
9.	Толерантность	4	6,7
10.	Наличие цензуры	4	6,7
11.	Ненавязчивость	4	6,7
12.	Позитивный настрой	3	5
13.	Ориентированность на здоровый образ жизни	1	3,3

Для студентов наиболее значимыми качествами, которыми должны обладать современные СМИ, содержащие политическую информацию для молодежи, стали: достоверность подаваемой информации (53,3% респондентов), правдивость медиа (43,3% опрошенных), актуальность тем (35% выборки), информативность (30% ответов), доступность (20%), оперативность размещения информации (10%), объективность, качество и профессиональная подача информации (10%). Также были названы такие качества, как толерантность (6,7% опрошенных), наличие цензуры (6,7% выборки), ненавязчивость (6,7%), позитивный настрой информации (5%), ориентированность на здоровый образ жизни (3,3%).

Таким образом, в результате исследования мы можем сделать следующие выводы. Уровень заинтересованности политической сферой среди молодежи постепенно повышается. Более половины студентов потребляют политическую информацию из СМИ 1-3 раза в неделю. При этом все опрошенные используют для этого различные ресурсы Интернета, каждый четвертый - также телевидение. Ресурсы Интернета занимают подавляющее место в обеспечении молодежи политической информацией различного характера и направленности. Только каждый седьмой студент доверяет медиа-ресурсам, а более трети - не доверяют вовсе.

Среди причин, по которым пользователи выбирают получать политическую информацию именно в Интернете, лидируют: доступность Интернет-источников политической информации, информативность, удобство и легкость сопоставления информации, независимость источников от власти, возможность обсудить информацию, поделиться мнением, узнать о мыслях обычных людей в комментариях. Для студентов наиболее значимыми качествами, которыми должны обладать современные СМИ, содержащие политическую информацию для молодежи, стали: достоверность подаваемой информации, правдивость медиа-ресурса, актуальность тем, информативность, доступность, оперативность размещения информации, объективность, качество и профессиональная подача информации.

Такие данные дают возможность для дальнейших исследований в выбранном направлении.

Список использованных источников

1. Дзялошинский, И. М. Медиа и социальная активность молодежи / И. М. Дзялошинский // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2009. - №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-i-sotsialnaya-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 03.12.2021).
2. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Ваклер; - К.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
3. Киселёва, И. В. Психологическое отношение к средствам массовой информации: феномен доверия / И. В. Киселёва // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:

Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 10: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – 324 с.

4. Киселева, И. В. Роль политической социализации студенческой молодежи в условиях социально-политических изменений / И. В. Киселева // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции, Донецк, 17 мая 2017 года / Ответственный редактор И.П. Подмаркова. – Донецк: ООО «Цифровая типография», 2017. – С. 109-114.
5. Киселева, И. В. Особенности целенаправленной политической социализации студенческой молодежи в рамках учебного процесса в условиях социально-политических изменений / И. В. Киселева // Молодёжь в современном обществе: к социальному единству, культуре и миру: Материалы международного форума, Ставрополь, 20–21 апреля 2017 года. – Ставрополь: Издательский дом «Тэсэра», 2017. – С. 240-243.
6. Грачев, М. Н. К вопросу об определении понятий «Политическая коммуникация» и «Политическая информация» / М. Н. Грачев // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2003. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiy-politicheskaya-kommunikatsiya-i-politicheskaya-informatsiya> (дата обращения: 03.12.2021).

УДК 159.922.736.3

**ФОРМИРОВАНИЕ АДЕКВАТНОЙ САМООЦЕНКИ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РЕЧЕВЫМИ НАРУШЕНИЯМИ КАК
ЛИЧНОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Кокорева Оксана Ивановна

*канд. пед. наук, доцент кафедры специальной психологии
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Россия, г. Тула)
(e-mail: oxiko@list.ru)*

В статье рассматривается роль дошкольного возраста в формировании самооценки у детей. Охарактеризованы особенности самооценки дошкольников с общим недоразвитием речи, показана ее зависимость от уровня развития отношений детей со взрослыми и сверстниками. Приведены результаты экспериментального исследования, раскрыто содержание и технология формирования самооценки у детей с речевыми нарушениями в продуктивных видах деятельности.

Ключевые слова: самооценка, дети дошкольного возраста, общее недоразвитие речи, продуктивные виды деятельности.

FORMATION OF ADEQUATE SELF-ESTEEM IN PRESCHOOL CHILDREN WITH SPEECH IMPAIRMENTS AS A PERSONAL DETERMINANT OF ACTIVITY

Kokoreva Oksana Ivanovna

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Special Psychology
Tula State Pedagogical University
(Russia, Tula)
(e-mail: oxiko@list.ru)*

The article discusses the role of preschool age in the formation of self-esteem in children. The features of self-esteem of preschool children with general underdevelopment of speech are characterized, its dependence on the level of development of children's relationships with adults and peers is shown. The results of experimental research, the content and technology of self-esteem formation in children with speech disorders in productive activities are presented.

Key words: self-esteem, preschool children, general underdevelopment of speech, productive activities.

Одной из важнейших личностных детерминант, определяющих поведение и деятельность человека на всех этапах его жизни, является самооценка. Адекватная самооценка предполагает осознание личностью себя в качестве некоторого устойчивого объекта с принятием собственных достоинств и недостатков. В исследованиях отечественных и зарубежных исследователей самооценка рассматривается как сложноструктурированное образование, оказывающее существенное влияние на формирование личности, её деятельность, общение, психическое здоровье (У. Джеймс, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, К.К. Платонов, К. Роджерс, Э. Эриксон).

Л.И. Божович указывала, что самооценка не только является одним из важнейших психологических новообразований дошкольного возраста, но и выступает как одно из основных звеньев мотивационно-потребностной сферы личности ребёнка. Проблема генезиса самооценки в дошкольном возрасте рассматривается в исследованиях Д.Б. Эльконина, Н.Н.Авдеевой, Н.Е. Анкулиной, А.И. Силвестру, И.И. Чесноковой.

По мнению ученых, применительно к детям дошкольного возраста становление и проявление адекватной самооценки следует рассматривать как формирование способности реально оценивать собственные возможности при достижении определенных целей в различных видах деятельности и их результаты, а также давать адекватную оценку своих поступков и проявлений поведения в разных ситуациях.

Важность дошкольного возраста как периода широких возможностей для формирования элементов самосознания, в том числе самооценки, отмечает В.С. Мухина. Она считает, что самосознание представляет собой понимание ребёнком того, что он собой представляет, какими качествами обладает, как

относятся к нему окружающие и чем вызвано это отношение. Наиболее явно самосознание проявляется в самооценке, в том, как ребёнок оценивает свои достижения и неудачи, свои качества и возможности, поэтому формирование у детей способности к объективной самооценке является одной из ведущих задач дошкольного возраста [2].

Самооценка дошкольника во многом зависит от его отношений со взрослыми и сверстниками. Проблемы в этих отношениях можно считать вторичным проявлением тяжелых речевых нарушений, в том числе общего недоразвития речи (ОНР). Наши исследования особенностей отношений детей с ОНР со взрослыми и сверстниками показали, что, как и у дошкольников без речевой патологии, уровень развития этих отношений повышается с возрастом и может рассматриваться в качестве показателя компенсации речевых нарушений. В то же время для детей с ОНР характерен завышенный уровень притязаний по сравнению с нормативной возрастной группой, они менее адекватно оценивают результаты своей деятельности и поведение.

Проявляя высокую заинтересованность в общении со взрослыми и сверстниками, дети с речевой патологией тем не менее часто демонстрируют в реальном взаимодействии недостаточный контроль за своими проявлениями, высокий уровень тревожности, ярко выраженную конформность, эгоцентризм, неуверенность, агрессию.

В работах Ю.Ф. Гаркуши и В.В. Коржевиной приводится мнение о формировании зависимости самооценки от представлений детей с ОНР об отношении к ним взрослых [1]. Анализ результатов проведенной нами диагностики по методике «Рисунок воспитателя» (авторы – В. Лосева, А. Лунькова) также показывает высокую значимость взрослого для этой категории детей.

Если дети без речевых нарушений в этом тесте демонстрируют ярко выраженное восприятие образа воспитателя по всем четырем параметрам (положительно-окрашенное, тревожное, враждебное, амбивалентное), то дети с ОНР показывают положительно-окрашенное восприятие педагога. Присутствующие в восприятии образа тревожность и враждебность не являются основными показателями. Можно предположить, что свои трудности в речевом развитии и обусловленные ими проблемы в общении дети проецируют на воспитателей, с которыми они постоянно общаются.

Следует отметить и достаточно неопределенное, размытое распределение по параметрам методики у дошкольников с ОНР, в то время как у детей с нормальным речевым развитием имеет место четкое распределение по тестовым параметрам. Вполне вероятно, что объяснение этому следует искать в предъявлении детям с ОНР чрезмерных требований со стороны воспитателя и невозможностью их выполнить на должном уровне.

Определение социальных статусов показало, что «лидеры» и «предпочитаемые» дети с ОНР, которые демонстрируют высокий уровень притязаний и характеризуются высоким уровнем отношений со взрослыми и сверстниками, имеют высокую самооценку. Поведение этих детей более

пластично, а речевые нарушения для них субъективно менее значимы, чем для детей-«аутсайдеров», которые имеют более низкие показатели.

Понимание ребенком своего речевого нарушения и фиксация на нем в сочетании с неудачными попытками самостоятельной коррекции недостатка приводят к развитию стеснительности, стремления к уединению, речебоязни, что еще больше усугубляет проблемы во взаимоотношениях и влияет на адекватность самооценки. Важным фактором, определяющим уровень отношений с другими людьми, является степень проявления терпимости окружающих к речевому недостатку ребенка. Имеется прямая корреляционная связь между ней и уровнем самооценки дошкольника.

Анализ вербальных оценок результатов своей деятельности и проявлений поведения, данных детьми с ОНР, показал их меньшую развернутость и дифференцированность, но большую категоричность в сравнении с самооценками дошкольников того же возраста с нормальным речевым развитием. Детям с речевыми нарушениями сложно не только подобрать аргументы и дать обоснование суждений при попытке самооценки по различным критериям, но и выделить свои трудности и достижения, определить их причины.

Для дошкольников с нарушениями речи, особенно при устойчивой заниженной самооценке, характерен перенос оценки частных успехов и неудач в деятельности на оценку своей личности в целом. Поэтому мы полагаем, что формирование адекватной самооценки у детей дошкольного возраста будет эффективно осуществляться в процессе различных видов детской деятельности, среди которых особое место занимает продуктивная деятельность. Спецификой этого вида деятельности является создание реального продукта (рисунка, конструкции, объемного изображения и т.п.), представляющего собой материальное воплощение представления о реальном предмете или явлении. Очень важно, что результат продуктивной деятельности ребенок может наглядно сравнить с образцом и оценить по предложенным взрослым критериям.

В продуктивной деятельности ребенок может проанализировать свои действия на основе пошагового самоконтроля и оценить соответствие окончательного результата предъявленному заданию. В случае достижения цели ребенок испытывает чувство удовлетворения от положительной оценки, при неуспехе деятельности он имеет возможность вычленить его причины и исправить недостатки продукта или учесть свои ошибки в дальнейшем. При правильном руководстве со стороны взрослого отрицательный результат или неадекватная самооценка ребенком своей деятельности становится не причиной неуверенности, а стимулом для совершенствования.

Целью нашего экспериментального исследования было развитие самооценки у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи в продуктивных видах деятельности.

В качестве критериев сформированности самооценки были приняты: объективная оценка результатов своей деятельности путем сопоставления с

образцом или предъявляемыми требованиями; самостоятельное выделение критериев процесса и результатов своей деятельности для оценки ее качества; умение дать аргументированную самооценку в развернутой речевой форме.

Нами были определены задачи развития самооценки старших дошкольников с общим недоразвитием речи в продуктивных видах деятельности: научить детей оценивать свои действия на основе соотношения с критериями, данными взрослым, выделять критерии результативности в разных видах деятельности, давать речевой отчет о своей деятельности в соответствии с выделенными критериями.

Для решения этих задач была составлена и поэтапно реализована коррекционно-развивающая программа. Целью первого этапа было формирование у детей адекватной самооценки на основе самоконтроля при выполнении задания и сравнения результата с образцом или словесными указаниями взрослого. Коррекционно-развивающие занятия на этом этапе имели следующую структуру: 1) предварительная беседа, направленная на объяснение способов осуществления самоконтроля при оценке результатов своей деятельности; 2) самостоятельное выполнение задания детьми; 3) беседа с каждым ребенком, по оценке результатов его деятельности.

На втором этапе ставилась цель совершенствования умения детей давать адекватную самооценку своих работ, формирования у них представления о значимости самоконтроля и самооценки для получения результата, соответствующего заданию (образцу). Особое внимание уделялось использованию приемов мотивации, побуждающих к качественному выполнению задания. Коррекционно-развивающие занятия на этом этапе имели следующую структуру: 1) предварительная беседа, направленная на объяснение значения самоконтроля и самооценки, закрепление умения объективно оценивать результаты своей деятельности; 2) самостоятельное выполнение задания детьми; 3) анализ и оценка деятельности детей.

Коррекционно-развивающая программа последовательно реализовывалась в рамках трех блоков. В первом блоке продуктивная деятельность осуществлялась по образцу и показу, использовались следующие приемы: сравнение образца с результатом работы ребенка, вопросы, направленные на умение сравнивать свою работу с образцом.

Второй блок предусматривал организацию продуктивной деятельности детей по предложенной схеме и вербальному плану с использованием приемов: анализ образца, планирование и обдумывание пошагового создания продукта деятельности, вопросы, направленные на умение оценивать свою работу, детальный анализ представленной схемы, сравнение результата деятельности детей со схемой, вопросы, направленные на умение называть детали по схеме и оценивать свою работу в соответствии с представленной схемой, анализ вербального плана, сравнение результата работы с планом, вопросы, направленные на умение оценивать свою работу в соответствии с вербальным планом.

В третьем блоке дети осуществляли продуктивную деятельность по собственному замыслу. Для формирования адекватной самооценки использовались следующие приемы: вопросы, направленные на обсуждение способов самоконтроля, сравнение своей работы с самостоятельно выделенными критериями, вопросы, направленные на умение оценивать свою работу по самостоятельно выделенным критериями, вопросы, направленные на умение давать развернутый речевой отчет по оценке результатов своей деятельности с аргументацией в соответствии с выделенными критериями ее качества.

В результате проведенного исследования были сформулированы условия формирования адекватной самооценки у старших дошкольников с общим недоразвитием речи в продуктивных видах деятельности: подведение детей к адекватной самооценке своей деятельности путем сопоставления ее результатов с показанным образцом или требованиями, высказанными в вербальной форме; овладение детьми приемами самоконтроля в процессе выполнения задания, позволяющими оценить его качество; обучение детей развернутому речевому отчету по оценке результатов своей деятельности с аргументацией в соответствии с выделенными критериями ее качества.

Список использованных источников

1. Гаркуша, Ю.Ф., Коржевина, В.В. Особенности общения детей с недоразвитием речи // Ребенок. Выявление отклонений в развитии речи и их преодоление / Под общ. ред. Ю.Ф.Гаркуши. – М.: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. – 256 с.
2. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития // В.С. Мухина. – М.: Академия, 2006. – 608 с.

УДК 159.99

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Кононенко Инна Александровна

аспирант кафедры психологии

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: inna.kononenko.1996@mail.ru)

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи компонентов виртуального общения и личностных особенностей пользователей социальных сетей и мессенджеров. Компоненты киберкоммуникации были сформированы на основе контент-анализа, а личностные особенности рассматривались с помощью 16-ти факторной модели личности Р.Б. Кеттела. На основании полученных данных можно прогнозировать продуктивность и эффективность цифрового общения.

Ключевые слова: коммуникация, виртуальное общение, личностные особенности.

RELATIONSHIP OF VIRTUAL COMMUNICATION COMPONENTS WITH PERSONAL FEATURES OF YOUNG PEOPLE

Kononenko Inna Aleksandrovna

*postgraduate student of the Department psychology
Donetsk national University (DPR, Donetsk)
(e-mail: inna.kononenko.1996@mail.ru)*

The article presents the results of an empirical study of the relationship between the components of virtual communication and the personal characteristics of users of social networks and instant messengers. The components of cyber communication were formed on the basis of content analysis, and personality traits were considered using the 16 factor model of personality of R.B. Kettela. Based on the data obtained, it is possible to predict the productivity and effectiveness of digital communication.

Key words: communication, virtual communication, personality traits.

Роль общения сложно переоценить как на уровне функционирования целого общества, так и на уровне отдельно взятого человека. По мнению таких ученых, как Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский и др., общение можно рассматривать как форму проявления социального взаимодействия людей, как целенаправленное взаимодействие, при котором устанавливаются и развиваются контакты между людьми, вырабатываются и соблюдаются общие правила, тактика и стратегия поведения. Основу общения составляют потребности людей в обеспечении условий жизнедеятельности, информационном обмене, реализации общих и индивидуальных задач, достижении общих и индивидуально-личностных целей. При этом общение может быть ориентировано на решение деловых, профессиональных задач либо сугубо личностно ориентировано и может осуществляться в различных сферах жизни и деятельности людей: профессионально-деловой, общественно-культурной (социально-бытовой, политической, религиозной, в области искусства и т.п.), в сфере личностных отношений [4].

Сегодня общение, по большей части, сосредоточено в цифровом пространстве. Изучение общения в виртуальной среде является крайне актуальной темой, поскольку смещение акцента функционирования данного процесса вызывает изменения в культуре общества, межличностных отношениях, в индивидуальном восприятии, ценностях, мировоззрении (В.А. Плешаков, Е.В. Белинская, А.Е. Жичкина, Е.И. Богомолова) [2,3].

Как справедливо замечает Э.А. Игнатьева, виртуальные коммуникативные умения характеризуются способностью коммуниканта оценивать собеседника с помощью составления психологического портрета, понимать и принимать цифровую информацию, выстраивать виртуальные

отношения, вырабатывать индивидуальную тактику, стратегию поведения с виртуальным собеседником, реагировать на действия собеседника, умение самопрезентации [1].

Для выделения категорий виртуального общения мы использовали контент-анализ. В результате опроса испытуемые должны были дать как можно больше свободных ассоциаций на словосочетание «Виртуальное общение – это...». На основе анализа полученных ответов были выделены следующие компоненты: «аффективный» с разделением на «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции», «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «личность», «пространство и время», «перцепция». При анализе и описании выделенных нами компонентов виртуального общения, мы базируемся на структуре реального общения (А.А. Бодалев, В.Н. Панферов, Г.М. Андреева), и на отдельных аспектах исследований виртуальной коммуникативности (А.Е. Войскунский, И.С. Лучинкина) [5].

Цель статьи: определить взаимосвязь компонентов виртуального общения с личностными особенностями молодых людей.

В исследовании приняло участие 78 человек юношеского возраста, из них девушек – 64%, юношей – 36%. Для диагностики личностных особенностей мы использовали «16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла» (форма А).

Получены значимые корреляций аффективного компонента виртуального общения со следующими факторами опросника Кеттелла:

- «доверчивость –подозрительность» ($r = - 0,23$; $p \leq 0,05$). У испытуемых, для которых эмоциональная сторона важна в виртуальном взаимодействии, характерна преимущественно осторожность, эгоцентричность, настороженность по отношению к людям;

- «прямолинейность – дипломатичность» ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$). Выраженность аффективного компонента, в данном случае, связана с дипломатичностью, эмоциональной выдержанностью, умением вести диалог;

- «конформизм – нонконформизм» ($r = 0,27$; $p \leq 0,05$). Значимость данной связи определяет, что на собственные решения и мнение, ориентированы те, у кого выражена эмоциональная сторона киберкоммуникации;

- «чувствительность – уравновешенность» ($r = - 0,24$; $p \leq 0,05$). Показывает, что чем больше выражен аффективный компонент, тем ниже значения по данному фактору, которые говорят о большей чувствительности испытуемых.

Выделенные взаимосвязи показывают, что выраженность аффективного компонента киберкоммуникации, позволяет людям более четко расставить границы своего доверия, понимать, как конкретно стоит выстраивать диалог с тем или иным человеком (стиль, формат общения). То есть, эмоциональная значимость, предположительно, обусловлена развитой эмпатичностью, что позволяет оценить состояния собеседников во время виртуального общения,

а также проанализировать свои чувства и уже при сопоставлении двух этих факторов обеспечивается продуктивность данного процесса.

Компонент, отвечающий за отрицательно направленные эмоции, связан с «моральной нормативностью» ($r = 0,28$; $p \leq 0,05$) и с «конформизмом – нонконформизмом» ($r = -0,23$; $p \leq 0,05$). В этом случае, люди, которые подвержены влиянию случая, обстоятельств, являются импульсивными, беспринципными, идут в разрез с всеобщим мнением и т.д., в виртуальном общении чаще фиксируются на отрицательных эмоциональных состояниях. Данный компонент выражен у таких испытуемых возможно из-за того, что они получают порицание со стороны онлайн-собеседников, и как следствие не находят нужного им понимания.

Мотивационный компонент связан с такими личностными характеристиками как: «интеллект» ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$), «практичность – мечтательность» ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$), «прямолинейность – дипломатичность» ($r = 0,29$; $p \leq 0,05$), «консервативность – радикализм» ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$). Испытуемые, для которых в киберкоммуникации важна активность, собственное проявление, общение ради общения, характеризуются более развитым абстрактным мышлением, мечтательны, поглощены своими идеями, которые хотят доказать, реализовать. Наряду с этим, в общении они дипломатичны, эмоционально выдержаны, проницательны. То есть, доминирование мотивационного компонента в виртуальном общении является своеобразным способом поиска вдохновения через коммуникацию, рефлексия себя, активных обсуждений, которые развивают, направляют.

Значимые статистические связи по когнитивному компоненту отмечены с такими факторами личности как «подчиненность – доминантность» ($r = 0,30$; $p \leq 0,01$), «моральная нормативность» ($r = -0,28$; $p \leq 0,05$). Интерпретируя данные связи, стоит отметить, что пользователям, которым важна информационная ценность в интернет-общении, свойственно мыслить самостоятельно, им важно доказать другим свои позиции, они напористы и упрямы. Отсюда и отрицательная взаимосвязь с моральной нормативностью, которая описывает таких пользователей как спонтанных, свободных от общепринятых социальных норм.

Компонент виртуального общения – объектность взаимосвязан с «робостью – смелостью» ($r = 0,33$; $p \leq 0,01$), «интровертированностью – экстравертированностью» ($r = 0,37$; $p \leq 0,01$). Объектность включает в себя понимание функций, форм виртуального общения, поэтому те, кто более опытен в использовании сетей, мессенджеров с их многоаспектным арсеналом функций, тот чувствует себя комфортно в данном виде взаимодействия и готов проявлять активность, инициативу.

Корреляционная связь подтверждена между компонентом субъектность и личностной особенностью «прямолинейность – дипломатичность» ($r = 0,26$; $p \leq 0,05$). Субъектность выражается в стремлении и активности быть онлайн для коммуникации с другими пользователями цифрового комьюнити. Личностная черта, которая будет способствовать нахождению нужных

коннектов в виртуальном общении, – это дипломатичность: умение выстроить диалог, выслушать, расставить акценты в разговоре.

Получена взаимосвязь компонента виртуального общения – альтернатива реальности и личностной характеристики «прямолинейность – дипломатичность» ($r = 0,28$; $p \leq 0,05$). Осознание того, что общение происходит в виртуальной реальности, дает возможность пользователю всецело контролировать и направлять данный процесс в более выгодную для него сторону.

Компонент пространство и время связан с «практичностью – мечтательностью» ($r = - 0,23$; $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что в целом испытуемые, которые в виртуальном общении концентрируются на континуальности времени и пространстве, характеризуются большей практичностью, конкретностью. Скорее всего, для таких пользователей определена сама ценность времени, поэтому она накладывается на различные сферы жизни, в частности, общение, а личностная черта практичность, выступает как регулятор в данном процессе.

Личность, как компонент киберкоммуникации, имеет корреляционные связи с «практичностью – мечтательность» ($r = 0,25$; $p \leq 0,05$), и «самоконтролем» ($r = 0,28$; $p \leq 0,05$). Данный компонент отвечает за самопрезентацию, самореализацию, саморазвитие себя через киберкоммуникацию и выражен он у тех, кто опирается на свое Я, поглощен своими целями, действует по осознанному плану, эффективно самоорганизуется, принимает социальные нормы, контролирует свои эмоции и поведение.

Перцептивный компонент киберкоммуникации связан с «робостью – смелостью» ($r = - 0,33$; $p \leq 0,01$). То есть чем приоритетнее перцептивная направленность интернет-общения, тем больше проявляется смелость как личностная черта. В данном случае мы как бы «читаем» внутренний мир человека, пытаемся понять его и выработать собственное эмоциональное отношение к воспринятому. Такая рефлексия включает смелость, как личное качество, и как следствие, проявить коммуникативную инициативу или, в целом, поддерживать общение не представляется сложным.

Подводя итог, стоит отметить, что большинство связей с личностными особенностями молодых людей отмечено по аффективному и мотивационному компоненту виртуального общения. Это говорит о том, что современная молодежь, в цифровой коммуникации видит определенную ресурсность, которая позволяет грамотно использовать ее для проявления и поиска себя как личности. В целом можем предположить, что, ориентируясь на личностные факторы можно спрогнозировать, какой компонент или компоненты структуры виртуального общения будут работать более эффективно для конкретного человека. В этом ключе дать пользователю ориентир и понимание, на какие стороны киберкоммуникации стоит опираться, чтобы сделать ее максимально продуктивной и комфортной.

Список использованных источников

1. Игнатьева Э.А. Формирование коммуникативных умений виртуального общения современной молодежи: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.07 / Игнатьева Э.А. Моск. городс. психол.-педагог. ун-т. – М., 2012. – 26 с.
2. Личность в информационно-инновационном обществе: монография / под ред. В.Н. Стегния. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. – 448 с.
3. Михалец И. В. Виртуальное общение как новый вид общения в современном мире / И.В. Михалец, А. Д. Волчкова, Е. Д. Филиппова. – Текст: непосредственный // Психология в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2016. – С. 23-25.
4. Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / под ред. Л.И. Рюминой. – М.: КРЕДО, 2015. – 144 с.
5. Михайлова И.В. Рубцова Ю.А., Михайлова И.В. Особенности межличностного общения в виртуальной реальности // Инновационный потенциал молодежи – 2020: сборник работ по результатам Всероссийского фестиваля научного творчества / сост. и отв. ред. И.В. Михайлова. – Ульяновск, 2020. – С. 230-232.

УДК 159.96

САМООТНОШЕНИЕ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С НЕПСИХОТИЧЕСКИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ ОЖОГОВОЙ БОЛЕЗНИ В РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ЖИЗНЕННЫХ РЕСУРСОВ

Косенко Карина Алексеевна

*магистрант 2 курса специальности «Психология»
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)*

Вильдгрубе Светлана Александровна

*канд.психол.н., доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: kado4kaa@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru)*

В статье раскрывается специфика самоотношения и совладающего поведения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов.

Данные результаты могут использоваться при разработке дифференцированных индивидуальных программ психологической помощи людям с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения и при реализации их на психологообразовательном, психокоррекционном, психотерапевтическом и психореабилитационном этапах психологической помощи.

Ключевые слова: самоотношение личности, совладающее поведение, непсихотические психические расстройства, ожоговая болезнь.

SELF-PERCEPTION AND COPING BEHAVIOR OF INDIVIDUALS WITH NON-PSYCHOTIC MENTAL DISORDERS IN BURN DISEASE AS PART OF THE PROBLEM OF FINDING LIFE RESOURCES

Kosenko Karina Alekseevna

2nd year master's student Psychology

Donetsk National University (DNR, Donetsk)

Vildgrube Svetlana Aleksandrovna

Candidate of Psychological Sciences,

Associate Professor of the Department of Psychology

Donetsk National University (DNR, Donetsk)

(e-mail:kado4kaa@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru)

The article reveals the specificity of self-concept and coping behavior of a person with non-psychotic mental disorders in the burn disease within the problem of the search of life resources.

These results can be used when working out differentiated individual programs of psychological help for people with non-psychotic mental disorders of the burn disease with different types of co-operative behavior and their realization at psychological educational, psychologically corrective, psychotherapeutic and psychorehabilitation stages of psychological help.

Key words: personality self-concept, coping behavior, non-psychotic mental disorders, burn disease.

Ключевым фактором для самовыражения, самореализации, самоактуализации и успешной адаптации к различным жизненным ситуациям выступает самоотношение личности как многомерное динамическое образование, включающее в себя систему эмоционально-ценностных установок в адрес собственного «Я» и выражающее смысл «Я» для субъекта. Данной психологической категории посвящено большое количество научных трудов, однако проблема самоотношения остается актуальной и на сегодняшний день [2]. На самоотношение и самосознание личности оказывают влияние различные соматические болезни, что обусловлено ограничивающими факторами в настоящем, а также изменением планов и целей на будущее. Это в конечном итоге может приводить к фрустрации, возникающей из-за воздействия реальной или воображаемой помехи, которая является или непреодолимой, или трудно преодолимой для индивида. Все это выражается в появлении тревожности, агрессии, отчаяния и т.д., но конкретные реакции будут зависеть от особенностей личности пациента и от того, как изменится его самоотношение в ходе заболевания [1]. В рамках данной работы были рассмотрены больные с ожоговыми болезнями, возникающими в результате местного действия высокой температуры, а также химических веществ,

электрического тока или ионизирующего излучения.

В процессе приспособления и адаптации к трудным жизненным обстоятельствам и к стрессовому воздействию активизируется работа различных стратегий совладающего поведения. Эффективность данных стратегий будет зависеть от личностных ресурсов, направленных на обеспечение благополучия индивида, решение проблемной ситуации, поддержание эмоционального равновесия и улучшение общего эмоционального состояния в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов [3,4].

Изучением данной проблематики занимались различные отечественные и зарубежные авторы, которые рассматривали следующие вопросы: положения о содержании и развитии самоотношения (Л.И. Божович, Л.В. Бороздина, А.В. Визгина, И.С. Кон, А.Н. Крылов, А.И. Липкина, М.И. Лисина, В.Г. Маралов, С.Р. Пантилеев, А.Р. Петрулите, Ю.Г. Пилипейченко, Н.И. Сарджвеладзе, В.Ф. Сафин, Е.Т. Соколова, В.В. Столиц, И.Г. Чеснова, И.И. Чеснокова и др.); представления о социальной ситуации развития личности в условиях хронической болезни (Л.Ю. Данилова, Б.В. Зейгарник, Б.С. Калмыкова, В.В. Ковалев, Н.М. Манухина, Т.Н. Муладжанова, В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, Е.Г. Филякова и др.); концепции психологических характеристик ожоговой болезни (Б. Берени-Маржук, П. Месала, И.В. Гурин, С.Г. Лафи).

Пациенты с ожоговой болезнью являются максимально уязвимыми в психологическом плане и нуждаются в оказании особой психотерапевтической помощи, с учетом возникновения у них непсихотических психических нарушений на разных стадиях течения болезни.

Таким образом, *целью данного исследования* является изучение самоотношения и совладающего поведения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов. *Объект исследования* – самоотношение личности. *Предмет исследования* – самоотношение и совладающее поведение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов. *Гипотеза исследования*: самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни будет иметь негативную направленность, обусловленную использованием непродуктивных стратегий совладающего поведения. *Психодиагностические методы исследования*: методика «Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан»; методика «Исследование самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС)»; методика «Шкала депрессии А.Т. Бека»; методика «Оценка личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера - Ю.Л. Ханина»; опросник «Выраженность психопатологической симптоматики SCL-90-R»; методика «Диагностика копинг-поведения в стрессовых ситуациях Д. Амирхана». *Методы математической статистики*: описательная статистика, корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона). *Эмпирическая база*: в данном исследовании приняли участие пациенты отделения термических поражений и пластической хирургии

Института неотложной и восстановительной хирургии им. В.К. Гусака в количестве – 21 человек.

На основе высоких показателей по шкалам «Тревожность» (3,18), «Депрессия» (3,23) опросника SCL-90-R и высокого уровня депрессии (39,28) по методике А.Т. Бека, а также высокого уровня ситуативной тревожности (55,71) по методике Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина из 21 пациента нами были выделены 14 человек, которые имеют непсихотические психические расстройства. Участвовавшие в исследовании респонденты находятся в возрасте от 23 до 35 лет.

Таким образом, по **методике «Шкала депрессии Бека»** выделенная нами группа пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни характеризуется высоким уровнем выраженности депрессии (табл. 1).

Таблица 1

Средние показатели по методике «Шкала депрессии Бека» (баллы)

	Когнитивно-аффективная субшкала	Соматическая субшкала	Общий балл
Результаты	21,64	18,21	39,86

Эти показатели свидетельствуют о том, что для большинства из данных пациентов характерны пессимистичное настроение, неудовлетворенность жизнью и жизненными обстоятельствами, чувство несостоятельности, стремление к самообвинению, повышенные раздражительность и утомляемость, низкая работоспособность, нарушение сна, утрата аппетита, а также нарушение социальных связей.

По методике Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина данная группа отличается высоким уровнем ситуативной тревожности и низким уровнем личностной тревожности (табл.2).

Таблица 2

Средние показатели по методике Ч. Д. Спилберга-Ю. Л. Ханина (баллы)

	Уровень ситуативной тревожности	Уровень личностной тревожности
Средние показатели	55,71	26,29

На данный момент пациенты находятся в стрессовой ситуации, сопровождающейся субъективным дискомфортом, повышенными напряжением, беспокойством, нервозностью, а также вегетативным возбуждением. Для них характерны ощущения взвинченности, волнения, усталости, неудовлетворенности по поводу происходящего, в связи с чем они чувствуют неуверенность в себе. При этом, для большинства из них в обычной

жизни не характерна личностная тревожность, они ощущают себя более защищенными и стабильными.

Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R также позволил подтвердить наличие у испытуемых непсихотических психических расстройств (табл. 3).

Таблица 3

Средние показатели по методике SCL-90-R

Шкалы	Средний показатель
SOM (Соматизация)	2,55
INT (Межличностная сензитивность)	1,86
DEP (Депрессия)	3,23
ANX (Тревожность)	3,18
Индекс GSI (общий индекс тяжести)	1,68

Пациенты с ожоговой болезнью ощущают неуверенность, отмечают, что, сравнивая себя с другими, ощущают себя неполноценно, испытывают дискомфорт, беспокойство в связи с тем, что окружающие, по их мнению, считают их неприятными, а также не стремятся к взаимодействию с ними, также они не испытывают заинтересованности по отношению к окружающей действительности, имеют подавленное настроение. Общий показатель, отражающий уровень психического дистресса пациентов (индекс GSI), превышает нормативный и указывает на то, что на фоне ожоговой болезни пациенты испытывают высокий уровень дискомфорта от имеющихся у них симптомов и нынешних обстоятельств их жизнедеятельности.

Самоотношение, как психологический конструкт, влияет на внутреннюю картину болезни, процесс выздоровления и адаптацию к сложным жизненным обстоятельствам. Результаты по методике С.Р. Панталева позволили определить негативную направленность самоотношения пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни (табл.4).

Таблица 4

Средние показатели по шкалам методики С.Р. Панталева

	Замкнутость	Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Среднее	9,22	3,43	2,93	6,29	6,64	2,57	6,64	12,93	8,71

Из данных показателей видно, что пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни имеют выраженную

неуверенность в себе, склонны к чрезмерной самокритике, часто сомневаются в своих способностях, принятых решениях, не верят, что могут преодолевать трудности или достигать поставленных целей. Также они имеют общий негативный фон восприятия себя и проблемы с волевым контролем и саморегуляцией. Для них характерно проявление защитного поведения и стремление соответствовать общепринятым социальным нормам.

У испытуемых наблюдается доминирование внешнего локус-контроля, так как они склонны приписывать причины происходящего внешним обстоятельствам, избегать ответственности. Для них характерно проявление защитного поведения, стремление соответствовать общепринятым социальным нормам, отсутствие стремления к взаимодействию с самими собой.

Результаты по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан позволили подтвердить негативную направленность самооотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни (табл.5).

Таблица 5

Показатели по методике Дембо-Рубинштейн (баллы)

Шкалы		Средние показатели
Здоровье	Высота самооценки	25,14
	Уровень притязаний	73,29
Ум	Высота самооценки	56,29
	Уровень притязаний	79,00
Характер	Высота самооценки	51,64
	Уровень притязаний	75,64
Авторитет	Высота самооценки	38,21
	Уровень притязаний	71,57
Самостоятельность	Высота самооценки	35,93
	Уровень притязаний	73,36
Уверенность	Высота самооценки	24,14
	Уровень притязаний	71,43

У пациентов с ожоговой болезнью с непсихотическими психическими расстройствами наблюдаются негативные установки в оценивании себя. У них преобладает низкая самооценка, т.е. тенденция недооценивать себя, свои возможности, испытывать неуверенность в себе, критично расценивать свои поступки и действия.

Стоит отметить, что, несмотря на заниженную самооценку и неуверенность в себе, большинство пациентов имеют адекватный уровень притязаний, что указывает на то, что они могут ставить перед собой реалистичные цели и могут оценивать свои возможности. Отсутствие уверенности в себе делает некоторые из этих целей недостижимыми на данный момент, что может вызывать дискомфорт, фрустрацию и тревогу. Проявление подобных особенностей, вероятнее всего, обусловлено особенностями

протекания ожоговой болезни и сопутствующими непсихотическими психическими расстройствами, и, возможно, условиями стационарного лечения.

Оценить преобладающую стратегию совладающего поведения позволила методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амирхана (табл. 6).

Таблица 6

Средние показатели по методике Д. Амирхана (баллы)

Шкалы	Показатели
Решение проблемы	18,93
Поиск социальной поддержки	19,64
Избегание	26,86

Пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни чаще всего при столкновении с проблемами используют стратегию избегания. Данная стратегия направлена на избегание контактов с окружающей реальностью и людьми, на уход от проблемы или проблемной ситуации. Подобное поведение приводит к дополнительной дезадаптации и является временным решением для преодоления или снижения дистресса. Использование данного типа копинг-поведения говорит о том, что больные имеют недостаточно развитые личностно-средовые копинг-ресурсы и навыки активного и продуктивного разрешения проблем. При этом они реже используют активные поведенческие стратегии, направленные на мобилизацию личностных ресурсов для решения проблем или обращение за помощью к окружающим людям, семье или близким друзьям.

Корреляционный анализ позволил определить, что между показателями выраженности непсихотических психических расстройств, особенностями самоотношения и копинг-стратегиями имеются взаимосвязи, указывающие на то, что высокий уровень личностной тревожности способствует меньшему использованию продуктивных стратегий поведения, направленных на эффективный поиск вариантов решения проблемных ситуаций. Таким образом, самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни будет иметь негативную направленность, обусловленную использованием непродуктивных стратегий совладающего поведения.

Результаты данного исследования могут помочь психологам и психотерапевтам разрабатывать дифференцированные индивидуальные программы психологической помощи людям с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения и реализовывать их на психологообразовательном, психокоррекционном, психотерапевтическом и психореабилитационном этапах психологической помощи.

Список использованных источников

1. Вильдгрубе С.А. Особенности оказания психотерапевтической помощи больным с непсихотическими психическими нарушениями при термических поражениях / С.А. Вильдгрубе, Г.М. Фирсова // Вестник неотложной и восстановительной хирургии. – Том 2. – № 2-3. –2017. – С. 186–196.
2. Вильдгрубе С.А. Самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни / К.А. Косенко, С.А. Вильдгрубе // Донецкие чтения – 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. – Том 9. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 290–293.
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – СПб: Питер, 2011. – 272 с.
4. Яньшин П.В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности / П.В. Яньшин. – СПб.: Питер-Юг, 2014. – 336 с.

УДК 070:316.776

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Кусков Анатолий Евгеньевич

старший преподаватель

*Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики (ДНР, г.Донецк)*

(email: maktolya@mail.ru)

Иголкина Анастасия Витальевна

студентка

*Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики (ДНР, г.Донецк)*

(email: zarikova21@gmail.com)

В данной статье рассмотрено непосредственное влияния средств массовой информации на человеческое поведение и его сознание. В ходе работы были проанализированы средства манипуляции СМИ обществом. Описаны способы борьбы с манипуляцией, направленной на управление эмоциями и поведением человека, для извлечения выгоды. Также были затронуты темы терроризма, и его тесная связь со средствами массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, виды СМИ, человек, личность, подсознание, влияние, поведение, манипуляция, терроризм.

COMMON EFFECTS OF MASS MEDIA ON HUMAN CONSCIOUSNESS

Anatolii Kuskov

Senior Lecturer

*Donetsk Academy of management and public service under the
Head of the Donetsk People's Republic (DPR, Donetsk)*

(email: maktolya@mail.ru)

Anastasia Igolkina

student

Donetsk Academy of Management and Public Service under the

Head of the Donetsk People's Republic (DPR, Donetsk)

(email: zarikova21@gmail.com)

This article examines the direct influence of mass media on human behavior and his consciousness. In the course of the work, the means of manipulation of the media by society were analyzed. The methods of combating manipulation aimed at controlling human emotions and behavior for profit are described. The topics of terrorism and its close connection with the media were also touched upon.

Key words: media, types of media, person, personality, subconscious, influence, behavior, manipulation, terrorism.

Средства массовой информации – это одна из форм технологических достижений в области информации и коммуникаций. Влияние различных сред на каждого человека. Это происходит из-за различий в образе мышления, различий в характере этого влияния на отношение к принятию решений, повседневные социальные отношения и культурные различия [1].

История средств массовой информации часто рассматривается как тавтология. Записанная история сама по себе требует определенного носителя, на котором она может храниться и передаваться во времени. Инновационная технология печатного станка привела к множеству различных сдвигов в западной культуре, от интеллектуальной сферы до правового пространства и за его пределами.

Важнейшим импульсом к изучению влияния средств массовой информации на общество в целом и на отдельного человека были социальные изменения начала 20 века. В первую очередь, Первая мировая война и рост коммерциализации печатной прессы. Интерес ученых и государственных деятелей к этому вопросу был вызван, прежде всего, озабоченностью правительства распространением военной пропаганды [2].

Современная теория коммуникаций дает возможность глубокого анализа воздействия средств массовой информации и массовой коммуникации на сознание обычного человека.

Сами того не осознавая, средства массовой информации ввели сообщество в новые культурные модели и начали определять модели мышления и поведения общества [3]. Изменения в моделях поведения, которые большинство ощущает, являются аспектом образа жизни и наиболее заметным аспектом этого молодого поколения в окружающей среде.

Влияние средств массовой информации варьировалось, в том числе: возникновение отклоняющегося поведения от социальных норм и культурных ценностей, отклоняющееся поведение которых считается частью

тенденции сегодняшнего дня. В этом и заключается актуальность данной темы.

Сегодня существует несколько видов средств массовой информации, хотя некоторые из них уже устарели:

1. Традиционные средства массовой информации включают газеты, журналы, радио, телевидение, журналы и даже рекламные щиты. Традиционные средства массовой информации в целом делятся на две подкатегории: печатные средства массовой информации и средства вещания. Печатные средства массовой информации являются старейшей формой средств массовой информации и включают в себя все виды печатных изданий, таких как газеты, журналы, книги, отчеты, клинические журналы, листовки, эссе и т.д.

2. Вещательные средства массовой информации были введены в начале 20-го века в виде радио и телевидения. Поскольку внедрение телевидения снизило важность радио как средства доступа людей к информации в форме новостей, вещательное телевидение в настоящее время начинает отставать по мере того, как интернет-СМИ берут верх.

3. Цифровые носители, составляющие обширную часть современных средств связи, состоят из сложно закодированных сигналов, которые передаются по различным формам физических и виртуальных носителей, таких как волоконно-оптические кабели и компьютерные сети. Современные цифровые медиа включают Интернет в целом, но на более детальном уровне «медиа» используется для обозначения веб-сайтов, блогов, подкастов, видео, цифровых радиостанций и мобильных телефонов, а также методов связи, используемых для передачи данных, таких как мгновенные сообщения, видеозвонки и электронная почта.

4. Компьютерные носители – это термин, который часто используется в информатике в нескольких различных значениях. Он используется для описания электронных устройств, используемых для хранения данных, таких как жесткие диски, USB-накопители, DVD-диски, CD-ROM и дискеты. Это также относится к средствам передачи, используемым для соединения рабочих станций вместе, таким как коаксиальные кабели, волоконно-оптические кабели и традиционные электрические провода. В более широком смысле все технологии, используемые для передачи информации, такие как видео, изображения, звуки и презентации, часто называются медиа или мультимедиа.

5. Средства массовой информации включают в себя все те медиа-каналы, которые могут охватывать большое количество людей одновременно. Традиционные средства массовой информации включают телевизионные и радиоканалы, а также национальные и международные журналы, в то время как цифровые средства массовой информации в основном относятся к платформам социальных сетей и популярным онлайн-журналам. Некоторые считают разумным включить некоторые видеоигры, такие как многопользовательские онлайн-ролевые игры.

6. Социальные сети уже упоминались, поскольку эти платформы включены как в категории средств массовой информации, так и в категории цифровых медиа. Они состоят из приложений и веб-сайтов, используемых людьми для обмена контентом в режиме реального времени с помощью своих компьютеров или смартфонов. Они представляют собой революционную технологию, которая повлияла на последнее десятилетие, позволив каждому обмениваться практически любой информацией на глобальном уровне.

Важнейшее место среди всех средств массовой информации некоторые ученые выделили телевидению.

Согласно исследованиям, манипулирование информацией через средства массовой информации направлено на общество [4]. По мнению ученых, манипуляция становится необходимой, когда государство заинтересовано в популяризации некоторых идей и пытается создать идеологическую основу для оправдания определенных мер воздействия. Таким образом, пропаганда работает непосредственно на идеологические нужды государства и тех, кто находится во главе государства.

С развитием экономики и общей коммерциализацией средств массовой информации информация также становится товаром, то есть предметом торговли, и владельцы СМИ должны сделать ее востребованной, игнорируя тот факт, что СМИ – это, прежде всего, социальный институт, а только затем частное предпринимательское предприятие. Очень часто, исходя из своих деловых интересов, владельцы частных СМИ пытаются улучшить свой продукт и сделать его соответствующим потребностям и требованиям потребителей. И потребителем этого продукта является аудитория.

Как правило, манипуляция – это двойное воздействие, когда наряду с открытым сообщением манипулятор посылает адресату кодированный сигнал, чтобы вызвать в его сознании необходимые ему образы. Манипуляция как технология, основанная на внушении, оказывает влияние на людей и часто добивается их послушания не разумом, а чувствами [5].

Наблюдая за тем, как происходят террористические акты и как данные события отражаются в новостях, мы можем выявить определенную закономерность.

Как правило, основной целью террора является запугивание и создание неравного страха.

Страх возникает, когда телевидение сообщает о террористическом акте или захвате заложников. Ни для кого не секрет, что каждый у телевизора в этот момент представляет себя на месте жертв теракта. Таким образом, это приводит к естественному отождествлению себя с человеком, которого видят в той или иной ситуации. В такой ситуации сознание и разум охвачены эмоциями переполняющими человека и снижающими его критический самоанализ.

Таким образом, манипулирование эмоциями аудитории с помощью телевизионных террористов или тех, кто заинтересован в трансляции,

которые сообщают, привлекает внимание к их новостям. Им нужно, чтобы мужчина запомнил эту новость. Для этой цели он неоднократно транслируется как активно используемое средство удержания внимания. Используются такие особенности новостных репортажей, как стабильность и интенсивность повторяющихся репортажей. Также используются технологические особенности телевидения, в том числе:

- слова диктора;
- музыка;
- визуальные изображения записи.

Анализируя еще раз то, что происходит на самом деле, мы замечаем, что, когда человек получает сообщение, его взаимодействие со своей памятью делится на два этапа. Сначала у нас происходит пассивное подсознательное запоминание, затем информация обрабатывается интеллектом. Когда информация эмоционально окрашена, она «имплантируется» в память и начинает влиять на сознание. В результате повторения оно запоминается, это запоминание непроизвольно, как реклама, обычно запоминающаяся быстро и незаметно.

Аудитория обычно ожидает от СМИ оценочной информации. Это объясняется тем, что СМИ как социальный институт имеют статус официального источника информации, которому массы очень доверяют [6].

Анализируя публикации некоторых СМИ, можно отметить такой наиболее часто используемый прием манипуляции, как:

1. Стереотип;
2. «Поляризация» информационного потока;
3. Изоляция адресата от других воздействий – отсутствие альтернативных источников информации;
4. Частичное сокрытие информации;
5. Построение отчетов с использованием профессиональных терминов;
6. Упрощение;
7. Стандартизация;
8. Повторение [7].

Чтобы не поддаться влиянию СМИ следует:

1. Простейшим примером психологической защиты от пропаганды является сознательное прерывание контактов с источником информации. Например, достаточно время от времени прекращать смотреть телевизор на пару недель, чтобы произошло «восстановление» сознания.

2. Дж. Маркс говорил: «Чем лучше люди узнают сущность влияющих на сознание технологий, тем больше вероятность, что они поймут их назначение, и тем менее вероятность, что эти технологии будут использованы». Прежде чем делать выводы, постарайтесь узнать достоверную информацию. В некоторых случаях сделать это практически невозможно, поэтому старайтесь не уделять особого внимания информации, которую нельзя подтвердить фактами.

В настоящее время прогрессивные СМИ считают себя социально ответственным институтом. В то же время, чем меньше задействованы средства массовой информации, тем меньше они используются в качестве инструмента воздействия на умы своей аудитории. Таким образом, экономическая независимость СМИ имеет большое значение. Общество, защищая свои собственные интересы, должно больше апеллировать к социальной ответственности журналистов, их профессионализму и соблюдению журналистской этики как основополагающего принципа профессионализма в журналистике.

Список использованных источников

1. Бабанская, А. А. History of the emergence and development of mass media / А. А. Бабанская // Молодой ученый. – 2021. – № 24. – С. 166-168. URL: <https://moluch.ru/archive/366/82330/> (Дата обращения: 18.11.2021).
2. Капралова, Е. А. Воздействие средств массовой информации на сознание человека / Е. А. Капралова // Государственная служба. – 2015. – № 3. – С. 111.
3. Брайант, Дж. Основы воздействия СМИ: монография / Дж. Брайант, С. Томпсон. – Киев: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 424с.
4. Чепкасов, А.В. О некоторых аспектах воздействия СМИ на массовое сознание / А. В. Чепкасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2012. – № 11. – С. 63-64.
5. Юренко, В.В. Манипуляция как вид деятельности / В. В. Юренко // Социально-политические науки. – 2014. – № 6. – С. 56.
6. Зелинский, С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание: учебное пособие / С. А. Зелинский. – СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. – 230с.
7. Новиков, К. Ю. Психология массовой коммуникации: Механизмы, практика, ошибки / К. Ю. Новиков. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 128 с.

**СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ В
БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ¹**

Лещенко Светлана Геннадьевна

канд. психол. наук, доцент кафедры специальной психологии

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого (РФ, г. Тула)

(e-mail: svet-lanal@mail.ru)

В статье рассматриваются варианты билингвальной среды, в которую погружаются дети-инофоны в процессе обучения. Представлены положительные и отрицательные факторы влияния на речевое развитие детей-инофонов и билингвов. Изложены результаты исследования речевого развития детей-инофонов школьного возраста на начальном этапе освоения языка социума, языка межнационального общения. Предложены направления логопедической работы с детьми-инофонами.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальная среда, дети-инофоны, речевое развитие детей-инофонов.

**SPECIFIC SPEECH DEVELOPMENT OF INOPHONE CHILDREN IN
THE BILINGUAL ENVIRONMENT**

Leshchenko Svetlana Gennadievna

Cand. psychol. Sci., Associate Professor of the Department of Special

Psychology

Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy

(RF, Tula)

(e-mail: svet-lanal@mail.ru)

The article examines the variants of the bilingual environment in which foreign-speaking children are immersed in the learning process. The positive and negative factors of influence on the speech development of foreign-speaking and bilingual children are presented. The article presents the results of a study of the speech development of school-age children with foreign speakers at the initial stage of mastering the language of society, the language of interethnic communication. The directions of speech therapy work with foreign-speaking children are proposed.

¹ Печатается в рамках выполнения научно-исследовательских работ по государственному заданию № 073-00073-21-01 от 14.07.2021 г. на оказание государственных услуг (выполнения работ) Министерства просвещения России по теме «Научно-методическое обеспечение интеграции билингвов в современную школу, психолого-педагогическое сопровождение семьи ребенка билингва, развитие семейного образования как одного из элементов общего образования билингвов».

Key words: bilingualism, bilingual environment, foreign language children, speech development of foreign language children.

В настоящий момент отмечается значительная интенсификация различных областей жизни: социальной, культурной и экономической, что является следствием процесс глобализации. Так, в Российской Федерации можно наблюдать активные процессы внутренней и внешней миграции. Это приводит к образованию билингвистической, а по сути, к мультилингвистической среды. С увеличением миграционных потоков из стран СНГ и демографические изменения внутри государства, привели к расширению явлению инофонии.

Инофония считается отправной точкой, стартовым этапом для формирования билингвизма. Инофоном называют человека, говорящего на родном языке, но находящегося в чуждой, непривычной для него языковой среде и в связи с этим испытывающего острую необходимость в освоении языка новой для него коммуникации. Для инофонов чуждым является и язык, и мир, в который они попали. Билингвом человек становится тогда, когда «степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [1]. Инофония считается первой ступенью становления билингвизма. При удачном стечении обстоятельств, достаточном погружении в образовательную языковую среду, ребенок-инофон становится билингвом. Владение языком социума, межнационального общения необходимо, с одной стороны, для самоопределения личности ребенка, с другой, для успешной интеграции социокультурно среду страны пребывания.

Для специальной педагогики, логопедии, специальной психологии инофония и билингвизм представляет собой особый интерес, так как нередко именно билингвальная среда становится причиной возникновения специфических ошибок в речи на неродном русском языке, обусловленных как особенностями взаимовлияния вербальных систем, так и нарушением речевого и психического развития. Фактор инофонии и билингвизма для детей с речевой патологией, отмечающейся в рамках использования средств родного языка, является обременяющим, что не может не сказаться на развитии речевой, познавательной и учебной деятельности в условиях билингвального существования.

Формирование лексики ребенка-инофона тесно связано с развитием его познавательной деятельности, навыков общения, коммуникативных умений. Овладение семантикой словом отражает, прежде всего, процесс соотношения мышления и речи в сознании ребенка, во многом определяется уровнем развития его интеллектуальных способностей. Лексическое развитие тесно связано с формированием психических процессов, особенно с развитием восприятия и памяти. В свою очередь лексическая система речи оказывает существенное влияние не только на вербальное развитие в целом, но и на формирование познавательных процессов ребенка, так как именно семантика слова является единицей вербального мышления.

Успешность развития ребенка-иннофона во многом зависит не только от его индивидуальных способностей, но и от отношений внутри языковой пары, создающей особую билингвальную среду. Типы двуязычия подразделяют по разным основаниям: критерии возраста и способа усвоения второго, третьего и последующих языков позволяют разграничить ранний и поздний билингвизм; критерий усвоенных действий дифференцировать рецептивный и продуктивный типы; критерий детерминации мышлению является основанием для выделения непосредственного и опосредованного билингвизма; критерии условия возникновения выделяют естественный и искусственный типы билингвизма; степень родства языков сегрегируют тривиальное родство (свыше 95 % совпадений в базовой лексике), заметное родство (около 70 %), конвенциональное родство (15-35 %) и дальнейшее родство (5-10 %).

Наиболее распространённым вариантом полилингвистической комбинации для детей является использование родного языка в условиях семейного микроокружения и усвоение языка социального макроокружения в условиях обучения и воспитания в образовательных учреждениях. Самый сложный вариант билингвистических отношений, значительно затрудняющий интеграцию ребенка-инофона в образовательную среду, включает в себя поздний, рецептивный, опосредованный, искусственный, неблизкородственный билингвизм в сочетании с иными видами билингвизма.

Многие авторы отмечают, что мультиязычие положительно сказывается на развитии памяти, умении осознаться, анализировать и выделять языковые явления, на развитии мышленности, реактивности, математических навыков и логики. Полноценно развивающиеся билилингвы, как правило, успешны в школьном обучении и лучше других учащихся усваивают абстрактные сведения, литературу и другие иностранные языки. Знание языков в раннем возрасте способствует развитию переводческих навыков. Согласно современным данным, в развитии билилингвов есть одна интересная особенность: они способны сосредоточивать внимание на сущности задания или проблемы, не обращая внимание на отвлекающие, «запутывающие» факторы, в отличие от одноязычных детей. И, конечно, многоязычные дети имеют огромное преимущество в практической и социальной сферах жизни. Как замечено на практике, одинаково свободное владение двумя, тремя и более языками встречается достаточно редко. Теоретически при равномерном полиязычном развитии не должно быть доминантного языка, но на практике этого не происходит. Тот язык, который больше используется в среде проживания, будет преобладать. А также, на выбор языка в ситуации общения могут повлиять такие факторы, как тема, сама ситуация, контекст, собеседник и др.

Процесс овладения языком социума помогает ребёнку-инофону быстрее входить в другую социальную среду, легче адаптироваться в кругу носителей иной культуры и обычаев, национальной философии. Поликультурная среда помогает быть мобильным, толерантным в любой окружающей обстановке. Начиная самостоятельную жизнь, ребёнок начинает обучаться многообразию

функционирования языка в самом социуме. Он принимает разные социальные функции языков, ребёнок учится адекватному коммуникативному поведению, усваивает жизненный уклад, обычаи, оценки, которые и составляют культуру общества.

Но при этом, билингвальная среда часто порождает ряд специфических ошибок речевого характера, затрудняющих социализацию ребёнка с двуязычием. Фактор билингвизма для детей с речевой патологией является отягощающим, что не может не сказаться на развитии речевой, познавательной, а, следовательно, и учебной деятельности. Таким образом, любой человек с билингвизмом, имея недостатки в речи, будет чувствовать дискомфорт при вербальной коммуникации, информационную недостаточность, что не может отрицательным образом не отразиться на всех сферах его деятельности. Если же говорить о детях-билингвах, то в этом случае ситуация еще более серьезная, так как их личность еще только формируется, и последствиями такой изоляции от социокультурного пространства могут стать отчужденность, чувство неполноценности, проявления агрессивности.

Особую роль в процессе социокультурной интеграции играет связная речь, которая выполняет сигнификативную, обобщающую и коммуникативную функции. Взаимопонимание и взаимодействие, в процессе человеческого общения основанное на единстве обозначения предметов и явлений, выделении их существенных признаков, объединении в группы, в основном обеспечивает лексический компонент речи. Передачу знаний, отношений, чувств, то есть коммуникативную функцию, осуществляет первую очередь связная речь.

Связная устная речь детей-инофонов часто демонстрирует нарушения смысловых связей между частями текста, нарушение логических и грамматических связей между речевыми единицами, связей между частями (членами) предложения, последовательности в раскрытии темы, последовательности и логико-смысловой организации сообщения в соответствии с темой и коммуникативной задачей.

В условиях инофонии или начальной стадии билингвизма следствием языкового контакта может стать интерференция, то есть взаимодействие языковых систем в условиях дву- или многоязычия, обусловленное их структурными расхождениями и проявляющееся в отклонении от кодифицированных норм речи взаимодействующих языков.

Связная устная речь детей с билингвизмом часто имеет нарушения смысловых связей между частями рассказа, нарушение логических и грамматических связей между предложениями, связей между частями (членами) предложения, последовательности раскрытия темы, последовательности и логико-смысловой организации сообщения в соответствии с темой и коммуникативной задачей.

Исследования развития речи у детей-инофонов и билингвов выявили следующие особенности развития лексико-грамматического компонента речи: ошибки в употреблении грамматических форм слов: нарушение падежных окончаний; ошибки в родовых окончаниях; нарушение употребления числа;

нарушение видовременной системы глагола; трудности преобразования слов из нулевой формы в косвенную; нарушения конструкции предложений: пропуск главных членов предложения (субъекта, предиката), второстепенных членов предложения (объектов, атрибутов); отсутствие обязательных членов синтаксической конструкции - предлогов (локативов); нарушение порядка слов (инверсия); семантические нарушения: замена слов по семантическому сходству [2].

В ходе эксперимента были выявлены недостатки синтаксической структуры предложений двух типов. В первом случае наблюдалось преимущественное нарушение морфологической системы языка при относительной сохранности глубинно-семантической структуры предложения. Дети правильно воспроизводили структуру предложений и семантическую связь между словами, но нарушались морфологические средства связи между лексическими единицами. Отмечалась диспропорция между развитием морфологической и синтаксической систем языка. Во втором случае наблюдалось нарушение не только морфологической системы языка, но и синтаксической структуры предложения, чаще всего за счет пропуска главного члена предложения - предиката (глагола). Помимо этого, возникали нарушения порядка слов, пропуски членов предложения, избыточность конструкций.

Таким образом, нарушение синтаксиса в системе языка у детей, развивающихся в мультилингвистической среде, проявляется как на уровне глубинных, так и поверхностных структур. На поверхностном уровне - в нарушениях грамматических связей между словами, в неправильной последовательности слов в предложении, в согласовании частей речи. На глубинном уровне - в трудностях овладения семантическими компонентами (объектными, локативными, атрибутивными), в трудностях организации семантической структуры высказывания.

В целях оптимизации логопедической работы можно выделить следующие направления работы с детьми-инофонами с опорой на родной язык ребёнка: формирование у детей правильного звукопроизношения: дифференциация со звуковыми аналогами других языков, постановка отсутствующих звуков; формирование фонематического восприятия: дифференциация звуков русского языка; развитие лексической стороны речи; развитие грамматической стороны речи, формирование грамматических категорий; развитие связной речи; воспитание и социализация детей с опорой на языковые ценности носителей языка; развитие языковой компетентности родителей.

Список использованных источников

1. Аврорин В. А. Двужычие и школа // Проблемы двужычия и многаязычия. М. : Наука, 1972. С. 49 — 62.
2. Лещенко С.Г., Асмаловская О.А. Особенности детской речи, обусловленные билингвизмом // Мир специальной педагогики и психологии. Научно-практический альманах. Выпуск 7. – М.: ЛОГОМАГ. 2017. – 300с. С.157-159

УДК 159.99

ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Лох Константин Владимирович

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: kvlokh19@gmail.com)*

В статье делается краткий обзор современного состояния проблемы идентичности в психологии, и описывается исследование социальной идентичности студентов-психологов ДонНУ. На основе частотного анализа выявлено содержание представления испытуемых о себе как о студентах и психологах.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, частотный анализ.

STUDY OF THE CONTENT OF SOCIAL IDENTITY OF PSYCHOLOGIST STUDENTS

Lokh Konstantin Vladimirovich

*candidate of Psychological Sciences,
associate Professor of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: kvlokh19@gmail.com)*

The article provides a brief overview of the current state of the problem of identity in psychology, and describes the study of the social identity of students-psychologists of DonNU. On the basis of the frequency analysis, the content of the subjects' perception of themselves as students and psychologists was revealed.

Key words: identity, social identity, frequency analysis.

Понятие идентичности относительно недавно вошло в постоянный обиход отечественной психологии как предмет специального исследования и как рабочее понятие в социальных, прежде всего, социально-политических исследованиях. Понятие идентичности, которое первоначально определим как способ самоопределения личности, даёт возможность предсказывать как поведение отдельного человека, так и больших социальных групп.

Как пишут российские исследователи В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, идентичность – это «... осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием данного понятия является тождественность самому себе». Из этого следует, что идентичность – термин, выражающий систему отношений, обязательно предполагает наличие «другого». Этот термин определяет взаимоотношения двух или нескольких

связанных между собой сущностей так, что провозглашает их тождество или равенство» [7, С. 10].

Таким образом, идентичность – самый постоянный элемент в структуре личности, позволяющий сохранять тождественность (англ. Identity) самому себе при личностных изменениях, например, возрастных. Это достигается путём соотнесения (отождествления) себя с множеством групп, более стабильных, чем индивид – идентификацией. При этом каждый индивид обладает своим уникальным «способом сборки» отдельных идентификаций в идентичность как их систему. Конкретнее, можно указать, что здесь участвуют такие параметры, как место каждой отдельной идентичности в иерархии, ситуации, в которой они актуализируются, степень включённости в группы, поддерживающие определённые идентификации, и т.д.

На этой основе очевидно, что наиболее распространённые способы описания идентичности – через наборы характеристик, или фиксацию только лишь названий идентификаций, как в известном тесте М. Куна и Т. Мак-Партленда «Кто Я?», являются редуцированными. Но, как представляется, редуцированными будут любые попытки формализованного описания идентичности – в силу сложности этого феномена. Примерно то же самое происходит с гораздо более разработанным в психологии понятием личности – даже весьма совершенные личностные тесты дают лишь поверхностное и приблизительное представление о человеке. Поэтому не будем претендовать на полноту, а лишь попробуем обосновать ограниченный предмет исследования – содержательный аспект идентичности, выявляемый как представленный в сознании индивида набор характеристик.

В качестве методологической основы возьмём традиционное в исследованиях идентичности представление о её структуре как сочетания её личностного и социального аспектов.

Личностная идентичность трактуется как набор индивидуальных характеристик, отличающийся определенным постоянством или, по крайней мере, преобладанием во времени и пространстве. Она позволяет дифференцировать данного индивида от других людей. Проще говоря, набор характеристик, который делает человека подобным самому себе и отличным от других [1].

Социальная идентичность трактуется в терминах группового членства, принадлежности к большей или меньшей группе, включенности в какую-либо социальную категорию. В социальной идентичности выделяются как бы два разных аспекта рассмотрения: с точки зрения ингруппового подобия (похожесть на остальных членов своей группы), и с точки зрения аутгрупповой или межкатегориальной дифференциации (отличия от членов «чужой» группы). Эти два аспекта взаимосвязаны: чем сильнее идентификация со своей группой, а значит, и ингрупповое подобие, тем значимее дифференциация этой группы от других, и человек приложит больше усилий, чтобы её поддержать.

В большинстве современных исследований личностная и социальная идентичность противопоставляется. Действительно, трудно представить, как можно в каждый данный момент, одновременно чувствовать себя и подобным членам ингруппы, и отличным от них. Это противоречие породило идею об их несовместимости и, соответственно, о том, что в каждый данный момент времени только одна из них может быть актуализирована [5].

Эта идея получила свое первоначальное оформление в теории социальной идентичности Х. Таджфела, в которой представляется социально-поведенческий континуум, на одном полюсе которого локализованы формы межличностного взаимодействия (личностная), а на другом – формы межгруппового взаимодействия (социальная). Желая достичь позитивной самооценки кратчайшим путём, человек будет вести себя «как все наши», актуализируя социальную идентичность. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды самоутверждаться через группу. Итак, по Таджфелу личностная и социальная идентичность – два способа достижения положительной самооценки, и в конкретной ситуации выбирается более доступный [5].

Дж. Тернер отказался от мотивационной основы и предложил чисто когнитивную теорию самокатегоризации. В ней выделяет три уровня, соответствующих общечеловеческой, социальной и личностной идентичности. Между этими уровнями существует функциональный антагонизм – часто разное поведение обуславливается ими, и приходится выбирать, в соответствии с каким из них вести себя, чтобы получить личную выгоду.

М. Яромовиц предложила несколько необычную трактовку соотношения личностной и социальной идентичности. Личностная идентичность в её понимании – это подсистема знаний о себе, которые формируются из сравнений себя с членами ингруппы и состоят из набора черт, специфичных для Я. Социальная идентичность тоже состоит из набора черт, выявляющихся в ходе сравнения представителей ингруппы и аутгруппы [4]. Она выдвинула гипотезу о том, что низкий уровень отличий Я от Мы соотносится с недостаточно развитой способностью осознавать нужды, состояния и цели других и, наоборот, способность осознавать потребности и цели членов аутгрупп предполагает наличие развитого умения дифференцировать себя от членов собственной ингруппы. Проще выражаясь, чтобы осознать себя как члена группы, необходимо отстраниться от группы и посмотреть на неё из позиции личностной идентичности, или провести границу между Я и Мы.

Для проверки этой гипотезы М. Яромовиц предлагала испытуемым из 70-ти позитивных характеристик выбрать 10 подходящих для описания: собственной группы, другой группы и себя лично. Три набора характеристик из десяти пунктов каждый последовательно сравнивались друг с другом, и отбирались характеристики, которые при сравнении не повторялись. Набор

специфических характеристик, оставшийся после сравнения ингруппы и аутгруппы (свойственные Нам и не свойственные Им) отражает социальную идентичность, а набор специфических характеристик, оставшихся после сравнения себя с членами ингруппы (свойственные Мне и не свойственным Нам) отражает личностную идентичность.

Гипотеза в целом подтвердилась эмпирически, что позволило установить, что дифференциация когнитивной схемы “Я – Мы – Другие” является необходимой предпосылкой осознания разных социальных перспектив и понимания других, а также то, что необходимой предпосылкой сосуществования с членами своей группы является способность отличия «Я» от «Мы». Этот вывод может показаться несколько парадоксальным: чтобы ужиться с другими, я должен как можно лучше понимать наши отличия. То есть, необходимы обе, и оптимально, если они достаточно развиты и осознанны – чтобы можно было выбирать в конкретной ситуации.

Г. Бриквелл полагает, что несмотря на кажущееся несовпадение содержания этих понятий, на самом деле они очень близки. Если некто описывает себя или другого как, например, умного или веселого, то это тем самым означает, что описываемый идентифицирует себя с группой умных или веселых и отчуждает себя от тех групп, у членов которых данные качества отсутствуют. И Г. Бриквелл высказывает интересную гипотезу о том, что личностная и социальная идентичности являются просто двумя полюсами в процессе развития. Личностная идентичность является продуктом социальной идентичности: перцепция социального давления и адаптация к нему – это активный и селективный процесс, а личностная идентичность является его остаточным, резидуальным образованием [по 6].

Описываемое в данной статье небольшое исследование является воспроизведением упомянутого выше эксперимента М. Яромовиц. Испытуемым, пятнадцати студентам-психологам первого курса магистратуры было предложено из списка 456 прилагательных, характеризующих личностные свойства, выбрать по 20 характеристик себя, студентов-психологов (ингруппа) и студентов-медиков (аутгруппа). В отличие от списка М. Яромовиц, в списке были не только позитивные, но и негативные и неопределённые характеристики. Для облегчения идентификации, в списке для выбора собственных характеристик они были представлены в женском роде для девушек (13 из 15), в мужском роде для юношей, и во множественном числе для групп.

Дальнейший анализ основывается на частотах выбора характеристик группой. Вероятность случайного выбора одним испытуемым каждой из них составляет $1/456 \approx 0,0044$, или 0,44%. Соответственно, вероятность случайного выбора одинаковой характеристики двумя испытуемыми составляет $0,0044^2 = 0,00001936$, тремя - 0,00000085184, и т.д.

Чтобы не перегружать текст статьи расчётами, укажем лишь, что для анализа содержания идентичности мы взяли лишь те характеристики, которые выбирались пятью и более испытуемыми из пятнадцати, полагая их

весьма не случайными и отражающими закономерность. Далее мы будем пользоваться понятием «образа» себя, студентов-психологов и студентов-медиков.

В образе «Я» вся группа выбрала 171 характеристику из 456. По 6 раз встретились такие характеристики, как *верная* и *весёлая*, по 5 раз *гордая*, *медлительная*, *воспитанная*, *нерешительная* и *заботливая*. Легко заметить, что эти характеристики важны, скорее, в личных отношениях, чем в отношениях с группой.

В образе студентов-психологов было выбрано 127 характеристик из 456, из них по 10 раз *внимательные* и *наблюдательные*, 9 раз *коммуникабельные*, 8 раз *ответственные*, по 7 раз *воспитанные* и *готовые помочь*, 6 раз *вежливые*, *гибкие*, *находчивые*, *доброжелательные* и *рассудительные*, 5 раз *креативные*, *дипломатичные*, *целеустремлённые*, *понимающие* и *творческие*.

В образе студентов-медиков испытуемые выбрали 134 характеристики, большинство из которых встречается один раз. 9 испытуемых выбрали характеристики *аккуратные* и *внимательные*, 8 – *готовые помочь* и *гуманные*, 7 – *интеллектуальные*, *целеустремлённые* и *ответственные*, 6 – *дисциплинированные* и *рациональные*, и по 5 раз – *дипломатичные*, *коммуникабельные*, *бесстрашные* и *образованные*.

Предложенная испытуемым для оценки аутгруппа студентов-медиков была выбрана для того, чтобы была возможность выделить как характеристики, «свойственные» вообще студентам, так и специфичные для медиков и психологов.

«Общими», то есть, достаточно часто выбираемыми в обоих образах оказались такие характеристики, как *внимательные*, *коммуникабельные*, *ответственные*, *готовые помочь*, *дипломатичные* и *целеустремлённые*. Предположительно, это характеристики, свойственные студентам вообще.

Специфичными для себя как именно студентов-психологов оказались характеристики *воспитанные*, *вежливые*, *гибкие*, *находчивые*, *доброжелательные*, *рассудительные*, *креативные*, *понимающие* и *творческие*. С образом себя совпадает только одна характеристика – *воспитанная*, остальные можно считать относящимися к идентичности именно психологов.

Характеристики студентов-медиков, не совпавшие со «своими»: *аккуратные*, *гуманные*, *интеллектуальные*, *рациональные* и *образованные*, предположительно, фиксируют представление о своей недостаточной организованности.

Как можно заметить, общими как для всех студентов, так и для своей группы оказались только позитивные характеристики. В отличие от образа студентов-медиков, большинство характеристик являются «коммуникативными» и в целом соответствуют аутостереотипу, уточняя его содержание.

Выводы

1. При описании своей личностной идентичности большинство испытуемых, студентов-психологов, выбрали те, которые описывают поведение в личных отношениях, и эти характеристики почти не совпадают со «студенческими».
2. В содержании как аутостереотипа, так и гетеростереотипа встречаются исключительно позитивные характеристики, что подтверждает тенденцию к позитивной социальной саморепрезентации.
3. В аутостереотипе студентов-психологов из 16 наиболее часто встречающихся характеристик три относятся к креативности, а большинство являются коммуникативными, что позволяет утверждать о достаточно сформированной у бакалавров психологии профессиональной идентичности.
4. Применённый в описанном исследовании метод обобщения наиболее часто встречающихся в группе характеристик позволяет уловить лишь некоторые содержательные тенденции, и не даёт никакого представления о структурном аспекте идентичности. Для его изучения следует проводить анализ на индивидуальном уровне – выделять совпадения характеристик у каждого испытуемого отдельно, и лишь затем обобщать сходные тенденции.

Список использованных источников

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология : психологические законы поведения человека в социуме / Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 560 с.
2. Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. – М., 2000. – С. 5-7.
3. Бондарева С. К., Колесов Д. В. Толерантность: Введение в проблему / С.К. Бондарева, Д.В. Колесов. – М., 2003. – 523 с.
4. Ванновская О.В. Психология толерантности материалы к практическому занятию / учебно-метод. пособие. – СПб: СПбИПиА, 2015. – 245 с.
5. Журавлев А. Л. Психологические исследования нравственности / А.Л. Журавлев. – М.: Когито-Центр, 2011. – 416 с.
6. Кривцова, Е. В. Толерантность личности в системе ценностного самоопределения: монография / Е. В. Кривцова. – Кемерово: Издательство КемГУ (Кемеровский государственный университет), 2014. – 140 с.
7. Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас, М.И. Патырбаева; науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.

ОСОБЕННОСТИ ГЛУБИННОЙ ПСИХОКОРРЕКЦИИ ЛИЧНОСТИ С ФИКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Максименко Елена Георгиевна

*канд.психол.наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: e.maksimenko@donnu.ru)*

В статье представлен случай психоаналитической работы по методу Активного социально-психологического познания Т.С.Яценко с личностью, имеющей проблемы фиктивной идентичности. Автор рассматривает фиктивную идентичность как интегративное образование личности, защитный механизм психики, форму самоотношения, имеющей глубинную задачу латентного совладания с переживаниями фрустрации потребностей либидными объектами. Согласно автору, психоаналитический метод терапии с опорой на апперцептирующие техники (рисунки в данном случае) способен эффективно решить проблемы личности с фиктивной идентичностью.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, эго-идентичность, кризис идентичности, развитие идентичности, фрустрация потребностей, агрессия, либидо.

PECULIARITIES OF DEEP PERSONAL PSYCHO CORRECTION WITH FICTITIOUS IDENTITY

Maksimenko Elena Georgievna

*Advanced Doctor in Psychological Sciences, Associate Professor of the
Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: e.maksimenko@donnu.ru)*

The article presents a case of psychoanalytic work using the method of Active socio-psychological cognition of T.S. Yatsenko with a person who has problems of fictitious identity. The author considers fictitious identity as an integrative personality formation, a protective mechanism of the psyche, a form of self-attitude that has a deep task of latent coping with feelings of frustration of needs by libidinal objects. According to the author, the psychoanalytic method of therapy based on apperception techniques (drawings in this case) is able to effectively solve the problems of a person with a fictitious identity.

Key words: identity, identification, ego-identity, identity crisis, identity development, frustration of needs, aggression, libido.

Личностная идентичность во многих научных направлениях психологии, философии и психиатрии рассматривается как одна из главных проблем человекознания (О. Кернберг, Х. Кохут, М. Пайнз, Д. Розен, З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон, И. Ялом, К. Ясперс и др.). Причиной этому служит интерес ученых-

практиков к вопросу формирования и становления личности в нашем обществе, переживающем период трансформации политической, экономической и социальной систем.

Идентичность человека, как известно, формируется благодаря процессу идентификации – механизму, позволяющему перенимать, усваивать характеристики другого человека или группы людей [1]. Идентификация, по З. Фрейду [7], самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом, которое тесно связано с интроекцией, способностью включения внешнего мира человека во внутренний.

В словаре практического психолога [1, с. 186] определение идентичности соответствует подходу Э. Эриксона [8], согласно которому «эго-идентичность – чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям». Одним из главных элементов идентичности Э. Эриксон определил способность осознания непрерывности своего существования во времени и пространстве. Это значит, что прошлое, настоящее и будущее переживаются как единое целое, связанное собственной непрерывностью и признанием этой непрерывности другими людьми. В содержание идентичности Э. Эриксон [8] вводит конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли, объединенные в единую конфигурацию с помощью эго-синтеза и ресинтеза на протяжении всего детства. Чувство идентичности сопровождается умением объективно анализировать жизненные ситуации, адаптивностью, целеполаганием и уверенностью в принятии и одобрении обществом.

Согласно З. Фрейду, период возмужалости всегда берет на себя вину за все инфантильное детство [7]. Родители (или лица, их заменяющие) формируют способ идентификации реальности и окружающих. Именно поэтому реакция взрослого на собственные потребности будет воспроизводить паттерн отклика родителей (прежде всего матери) на его потребности в детстве. Прегенитальные организации, выделенные З. Фрейдом, сохраняют в бессознательном следы вытесненного опыта отношений с первичным либидным объектом: стремление к поглощению объекта на оральной стадии обогащается амбивалентными чувствами с преобладанием садизма или готовностью к мазохизму («роль клоаки» [там же, с. 65]) в стадии анальной организации. Особенности объектных отношений отражаются в выборе объекта, сначала как идеального (в эдипальной стадии), а затем и чувственного (при наступлении половой зрелости). «Результаты инфантильного выбора объекта выражаются в более поздний период жизни» [7, с. 66], например, превращая в противоположное то, что было вытеснено и чему в детстве было оказано предпочтение или же навязчиво стремясь к удовлетворению.

В данной статье мы акцентируем исследовательский интерес на переживаниях личности в подростковом возрасте в контексте опыта развития идентичности, принимая во внимание значимость всего предшествующего опыта, подготовившего определенную базу формирования психики субъекта.

Кризис подросткового возраста обусловлен сочетанным воздействием на подростка целого ряда соматических, психологических и социальных факторов. Развитие по всем параметрам происходит по принципу антагонизма – внешние изменения не соответствуют внутренним: за бурным ростом тела не успевают внутренние органы, обостренное чувство взрослости не соответствует реальным социальным возможностям подростка влиять на собственную жизнь, избыток проснувшихся после латентной фазы влечений и потребностей часто пугает и самого подростка, рефлексивные возможности которого не обеспечивают понимание истинных жизненных целей. З. Фрейд обращал внимание и на проблему «наслаждение – неудовольствие», возникшую из опыта фрустрации желанных потребностей: «Всюду примешивается наслаждение к напряжению» [7, с. 73]. Например, фрустрация потребности в грудном вскармливании детерминирует в подростковом возрасте удовлетворение оральных потребностей, компенсируемых тягой к курению, алкоголю, еде, крайней экстраверсией в характере и т. п.

На фоне переживаемых противоречий подросток входит в ситуацию главных жизненных выборов – интимно-личностного (вторичного объектного) и профессионального, решение которых происходит практически одновременно. На продуктивность выбора влияет предшествующий опыт с сензитивными периодами общения: от рождения до полутора лет (первая встреча с объектом, паттерн отношений в диаде) и с трех до шести лет (общение в триаде), – и сензитивными периодами деятельности: от полутора до трех лет (первичная сепарация и начальная стадия автономии) и с шести до двенадцати лет (чувство уверенности и компетентности, трудолюбие). Соединение в единую систему двух векторов развития, которые до подросткового возраста развивались попеременно, их наложение друг на друга, с небольшим перевесом в сторону интимного общения, часто запутывает «клубок» переживаний подростка до положения тупика в эмоциональной и когнитивной сферах. Опыт вторичной встречи с объектом может быть опасно обесценен внешними факторами (например, родителями), когда приоритетом в развитии подростка провозглашается учеба и профессиональная подготовка, формируется фиктивная личностная идентичность. Могут быть и обратные сценарии с обесцениванием деятельностных качеств подростка (фиктивная профессиональная идентичность). Наиболее неблагоприятным вариантом развития является тот, когда подросток не видит себя ни в сообществе, ни в профессии (фиктивная идентичность в широком смысле) [3].

Подростковый возраст является итоговым для всего детства, в нем проявляются все особенности развития, то есть влияние всех предыдущих стадий представлено в поведении и чувствах субъекта одновременно. Подросток пытается использовать накопленный опыт в более широком социальном контексте. Он ощущает потребность в разрядке импульсов агрессии и получении необходимого количества либидо, но уже не в семье, а в среде сверстников. Ему важно одобрение его внешних данных, физических, интеллектуальных, творческих способностей, которого он может добиваться

зачастую неадекватными способами. Одобрение для подростка, как и для годовалого малыша есть признак принятия, ради которого можно совершить любой, даже абсурдный или асоциальный поступок.

Явление фиктивной идентичности свидетельствует о «ложном существовании» индивида с самим собой и окружающими, представляя собой своеобразный защитный механизм психики ухода от реальности в иллюзии, искажающие представления о собственном Я. Фиктивная идентичность создает значительные препятствия самоактуализации личности [2, 3].

Процесс коррекции фиктивной идентичности рассматривается как последовательная положительная дезинтеграция деструктивных детских идентификаций, образов, переживаний и вторичную интеграцию психических элементов на более высоком уровне развития психики, которые образуют конструктивную основу для зрелого «Эго» [10]. Пошаговая проработка кризисов идентичности, суть которых состоит в конфликте между сложившимся уникальным психическим гештальтом и способами существования и взаимодействия с окружающим миром, позволяет индивиду заменить бессознательное отчаяние сознательным пониманием своего состояния, что открывает перспективы саморазвития и самоактуализации. В результате на жизненном пути человека появляются высшие интересы, стремления более высокого порядка, происходит расширение спектра мотивов и возможностей для выбора, что открывает новые жизненные тенденции.

Для иллюстрации содержательных аспектов фиктивной идентичности рассмотрим особенности психоанализа девушки, проходившей глубинную коррекцию по методу Активного социально-психологического познания Т.С. Яценко [3, 9]. Н. 18 лет, родом из небольшого городка, на момент обращения к психологу училась в университете крупного мегаполиса. Описывая свое состояние, Н. жаловалась на постоянное желание плакать, что она и делала на протяжении последних двух месяцев. Н. страдала от одиночества и нежелания жить.

Пограничная организация личности Н. проявлялась в навязчивых мыслях по поводу непреодолимого и, одновременно, недопустимого желания изменить своему молодому человеку с любым мужчиной, обратившим на нее внимание. Как только она ощущала, что больше не может сдерживать свое желание, она тут же бросала учебу и уезжала домой, к жениху. Себя и свои влечения Н. оценивала негативно и все время чувствовала вину. Эмоциональное истощение привело к нарушению сна, потере интереса к учебе, к себе. Она все более отстранялась от сокурсников, боясь с ними общаться («Как бы чего не вышло») и все время плакала от беспомощности.

Н. демонстрировала крайнее сопротивление воспоминаниям, к рисованию отнеслась формально. В карту семьи Н. включила своего молодого человека и подругу. На вопрос о родителях Н. ответила, что не хочет их здесь видеть. Ей тяжело жить с ними и поэтому они даже не всегда знают о ее приездах в родной город.

Описывая героя рисунка «Человек под дождем», Н. отметила, что он чувствует одиночество и грусть. Психолог: «Он кого-то потерял?». Н.: «Нет». Психолог: «Что означает надгробный камень, изображенный на рисунке?». Н.: «Конкретно ничего». П.: «Можно предположить, что конкретного повода для грусти у этого человека нет?». Н.: «Да, совершенно верно, этот памятник лишь напоминает о том, что все не вечно и от этого может быть грустно».

На рис. «Мужчина, женщина и Я» Н. описала себя как лицо человека, одна часть которого представлена мужчиной, а другая – женщиной. «Лицо» не хочет видеть и слышать того, что происходит вокруг. Ассоциативно Н. вспомнила, что в детстве ей ужасно не хотелось видеть и слышать, как ругаются родители, все ее детство прошло под страхом их развода. Н. переживала настоящий ужас и старалась убежать к бабушке, когда становилось больше невозможно терпеть. Паттерн поведенческой реакции на стресс, вызванный конфликтом либидных фигур, сохранился и продолжает использоваться Н. во взрослом возрасте. В панике убегая к жениху (рис. «Человек, которого я люблю», Н. как бы создает для себя безопасное место, удивляясь, почему ее друг не одобряет пропуск занятий. Бабушка Н. умерла, когда Н. было 12 лет, переживание ее утраты отражены в рисунке «Восприятие прошлого, которое нельзя исправить». Н. отметила, что тогда она впервые ощутила боль от одиночества и страх, что защитить ее больше некому.

Н. изобразила родителей стоящими вместе лишь на рис. «Восприятие близкими моего несуществования»: «Они вместе, только когда что-то случается, если бы меня не стало, они бы горевали вместе». Психолог: «Значит они готовы поддерживать друг друга?». Н.: «Наверное, да. Может, они все-таки любят друг друга?». Перспективы совместной жизни родителей всегда беспокоили Н., особенно в подростковом возрасте, когда Н. узнала, что мать изменила отцу.

Н. переживает амбивалентные чувства к родителям, она иногда оправдывает их поведение, а иногда агрессивно критикует. Наиболее характерные высказывания Н.: «Я думаю, что мать хотела отомстить отцу за тяжелую жизнь, за то, что ей приходится тянуть всю семью. Но мне также жаль и отца, он мог себя лучше проявить, у него золотые руки, однако мать всегда лишь ругала его, и ему ничего не хотелось». «Я боялась отца, он мог и ударить», «Мать всегда была не довольна мной, я все делала неправильно. Мне кажется, именно поэтому я перестала помогать матери по хозяйству», «Мать – человек, которого я уважаю», «Я в детстве все время плакала». Семья «подарила» Н. опыт вытеснения неприемлемых представлений, связанных с разочарованием в семье и одновременно, страхом ожидания распада семьи.

Эмоциональные переживания, связанные с конфликтами родителей и изменой матери, были первичными факторами развития фиктивной идентичности, к которым добавились чувства неполноценности по поводу своих способностей и внешности. Н. быстро росла и в подростковом возрасте была самой высокой девочкой в классе и, как считала Н., самой некрасивой. На рис. «Как меня видят (видели в прошлом) родители и я сама» Н. изобразила себя бамбуком среди других таких же бамбуков: «Это наша семья. Мы твердые

и выносливые». На этом рисунке появился 13-летний брат Н., о котором ранее Н. не упоминала. Образ бамбука, по ее словам, свидетельствует о жизни в определенной психологической изоляции, без эмоциональной поддержки. Мягкость, гибкость, деликатность, чувственность не были приняты в семье родителей. Н. вошла в подростковый возраст с ощущением себя «гадким утенком», которого все рассматривают и обязательно негативно оценивают. Более всего Н. боялась критики со стороны сверстников-мальчишек (рис. «Человек, которого я боюсь»), ей очень хотелось внимания, но комплекс «самой высокой в классе» мешал общению. С подросткового возраста Н. не любит свою внешность, свой характер, что отразилось в рис. «Человек, которого я не люблю», Н.: «Меня не за что любить, я странная».

Работа с рис. «Мое прошлое, настоящее и будущее» (см. рис.1) и рис. «Дорога моей жизни» позволила Н. осознать свою зависимость от детских переживаний и увидеть перспективы.

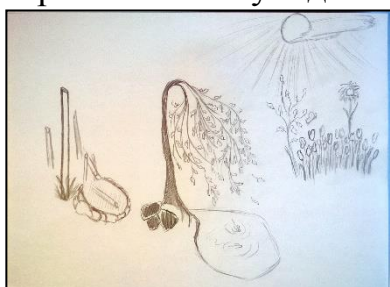

Рис. 1. Н. «Мое прошлое, настоящее и будущее»

«Бамбук» прошлого, который привык к критической оценке со стороны матери (озеро), продолжает «оценивать» себя сам, став уже «деревом-Ивушкой». Ему трудно расти вверх, оно клонит свои ветви к озеру, с одной стороны опасаясь внимания (критической оценки), а с другой – надеясь на

поддержку, которая не наступает. Детские ожидания поддержки и одобрения от родителей в полной мере легли на плечи жениха Н., с которым начались конфликты.

Рис. «Дорога моей жизни» подтверждает гипотезу актуализации детских травм. Н. изобразила себя в виде девочки-подростка, сидящей под бамбуком на развилке двух дорог: «Я знаю, что есть дорога, которая приведет меня в цветущее место, но очень боюсь, что другая дорога затянет в тупик». Психолог: «Что влияет на выбор девочки?». Н.: «Бамбук».

Импровизированный диалог девочки с бамбуком, предложенный психологом (техника психодрамы), позволил разрешить внутреннее противоречие, связанное с детской потребностью быть ближе к родителям. «Бамбук» – идеальный образ, который был создан в результате идентификации и который в настоящее время создает напряжение в либидных отношениях. В отношениях с женихом Н. почувствовала себя другой (красивой, чувственной, желанной) и испугалась. В результате появились навязчивые мысли о прекращении отношений, конец которым мог бы наступить после измены (вынужденное повторение поступка матери). Кроме того, неудовлетворенные подростковые потребности во внимании сверстников снова вышли на авансцену, актуализированные открытыми в себе возможностями оказывать впечатление на противоположный пол. Желание нравиться блокировалось внутренним моральным запретом, в результате чего Н. закрывалась от социального окружения, что отразилось в рисунке «Мое обычное эмоциональное состояние» посредством привычного избегания и ухода, Н.:

«Когда я иду по улице, я стараюсь опустить глаза и никого не видеть, при этом всегда слушаю музыку через наушники».

Н. отметила, что одновременно хочет создать семью (образ цветника на рисунках «Моя мечта», «Мои желания») и боится, что в семье ей будет так же плохо, как в семье родителей. Осознание своих желаний, связанных с пережитым ранее опытом, позволило Н. освободить чувственную сферу от травмирующих психику представлений. Заключительный этап глубинной психокоррекции и рисунки на тему «Картина мира», «Карта моей психики» демонстрируют готовность Н. к диалогу с самой собой, признание важности детских переживаний, участником которых была не только Н., но и ее брат.

Резюмируя представленный пример, отметим особенности чувственной сферы субъектов с фиктивной идентичностью, которая складывалась под влиянием не одного травматического события, повышающего уязвимость индивида, а целого ряда событий, в списке которых отсутствие постоянного внутреннего либидного объекта (в связи с отрицанием родительской, особенно материнской фигуры); продолжительное разочарование, приводящее к самоотчуждению и дестабилизации самости; искаженное восприятие картины мира (отношений «Я – общество»), приводящее к потере ориентации во времени и пространстве (нарушение восприятия «здесь-и-теперь»). Многократное наслоение фрустраций детерминирует спутанность и рассеянность психики индивида, который не может избавиться от навязчивых и пугающих мыслей, активирующих тревожность, приводящую к эмоциональным и когнитивным изменениям, что проявляется в невозможности принять конструктивное решение, адекватно отреагировать на ситуацию. Метафорически данное состояние анализанты описывают как погружение в водоворот, падение в пропасть, запутанный лабиринт, ощущение в себе многих личностей и т. п. Именно поэтому в процессе психологической коррекции важно выстроить логическую цепочку тех событий, которые лежали в основе всех кризисов идентичности, то есть «разобрать» состояние на элементы (положительная дезинтеграция), что можно осуществить, опираясь на ассоциации анализанта, автора рисунков.

На следующем этапе происходит обучение субъекта пониманию своих чувств и желаний, соотнесению их с реальностью и рефлексии тех, которые лишь опосредованно связаны с ситуацией «здесь-и-теперь» (вторичная интеграция). Рисунок сам по себе выполняет интегрирующую функцию – субъект создает некий образ, потенциально способный информировать автора рисунка об истинном содержании его переживаний, «прочитать» которые индивид сможет, лишь при помощи психолога в диалогическом взаимодействии, нацеленном на декодирование смысла рисунка, в следствие чего анализант перестанет бояться и контролировать свои желания как недопустимые, вытесняя их прежде, чем они становятся доступными сознанию, способствуя восстановлению ресурса субъектности.

Взрослые пациенты с фиктивной идентичностью, сформированной в процессе затяжного кризиса идентичности, затронувшего различные

жизненные сферы, демонстрируют, прежде всего, отсутствие ориентира на жизненном пути. Субъективно индивид осознает свои способности, признает достигнутые результаты, однако не видит смысла в деятельности, которой занимается. Интимно-личностные отношения расцениваются как тягостные и не удовлетворяющие потребности в общении, сексе, любви.

Исследование внутриспсихических феноменов посредством апперцепции позволяет реконструировать ассоциативный путь вытесненного содержания. Анализ эмпирического материала показывает, что фиктивная идентичность ассоциативно в рисунках анализантов проявляется в символах, связанных с ощущением внутренней разбалансированности, в которой чувства неуверенности, неполноценности (тенденция «к слабости») могут существовать одновременно с переживанием стремления к превосходству (тенденция «к силе»), значимости неких амбициозных и часто сложно реализуемых планов. Переживая подобные чувства, человек демонстрирует отказ от собственных желаний, потребностей, жизненных удовольствий и радостей, что есть характерным признаком психологической импотенции.

Кризис идентичности, в процессе которого происходит структурирование детских идентификаций в новую конфигурацию посредством отказа от некоторых из них и принятия новых, способствует развитию идентичности [2]. Благодаря механизмам интеграции и дифференциации элементы идентификаций образуют неповторимый образ индивидуальности человека. Выход из кризиса требует от индивида определенных внутренних усилий, связанных с выбором ценностей, жизненных смыслов, ориентиров и готовностью принять новые задачи развития, с соответствующими способами адаптации к внешнему миру. Квалифицированная помощь психолога на этапе становления идентичности имеет большое значение для будущего развития личности.

Список использованных источников

1. Головин С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск : Харвест, 1997. – 800 с.
2. Максименко Е. Г. Проблема становления идентичности личности в аспекте механизма самодепривации психики / Е. Г. Максименко // Black sea print scientific journal of academic research. Part b: Community of Azerbaijanis living in Georgia. Gulustan-bssjar, 2013. – P. 20–28.
3. Максименко Е.Г. Глубинная психокоррекция самодепривации личности / Е. Г. Максименко : монография. – Слов'янськ : Вид-во Б. Маторіна, 2016. – 350 с.
4. Менегетти А. Психосоматика / А. Менегетти ; пер. с итал. ННБФ «Онтопсихология». – М. : БФ «Онтопсихология», 2007. – 360 с.
5. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт ; пер. с англ. – СПб. : Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 1995. – 250 с.
6. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд ; пер. с нем. – Минск: Попурри, 1997. – 576 с.
7. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд // Очерки по психологии сексуальности ; пер. с нем. – Минск : Попурри, 1999. – С. 105–139.

8. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон ; пер. с англ. – СПб. : Речь, 2000. – 328 с.
9. Яценко Т. С. Активное социально-психологическое обучение: теория, процесс, практика: учеб. пособие / Т. С. Яценко, Я. М. Кмит, Б. Н. Алексеенко. – Хмельницкий : НАПВУ; М. : СИП РИА, 2002. – 792 с.
10. Яценко Т. С. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков: глубинный аспект / Т. С. Яценко, Я. М. Кмит, Л. В. Мошенская. – М. : СИП РИА, 2000. – 192 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В КРИЗИСЕ. ПАНДЕМИЯ COVID-19

Матвеева Ирина Александровна

*старший преподаватель кафедры психиатрии, наркологии,
психотерапии и клинической психологии*

*Новосибирский государственный медицинский университет
(Россия, г. Новосибирск)*

(e-mail: irina_kurus@rambler.ru)

Солдатова Елена Леонидовна

*д-р психол. наук, профессор, профессор
факультета психологии СПбГУ*

(Россия, г. Санкт-Петербург)

(e-mail: elena.l.soldatova@gmail.com)

В исследовании проверялась гипотеза о ресурсности автономной идентичности по сравнению с диффузной. Проведено сравнение показателей субъективного благополучия (Wb) в разных сферах (психологическое, материальное, физическое, духовное, социальное) у респондентов до кризиса и в период локдауна. Показано значение автономной идентичности как фактора обеспечивающего психологические ресурсы для преодоления последствий кризиса, связанного с пандемией COVID-19.

Ключевые слова: COVID-19, кризис, локдаун, психологические ресурсы, субъективное благополучие, эго-идентичность, кризисные переживания

PSYCHOLOGICAL RESOURCES IN THE CRISIS. PANDEMIC COVID-19

Matveeva Irina Aleksandrovna

*senior teacher of department «psychiatry, narcology, psychotherapy and clinical
psychology»*

Novosibirsk State Medical University (Russia, Novosibirsk)

(e-mail: irina_kurus@rambler.ru)

Soldatova Elena Leonidovna

*Doctor of Psychol Sciences, Professor,
Professor Faculty of Psychology,*

St. Petersburg State University (Russia, Sankt-Petersburg)

The study tested the hypothesis about the resourcefulness of autonomous identity in comparison with diffuse one. The comparison of indicators of subjective well-being (Wb) in different spheres (psychological, material, physical, spiritual, social) among respondents before the crisis and during the lockdown was carried out. The importance of autonomous identity as a factor providing psychological resources for overcoming the consequences of the crisis associated with the COVID-19 pandemic is shown.

Key words: COVID-19, crisis, lockdown, psychological resources, subjective well-being, ego identity, crisis experiences

Пандемия COVID-19 способствовала усилению внимания специалистов к кризисным переживаниям и психологическим особенностям лиц находящихся в ситуации ненормативного кризиса. Внимание психологов во всем мире в ситуации пандемии направлено на изучение психологических последствий кризиса в контексте изоляции как угрозы здоровью, социально-экономических рисков, влияния транзитивных технологий, с целью оказания адресной помощи населению.

Психологическое благополучие выступает в качестве маркера переживания кризиса. В исследованиях проведенных ранее показано, что когнитивный компонент и негативные эмоции, связанные с ощущением благополучия значимо не изменяются в условиях пандемии [1].

Особое внимание уделено психологическим ресурсам, способным предотвратить пагубные последствия длительного локдауна. Исследования благополучия позволяют судить о качествах, которые непосредственно или опосредованно влияют на угрозы здоровью, социальные и экономические риски. Среди публикаций прошедшего года в качестве психологических ресурсов исследовались: самоэффективность, оптимизм, надежда, мудрость, самотрансценденция и другие экзистенциальные ресурсы [2]. Авторам не удалось доказать ресурсность мудрости.

Мы полагаем, что мудрость «складывается» из личностной зрелости, характеризующей определённый возрастной этап. Зрелость выражается в обретении автономной идентичности. Человек, последовательно проживающий фазы нормативного кризиса, проходит через мораторий, предпрешенную, диффузную (в апогее кризиса), обретает автономную идентичность [3].

В нашем исследовании проверялась гипотеза о ресурсности автономной идентичности по сравнению с диффузной. Проведено сравнение показателей субъективного благополучия в разных сферах (психологическое, материальное, физическое, духовное, социальное) у респондентов до кризиса и в период локдауна. В работе были исследованы группы студентов со статусом автономной и диффузной идентичности (статус, связанный с проживанием апогея нормативного кризиса).

Материал и методы исследования:

В исследовании (март 2021г) приняли участие студенты-психологи г. Новосибирска. Сравнительный анализ показателей субъективного благополучия у респондентов с диффузной и автономной идентичностью до и во время локдауна проводился методом попарных сравнений с помощью критерия Манна-Уитни.

Методики исследования:

1. интервью;
2. экспресс-методика диагностики структуры субъективного благополучия (Е.В. Бенко) [4];
3. СЭИ-тест Е.Л. Солдатовой.

Результаты исследования:

Показатели субъективного благополучия во всех сферах значительно различались у респондентов с автономной и диффузной идентичностью до локдауна. Низкие показатели субъективного благополучия являются характерными для проживающих психологический кризис (диффузная идентичность).

Респонденты с автономной идентичностью оценили субъективное благополучия значимо выше, чем респонденты с диффузной как до пандемии, так и в ситуации локдауна в сферах: взаимоотношения с окружающими ($p \leq 0,01$), реализация жизненных планов ($p \leq 0,01$), самооценка ($p \leq 0,05$), личностный рост ($p \leq 0,01$), уверенность в себе ($p \leq 0,01$), удовлетворенность питанием, отдыхом/досугом ($p \leq 0,05$), внешний вид ($p \leq 0,05$), физическая форма ($p \leq 0,05$), самочувствие ($p \leq 0,05$), творчество/самовыражение ($p \leq 0,05$), традиции/причастность к духовной культуре ($p \leq 0,05$). В целом данные результаты отражают психологические особенности лиц с автономной эго-идентичностью. И до пандемии и во время пандемии отмечаются высокие показатели субъективного благополучия практически во всех значимых сферах: удовлетворенность своим физическим состоянием и уровнем общения, уверенность в себе, ощущение реализации жизненных планов и ощущение личностного роста. В то время как у лиц с диффузной эго-идентичностью отмечаются низкие показатели благополучия. В апогее кризиса значимо снижается ощущение благополучия в таких жизненно важных сферах как область взаимоотношений. Сфера коммуникации является одной из значимых и подвергается значительному изменению. Значимо снижается самооценка, уверенность в себе, нарастают трудности в реализации жизненных планов, ощущение ценности, возможностей личностного роста и творчества. Происходит переоценка собственной внешности, в т.ч. и физической формы. В апогее кризиса проявляется и на уровне соматического реагирования: изменяется питание, нарастает ощущение усталости (ниже удовлетворенность сферой отдыха), ниже самочувствие.

Неожиданные результаты мы получили относительно субъективного благополучия в социальном статусе (оценка своего положения в обществе) – в ситуации локдауна разницы между респондентами с диффузной идентичностью

и лицами с автономным статусом – не выявлено. До начала пандемии такая оценка была выше у лиц с автономной идентичностью по сравнению с лицами с диффузной идентичностью ($p \leq 0,05$). Вероятно, что ограничения, связанные с необходимостью реализации мероприятий по предупреждению распространения инфекции (вынужденная социальная изоляция, одинаковые ограничения), способствовали нивелированию отличий между разными респондентами. Также в период пандемии данное различие сглаживается, поскольку социальное положение менее волнует респондентов и на первый план выходят другие задачи: поддержание и обеспечение здоровья, страх перед неопределенностью.

Кроме того, у респондентов с автономной идентичностью в ситуации локдауна, напротив, значительно повысились ($p \leq 0,01$) показатели субъективного благополучия в физической и духовной сфере. Аналогичные результаты наблюдали в первой половине локдауна французские исследователи [2]. На первый план в период пандемии выступают различия в области физического и духовного благополучия, а именно по возможностям поддерживать здоровье и приверженности к своей вере/ религии. Можно предположить, что обращение к религии/вере может выступать в качестве защитного механизма для респондентов, проживающих кризис. Так, испытывая дефицит собственных возможностей для преодоления жизненных трудностей, субъекты зачастую обращаются к внешней помощи и прибегают к экстернальному локус-контролю. Повышение благополучия в физической сфере у лиц с автономной идентичностью может быть связано с увеличением количества свободного времени и расширением возможностей онлайн-занятий, в связи с чем респонденты смогли позволить себе активно заниматься.

Вывод: в ситуации локдауна автономная идентичность как показатель личностной зрелости обеспечивает психологические ресурсы для преодоления последствий длительной изоляции

Список использованных источников

1. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2 (108). С. 90-108.
2. Pellerin N., Raufaste E. Psychological Resources Protect Well-Being During the COVID-19 Pandemic: A Longitudinal Study During the French Lockdown // Frontiers in Psychologie. 2020. V.11. pp. 1-20. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.590276>
3. Soldatova E.L., Shlyapnikova I.A. 2. Ego-identity in the structure of the personality maturity // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2013. Т. 86. pp. 283-288.
4. Бенко Е.В. Психодиагностика структуры субъективного благополучия // Интернет-журнал «Мир науки» 2016. Т.4. номер 4 <http://mir-nauki.com/PDF/03PSMN416.pdf>

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Набатова Софья Вадимовна

ассистент кафедры психологии

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: sofya.nabatova@yandex.ru)

В статье рассмотрены некоторые аспекты формирования картины мира личности в подростковом возрасте, а также сделана попытка проанализировать современное состояние проблемы гендерных стереотипов. Экспериментальным путём были получены данные о гендерной идентичности современной молодёжи.

Ключевые слова: картина мира, подростковый возраст, идентичность личности, гендерный стереотип.

GENDER FEATURES OF THE PERSONALITY IN MODERN TEENAGERS' PICTURES OF THE WORLD

Nabatova Sofya Vadimovna

Assistant of the Department of Psychology

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: sofya.nabatova@yandex.ru)

The article examines some aspects of the formation of a personality's worldview in adolescence, and also makes an attempt to analyze the current state of the problem of gender stereotypes. Experimentally, data were obtained on the gender identity of modern youth.

Key words: world image, adolescence, personality identity, gender stereotype.

Категория «гендерная идентичность» включает в себя базовую структуру социальной идентичности, которая характеризует человека через его принадлежность к женской или мужской группе, учитывая и то, как сам человек себя определяет. Т.е. гендерная идентичность – это, в первую очередь, осознание человеком себя с помощью культурных критериев мужественности и женственности. Данная структура формируется в результате взаимодействия «Я – другие» и проявляется в форме субъективного опыта интериоризации мужских и женских черт. В результате взаимодействия человека с окружающим миром также формирует такая структура, как картина мира. Т.е. в процессе восприятия мира каждый человек создаёт субъективную картину мира, которая в разной степени может быть адекватна миру объективному.

В психологической науке различные направления, школы использовали разные термины для обозначения совокупности представлений человека о себе, о других людях и взаимодействии с ними, об окружающем мире и своём месте в

нём. Среди таких терминов можно назвать «картину сознания» (Ж. Пиаже), «модель мира» (Дж. Брунер), «семантическое пространство» (Ч. Осгуд), «систему личностных конструкторов» (Дж. Келли), «образ мира» (А. Н. Леонтьев), «внутренний мир человека» (Б. Г. Ананьев), «структура субъективного опыта» (Е. Ю. Артемьева) [2].

Феномен картины мира субъекта достаточно разносторонне и подробно начали изучать В. И. Вернадский, Л. Ф. Кузнецова, И. Лакатос, В. А. Лекторский, Т. Г. Лешкевич. Исследовали эту проблему Л. А. Микешина, Т. Нагель, М. Планк, К. Поппер, В. С. Степина и др. В качестве одного из положений ими выдвигался тезис о том, что целостный образ мира формируется на базе всех типов картины мира.

Таким образом, картина мира – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой» [1].

Научный интерес представляет проблема формирования картины мира у подростков. Подростковый возраст (11-17 лет) является сложным, противоречивым и одним из наиболее конфликтных. В течение этого периода ломаются и перестраиваются все прежние отношения ребёнка с миром и с самим собой (первая фаза подросткового возраста – 12-15 лет), а также развиваются процессы самосознания и самоопределения, приводящие, в конечном счёте, к той жизненной позиции, с которой молодой человек начинает свою самостоятельную жизнь (вторая фаза подросткового возраста – 15-17 лет). В юношеском возрастном периоде (16-23 года) продолжается процесс самоопределения человека, а социальную ситуацию развития можно охарактеризовать как «порог самостоятельной жизни» [3; 5].

Личностное формирование подростков и юношей Донбасса происходит в экстремальных и экономически нестабильных условиях. Это оказывает сильное влияние на их представления об окружающем мире. Данные представления, в свою очередь, влияют на адаптацию подростков в обществе, на характер их взаимодействия с окружающей действительностью. К таким представлениям могут быть отнесены гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы являются наиболее ярким и эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей, а подростковый возраст, в свою очередь, является одним из важнейших периодов для становления зрелой личности. В подростковый период формируется не просто чувство взрослости, а достаточно дифференцированная взрослость определённого пола, «внутренняя позиция мужчины» или «внутренняя позиция женщины». Это такое новообразование сознания, через которое подросток сравнивает и отождествляет себя с другими (взрослыми мужчинами или женщинами, или сверстниками), находит образцы для усвоения, строит свои отношения с другими людьми, перестраивает свою деятельность [4].

Таким образом, целью данного исследования является получение данных о становлении картины мира и гендерной идентичности современной молодёжи путём более подробного рассмотрения проблемы гендерных стереотипов.

Данное исследование построено следующим образом:

- 1) 113 человек старшего подросткового (9 класс), раннего юношеского (11 класс) и юношеского (1-2 курс университета) возраста, проживающие в Донецкой народной республике (г. Горловка, г. Донецк) выполнили рисунки на тему «Картина мира» (методика Е. С. Романовой).
- 2) В результате были выбраны 18 рисунков (9 женских и 9 мужских), включающие наиболее часто встречающиеся содержательные элементы.
- 3) 50 юношей и девушек (не участвовавших в исследовании ранее) при предъявлении стимульных рисунков определяли, кто является автором того или иного изображения: парень или девушка, после чего обосновывали свой выбор.

На первом этапе с помощью методики «Картина мира» (Е.С. Романова) были получены данные о знаниях, отношении и представлении испытуемых об окружающем мире, что, в свою очередь, является элементом картины мира личности в целом. Так, исходя из классификации Е.С. Романовой, рисунки большинства респондентов относятся к «пейзажному» (34%) и «метафорическому» (28%) видам. Это свидетельствует о том, что подростки, юноши и девушки склонны представлять мир либо через желаемые образы окружающей действительности (городские и сельские пейзажи, содержащие изображения людей, животных, растений и т.д.), либо посредством сложных образов, несущих особенную смысловую нагрузку. К «схематическому» виду относится 21% рисунков испытуемых, к виду «непосредственное окружение» – 10%, к «планетарному» – 7%.

С целью дополнения и детализации интерпретации проективной методики «Картина мира» был проведён контент-анализ рисунков испытуемых. Так, было выделено 13 основных тематических категорий рисунков (представлены на рисунке 1).

Рис. 1. Процентное соотношение категорий тем рисунков испытуемых, выделенных с помощью контент-анализа

На втором этапе были выделены рисунки следующего содержания: «планета» (3 рисунка с изображением Земли и её обитателей), «двойственность мира» (5 рисунков с метафорическим изображением различных сторон жизни), «путь» (2 рисунка с изображением дороги, проблемы выбора), «война» (2 рисунка с изображением оружия, разрушения и т.д.), «гаджеты» (2 рисунка с изображением цифровых устройств с различным программным обеспечением), «схема» (2 рисунка с схематичным изображением различных сфер жизни), «пейзаж» (2 рисунка с изображением природы, городских пейзажей).

После того, как на третьем этапе респонденты разделили предложенный материал на рисунки девушек и рисунки парней, были получены следующие результаты:

1) Респонденты в большей степени правильно распределили рисунки по половому признаку автора (рис. 2), что может свидетельствовать о некоторой степени эффективности выделенных ими критериев, которые, в свою очередь, являются проявлением определённых гендерных стереотипов.

Рис. 2. Процентное соотношение правильных и неправильных ответов респондентов

2) Среди респондентов девушки и парни отвечали схожим образом, количество правильных и ошибочных ответов приблизительно равное (140 ошибок у парней и 150 – у девушек).

3) Для выявления критериев разделения рисунков на «мужские» и «женские» респондентам было предложено ответить на вопрос: «На что Вы обращали внимание при выборе в пользу мужского или женского пола автора рисунка? Напишите, пожалуйста, какие элементы рисунка Вы определяли как «женские», а какие – как «мужские»?». Так, были выделены основные критерии, которыми пользуются современные юноши и девушки:

- почерк (более аккуратный – у девушек);
- грамотность (выше – у девушек);
- проработанность рисунка, детализированность (выше – у девушек);
- законченность рисунка, как с содержательной, так и с технической стороны (чаще – у девушек);
- использование цвета (чаще – девушками);
- форма элементов рисунка, контуры (угловатые и резкие – у парней, округлые – у девушек);
- художественные способности (более развитые – у девушек);
- сюжет (напряжённый с логическими причинно-следственными связями – у парней, спокойный и способствующий рефлексии – у девушек);
- тематические элементы (семья, взаимоотношения, женские силуэты, цветы, салоны красоты и т.д. – у девушек, здания, машины, танки, техника, символы – у парней);
- идентификация с собой.

Таким образом, цели данного исследования были достигнуты, данные об особенностях представлений и отношения к окружающей действительности подростков, а также о некоторых особенностях гендерной идентичности были получены. Так, с помощью проективной методики «Картина мира» удалось выяснить, что подростки склонны отмечать в собственной картине мира военную тематику, проблемы общества, пути человека и полярные стороны жизни, неоднозначность окружающей реальности. Некоторые испытуемые раннего юношеского возраста выражают окружающий их мир через фантастические образы и графическое изображение эмоций и чувств (смайлы). Представители собственно юношеского возраста среди представлений и образов окружающей действительности выделяют образы семьи и друзей, представления об активном и пассивном отдыхе, на данном возрастном этапе юноши и девушки часто отмечают своё место в мире.

Также в процессе исследования удалось выявить некоторые гендерные стереотипы современных подростков, юношей и девушек. Так, в качестве «типично женских» черт, проявляющихся в графических изображениях, можно выделить аккуратность, эмоциональность и в то же время спокойствие, внимание к деталям, гармоничность, а в качестве «типично мужских» – логичность, резкость, лаконичность, спонтанность, пренебрежение правилами. По мнению респондентов, «типично женскими» внешними атрибутами являются цветы, романтические изображения и всё, что относится к индустрии красоты, а к «типично мужским» – всё, что имеет отношение к технике. При этом многие респонденты делали акцент на том, что данными характеристиками могут обладать и представители противоположного пола. А процент ошибки в определении половой принадлежности автора рисунка (более 30%) подтверждает данные сомнения в соответствии стереотипов реальности. Можно сделать вывод, что взгляды современных юношей и девушек на образ мужчины и женщины в основном стереотипны, традиционны,

однако наблюдается некоторая тенденция к условному «стиранию границ» между полами.

Список использованных источников

1. Леонтьев А. Н. Образ мира: в 2 т. // Избранные психологические произведения. М.: Изд-во «Педагогика», 1983. – С. 251-261.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2008. – 488 с.
3. Обухова Л. Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. – 460 с.
4. Олейникова Е. Ю. К проблеме исследования гендерной идентичности // Вопросы науки и образования. М.: Научные публикации, 2018. №8 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-issledovaniya-gendernoy-identichnosti> (дата обращения: 07.10.2021).
5. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002. – 352 с.

УДК 159.9.072.43

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ ПОДРОСТКОВ

Некрасова Илона Николаевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: inn1769@mail.ru)*

В статье рассматриваются методологические аспекты и результаты диагностики социальной перцепции подростков с различными музыкальными предпочтениями. Изучено влияние предпочитаемого музыкального контента на особенности социальной перцепции подростков через исследование ее основных компонентов: эмпатии, социальной рефлексии и каузальной атрибуции. Представлены некоторые рекомендации по использованию музыки как психокоррекционного инструмента в работе с подростками.

Ключевые слова: музыкальные предпочтения, рефлексия, социальная перцепция, тип каузального атрибутирования, эмпатия.

INFLUENCE OF MUSICAL PREFERENCES ON FEATURES SOCIAL PERCEPTION IN ADOLESCENCE

Nekrasova Ilona Nikolaevna

*Associate Professor of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)*

The article discusses some methodological aspects and the results of diagnostics of the specifics of social perception of adolescents with different musical preferences. The influence of preferred music content on the peculiarities of adolescents' social

perception is studied through the study of its main components: empathy, social reflection and causal attribution. A system of brief recommendations on the use of music as a psychocorrective tool in working with adolescents is presented.

Key words: musical preferences, reflection, social perception, type of causal attribution, empathy.

ни. **Актуальность исследования.** Музыка является неотъемлемой частью человеческой жизни и опосредует участие человека в самых разных видах его активности. Обладая огромной силой воздействия на внутренний мир человека, музыка помогает забыть о плохом настроении, улучшает когнитивные функции и эмоционально-волевую саморегуляцию. Воздействуя на эмоциональный настрой личности, музыке подвластен самый короткий путь к человеческим переживаниям и чувствам, так как, пробуждая настроения, музыка формирует новый тип отношений личности с окружающим миром. Учитывая колоссальный образовательный и интеллектуально-развивающий потенциал воздействия музыки на психику (Т.В. Адорно, Б.Г. Ананьев) [1;2], использование средств музыки для формирования социальной перцепции может рассматриваться как мощный педагогический фактор успешного развития личности в подростковом возрасте.

Психологическое воздействие музыки на личность основано на взаимном соответствии музыки и внутреннего мира человека. Особенно велико значение психоэмоциональной индукции музыки и ее возможностей по актуализации продуктивного смыслообразования в подростковом возрасте, когда человек формирует психологическую основу для перехода в период юности (Т.В. Адорно, Б.Г. Ананьев, О.А. Блинова, Л. С. Выготский, Г.В. Воронин и др.) [1;2;7;8;]. Особенность индуцируемых музыкой эмоций состоит в том, что они отражают отношения между мотивами поведения подростка, самим его поведением, как выбором нравственной альтернативы, а также между внутренней ценностью как интегральным регулятором поведения как такового (Л.С. Выготский, Г.В. Воронин) [7;8]. В контексте сказанного *актуальность* исследования обусловлена важностью музыки как инструмента психолого-педагогического воздействия на личность в подростковом возрасте, а также возможностями музыки как психокоррекционного средства для модификации социально-перцептивного механизма и социально-коммуникативной компетентности личности подростка.

Практическая значимость исследования определяется коррекционно-развивающими возможностями музыки как средства педагогического воздействия на личность и состоит в том, что понимание взаимосвязи музыкальных предпочтений и социально-перцептивных процессов личности позволит не только контролировать социальное развитие подростка, но упреждать возможные трудности социализации, порождаемые искажением социальной-перцептивного механизма (установки агрессии и социальной враждебности, нонтолерантность, низкая эмпатийность и рефлексивность, ориентации на пользовательское отношение «к другому» и .п.).

Постановка проблемы и описание модели исследования. Отметим, что многие педагоги и психологи указывают на огромный развивающий и

коррекционный потенциал музыки, на ее способность влиять на организацию человеческого общения и его продуктивность. При этом, познание и понимание одним человеком другого выступает как обязательная составная часть качественного общения, для определения качества которого в психологии познания используется термин «социальная перцепция» (Дж. Брунер) [6]. Восприятие социальных объектов (себя, других людей, социальных феноменов) рассматривается как важная составляющая часть общей культуры личности, ее социально-перцептивной компетентности, что особенно важно как цель психолого-педагогического развития личности в подростковом возрасте.

Именно поэтому в качестве *цели* исследования мы определили необходимость изучить влияние предпочитаемого музыкального контента на особенности социальной перцепции подростков через исследование ее основных структурных компонентов: эмпатии, социальной рефлексии и каузальной атрибуции (А.А. Бодалев, Г.М. Андреева) [3-6].

Теоретико-методологическую основу исследования составили : сформированная в рамках когнитивной парадигмы концепция Г.М. Андреевой о месте и роли смыслов и эмоций в построении социально-перцептивного образа [3], теория социальной перцепции Дж. Брунера [6]; инициированные в рамках деятельностного подхода в отечественной психологии второй половины XX столетия концепции процессов ориентировки в общении А.А. Леонтьева и Ю.М. Жукова [8;9], концепция структуры социально-перцептивного механизма Н.Ю. Шалаевой [13], теории перцептивной обусловленности процессов межличностного восприятия и понимания А.А. Бодалева [4], Н.Н. Чучиной [12], М.А. Ростовцевой [11] и др., а также представления о структуре и об уровнях развития основных компонентов социальной перцепции Н.В. Пановой [10]; концепция механизмов межличностной перцепции А.А. Бодалева, Г.М. Андреевой, О.К. Тихомировой, а также результаты эмпирического исследования общения, представленные в трудах Ю.М. Жукова [9], А.А. Брудного [5], Н.В. Пановой [10] и др. авторов.

Также мы опирались на отечественные исследования социальной психологии личности и ее коммуникативной компетентности Г.М. Андреевой, В. С. Агеева, Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, Е.П. Белинской, В.А. Лабунской и И.П. Шкуратовой [3-7;9;10]. В области изучения влияния эмоций как индикаторов личностных ценностей на музыкальное восприятие мы ссылались на работы Т.В. Адорно, Б.И. Додонова и Т. Кнейфа [1;4;11], в области влияния музыки на когнитивные детерминанты эмоциональности человека и его социальной продуктивности на работы Л.С. Выготского и Б.М. Теплова [8], на теорию эмоциональных обобщений в искусстве В.Н. Холоповой, а также на изучение способности музыкального произведения выполнять смыслообразующую функцию Б.В. Асафьева.

Исследование проводилось с разными категориями испытуемых, которые выступили как осознанные пользователи различного музыкального контента и обладатели определенного социально-перцептивного типа. В исследовании использовались *методики*: авторская анкета на выявление субъективных

музыкальных предпочтений; тест «Эмпатийные способности» В.В. Бойко; методика «Диагностика уровня развития рефлексивности» А.В. Карпова; методика для исследования фрустрационных реакций С. Розенцвейга; авторская методическая процедура диагностики особенностей отражения облика, экспрессии и оформления внешности А.А. Бодалева; метод шкалирования Ч. Осгуда с использованием шкалы Лайкерта (для составления респондентами вербального портрета своего оппонента по общению).

При математической обработке результатов вычислялись описательные статистики (средние величины, дисперсия), коэффициенты корреляции признаков, использовался кластерный анализ, рассчитывалась статистическая значимость различий средних арифметических по Т-критерию Стьюдента для зависимых выборок, дисперсионный однофакторный анализ ANOVA. Генеральная совокупность выборки 65 человек подростков (35 девочек и 30 мальчиков в возрасте от 13-ти до 16-ти лет), без выявленного психопатического статуса и с сохранным интеллектом. Выполненное исследование комплексное, так как ориентировано в область междисциплинарных исследований и сочетает качественные и количественные методы познания.

Согласно результатам исследований структуры социально-перцептивного образа Г.М. Андреевой и А.А. Бодалева акцент в исследовании поставлен на диагностике трех основных компонентов социального познания: эмпатии, социальной рефлексии и каузальной атрибуции [1;2].

Подобный методологический ракурс исследования потребовал сопряжения различных диагностических методов (психологических и социально-психологических), а также предметных областей познания (психические феномены и музыкальные произведения).

Обсуждение результатов исследования и выводы. Социальная перцепция может быть продуктивно представлена через компоненты собственной релевантной структуры, а также психологические механизмы и фазы построения перцептивного образа. Компонентами психологической структуры социальной перцепции являются: объект и субъект социальной перцепции, перцептивная ситуация, которые в исследовании рассматривались как ориентиры диагностической работы. Ее структурными компонентами, определившими диагностическую модель исследования, выступили: уровень развития эмпатии и рефлексивности, а также тип каузального атрибутирования.

Оформляющийся в процессе социального познания субъективный перцептивный образ во многом детерминирован актуальным жизненным опытом субъекта перцепции, характером его культурных интересов. Эмоциональная окраска социально-перцептивного образа всегда взаимосвязана с особенностями мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сферы личности, что проявляется в положительном или отрицательном отношении к объектам социального познания и воплощается в субъективных переживаниях различных культурных феноменов (например, в музыкальных предпочтениях).

В результате проведенного исследования удалось получить подтверждение, что особенности социального познания и культурные (музыкальные)

предпочтения тесно взаимосвязаны. Можно утверждать, что музыка может рассматриваться как социально-перцептивный маркер личности уже в подростковом возрасте, а между социальным познанием, эмоциями и музыкальными интересами подростка существует тесная взаимосвязь. Музыка рассматривалась как агент социально-культурного влияния на подростка: на его сознательное состояние, эмоции, содержание чувств, определяя качественную модальность переживаний, как фактор изменения его социального восприятия и поведения.

Исследование подтвердило гипотетический тезис о том, что музыкальные предпочтения подростков влияют на особенности проявления их социальной перцепции, а именно: на уровни эмпатийности и рефлексивности, а также на тип каузальной атрибуции. При этом, музыка при систематическом прослушивании опосредует изменения социальной перцепции подростков, отражаясь на особенностях их субъективного восприятия и понимания другого человека в процессе межличностных взаимодействий. Анализ эмпирической базы по теме нашей работы позволил сделать ряд выводов:

- музыка непосредственно влияет на способность человека в любом возрасте формировать образы социальной перцепции определенной эмоциональной, моральной и смысловой модальности;

- способность формировать музыкальные предпочтения основывается на аутокомпенсаторном эффекте, который проявляется как принцип резонирования (сопряжения) функционально-динамической модели структуры личности и структуры музыкального произведения;

- в подростковом возрасте ярко проявляется сублимационная функция музыки, когда при помощи эмоциональных переживаний, индуцируемых музыкой, подросток насыщает собственные дефицитарные эмоциональные потребности в определенном типе переживаний в виду отсутствия в реальной жизни адекватных способов для их удовлетворения;

- музыкальные предпочтения подростка всегда созвучны системе его ценностных и потребностных ожиданий, утоляя психологический «голод» по переживанию определенных чувств и эмоций, которые созвучны субъективно значимым для личности ценностям, интересам и смыслам;

- систематическое эмоциональное воздействие определенного музыкального контента может менять как уровень рефлексии, так и тип каузального атрибутирования личности, что приводит к возможности управлять процессами социального познания подростков под воздействием музыкального стимула;

- в зависимости от преобладающего типа социальной перцепции подростки будут по-разному относиться к любимой музыке как к агенту социального влияния, будут наделять любимую музыку различными функциями (компенсирующими, релаксирующими, стимулирующими);

- подростки, предпочитающие рок, хип-хоп-музыку и рэп-композиции, рассматривают музыку как своеобразный «проводник во взрослую жизнь», как средство психотерапевтических воздействий, ориентируясь на восприятие текстов музыкальных композиций;

– любители поп-музыки рассматривают музыкальное произведение как возможность подчеркнуть свою успешность, как инструмент эмоциональной релаксации, маркер социальной статусности и как средство создания хорошего настроения, при этом тексты песен практически не воспринимаются, оценивается ритм и мелодичность музыкальной композиции.

Безотносительно к предпочитаемому подростками музыкальному контенту можно утверждать, что социальное познание в подростковом возрасте недостаточно отрефлексировано и не в полной мере критически соотносится с позитивным социально-культурным опытом старших поколений. В среднем, у подростков в процессе социального познания преобладает эмоционально-экстернальный атрибутивный тип, что выражается в склонности подростков к поверхностному, хотя и ярко эмоционально окрашенному социальному восприятию.

В современной подростковой среде распространены в основном два направления музыкальных предпочтений: рок- и поп-музыка, а рэп-композиции и хип-хоп-контент выделяются как дополнительные музыкальные интересы. В зависимости от преобладающего интереса к рок-, поп-, рэп, и хип-хоп-музыке у подростков значимо различаются и характеристики социальной перцепции (рефлексивность и эмпатийность). Методом дисперсионного анализа удалось выделить одинаково значимые эффекты влияния музыки на социальную перцепцию подростков:

– частота прослушивания определенного музыкального контента влияет на формирование определенного типа социального атрибутирования, который характеризуется типовыми атрибутивными ошибками, обусловленными рефлексивностью и эмпатийностью;

– для подростков, предпочитающих рок, представления об аутоподобии и родстве жизненного опыта являются важными критериями положительной перцептивной оценки партнера, при этом, интерес к рок-музыке связан с достаточным уровнем социальной адаптации и социальной рефлексии (за счет анализа текстов песен);

– чем чаще подростки слушают современный поп-контент, тем более социально инфантильным типом реагирования они отличаются, тем хуже их эмпатийные и рефлексивные возможности;

– однозначно позитивно влияет на особенности социальной перцепции интерес к классической музыке;

– предпочтения электронной музыки значимо не влияют на характеристики социальной перцепции и тип социального атрибутирования.

В заключении отметим, что предпочтения стилей музыки всегда является следствием модели воспитания и жизненного опыта, поэтому рассматривается как маркер социально-психологической культуры личности. Влияя на социальную перцепцию, музыка способна формировать различные по модальности перцептивные качества. При анализе музыкального воздействия на личность подростка необходимо учитывать рефлексивные, эмпатийные и социально-атрибутивные качества его личности. Наиболее продуктивный коррекционный

эффект оказывает классическая музыка, что делает именно этот музыкальный контент наиболее коррекционно востребованным.

Список использованных источников

1. Адорно, Т.В. Исследование авторитарной личности [Текст] / Т.В. Адорно. – М. : Серебряные нити, 2001. – С. 18-27.
2. Ананьев, Б. Г. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия [Текст] / [Б. Г. Ананьев, М. Д. Дворяшина, Н. А. Кудрявцева] ; под ред. Д.М. Дворяшина . – М. : Просвещение, 1968. – 332 с.
3. Андреева, Г.М. Психология социального познания [Текст] / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 288 с.
4. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человека человеком [Текст]: монография / А.А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
5. Брудный, А.А. Социальная идентичность личности в ситуациях жизненных кризисов [Текст] / А.А. Брудный. – М.: Наука-Пресс, 2012. – 453 с.
6. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации [Текст] / Дж. Брунер. - М.: Прогресс, 1977. - С. 12-63.
7. Воронин, В.Н. Социально-психологические механизмы формирования организационной культуры [Текст]: монография / В.Н. Воронин. – М.: МПУ «Сигнал», 1999. – 260 с.
8. Выготский, Л.С. О двух направлениях в понимании природы эмоций в зарубежной психологии в начале XX столетия [Текст] / Л.С. Выготский // Вопросы психологии. - 1968. - № 2. – С. 149-156.
9. Жуков, Ю.М. Проблемы измерения точности межличностного восприятия [Текст] / Ю.М. Жуков // Вестник Московского Университета. Сер.14. Психология. 1978(№1). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 26-34.
10. Панова, Н.В. Уровни развития основных компонентов социального интеллекта младших подростков [Текст] / Н.В. Панова // Интеграция образования. М.: Аспект Пресс, 2011. – № 2. – С. 88-92.
11. Ростовцева, М.В. Особенности социальной перцепции в подростковом возрасте [Текст] / [М.В. Ростовцева, О.В. Шайдурова, Н.А. Гончаревич и др.] // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. - № 1. – Т.7. – С. 82-97.
12. Чучина, Н. Н. Социализация подростков [Текст] / Н.Н. Чучина // Интеграционные процессы в науке в современных условиях. – 2016. – Ч. 1. – С. 205-210.
13. Шалаева, Н.Ю. О структуре социально-перцептивного механизма [Текст] / Н.Ю. Шалаева // Вестник Сам.ГУ. - 2012. № 2/1/ - (93). – С.167-170.

РАССТРОЙСТВА АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА (РАС) В КОНТЕКСТЕ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Папков Валерий Евгеньевич

*Ассистент кафедры интегративной и восстановительной медицины
ГОО ВПО ДОННМУ ИМ. М. ГОРЬКОГО (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: papkovvalery@rambler.ru)*

В данной работе предпринята попытка рассмотрения природы расстройств аутистического спектра (РАС) в контексте нарушений межполушарного взаимодействия. Показана роль интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии (ФМА) семьи в формировании РАС. Предложена модель феноменологического пространства сознания как области интеграции межполушарного взаимодействия. Сформулированы принципы восстановления и вторичной профилактики РАС.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии, сознание, интермодальное взаимодействие, эгоцентрическая речь, психогигиена, восстановление, профилактика.

AUTISTIC SPECTRUM DISORDERS (ASD) IN THE CONTEXT OF HEMISPHERIC INTERACTION

Papkov Valery Evgenievich

*Assistant at the Department of Integrative and Reconstructive Medicine
M. GORKY DONNMU
(e-mail: papkovvalery@rambler.ru)*

This paper attempts to consider the nature of autism spectrum disorders (ASD) in the context of interhemispheric interaction disorders. The role of the integrative profile of functional interhemispheric asymmetry (FMA) of the family in the formation of ASD is shown. A model of the phenomenological space of consciousness as an area of integration of interhemispheric interaction is proposed. The principles of recovery and secondary prevention of ASD are formulated.

Key words: autism spectrum disorders (ASD), integrative profile of functional interhemispheric asymmetry, consciousness, intermodal interaction, egocentric speech, psychogenic, recovery, prevention.

Распространение расстройств аутистического спектра (РАС) у детей в настоящее время во всем мире приобретает характер эпидемии. В связи с этим 67 сессия ВОЗ в 2014 году приняла резолюцию «Комплексные и скоординированные усилия по лечению РАС» [1]. Сегодня «Расстройства аутистического спектра» в DSM-5 (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 5-го издания) стали определять как

совокупность множества различных расстройств, связанных общими функциональными нарушениями социальной коммуникации [2].

В данной работе предпринята попытка рассмотрения природы РАС в контексте нарушений межполушарного взаимодействия. В середине прошлого века Р.У. Сперри и М. Газзанига [3] были выявлены самостоятельная роль полушарий мозга, организованных во временном аспекте противоположным способом: правое – сукцессивно, левое – симультанно. Комиссуральные связи при такой асимметрии, фактически, реализуют реципрокные отношения, обуславливая вопрос о способе интегративного взаимодействия столь поразному организованных полушарий (субъектов). Включение же в эту интегративную связь посредника в виде механизма громкой эгоцентрической речи позволяет внешним для самого мозга способом синхронизовать деятельность столь разнородных субъектов, коими являются полушария мозга. Автором данного исследования ранее была выявлена роль эгоцентрической громкой речи, равно, как и громкой речи в целом, в парадигме Пиаже – Выготского [4], как механизма взаимодействия и функциональной интеграции полушарий головного мозга [5]. Тем не менее, остается крайне важным понимание того, как дети овладевают механизмами эгоцентрической речи как в условиях нормы, и так и при нарушениях социальных коммуникаций. Представляется достаточно очевидным, что дети заимствуют лексические средства и грамматические модусы языка у окружающих их людей, как правило, членов их собственных семей. Это – родители, родители родителей, сибсы и другие члены семьи. Но, рассматривая природу общения этих людей, составляющих непосредственное окружение ребенка, можно предположить, что и само это общение есть не что иное, как взаимодействие противоположных (гетеролатеральных) и гомолатеральных полушарий этих родственников, когда преимущественно правое полушарие матери коммуницирует с преимущественно левым полушарием отца. При этом, грамматический и лексический материал матери будет организован «правополушарно» и сукцессивно, а отца – «левополушарно» и, соответственно, - симультанно. Пренебрегая реципрокными отношениями межполушарного взаимодействия родителей, а также и межличностной реципрокностью, можно утверждать, что в семье супруги – родители ребенка в своем общении посредством громкой речи реализуют внешнее интерпсихическое взаимодействие двух полушарий: правого матери и левого отца. Что потом станет интрапсихическим общением правого и левого полушария самого ребенка в модусе эгоцентрической речи. Как формулировал генетический закон культурного развития в его самом общем виде Л. С. Выготский, на сцене всякая психологическая функция возникает дважды, первоначально в социальном модусе, между людьми, как функция как интерпсихическая или трансперсональная, а затем «внутри ребенка» - как функция интрапсихическая. Причем, в данном контексте межполушарного взаимодействия или модуса межполушарного сознания, перед тем, как межполушарное взаимодействие супругов – родителей станет функцией межполушарной интеграции ребенка, последний должен пройти

опосредующий этап внешней межполушарной интеграции посредством громкой эгоцентрической речи. Строго говоря, подобное понимание сущности эгоцентрической речи в контексте межполушарного взаимодействия, находится в контексте рассуждений и самого Л.С. Выготского, утверждавшего, что знаковая организация высших психических функций является их важнейшей отличительной чертой, и что, по его мнению, имманентно предполагает их социальную природу. Происхождение функций, связанных с употреблением знаков, является процессом, который, как категорически утверждал Л.С. Выготский, нельзя вывести, оставаясь в пределах индивидуальной психологии. По самой природе этот процесс – есть часть истории социального формирования личности ребенка. Любая высшая психическая функция, по Л.С. Выготскому, была когда-то формой сотрудничества нескольких лиц и лишь позже превратилась в индивидуальный способ поведения одного лица (личности), перенесся внутрь психологической системы ребенка ту систему, которая и при переносе сохраняет всю свою основную структуру, меняя лишь модус своей реализации [6].

Эта методология развития является универсальной и может быть применена к любой сфере психологических функций человека в их катанестическом аспекте. По существу, Л.С. Выготский в свое время дал настолько фундаментальное обобщение закону развития, что его положения могут быть использованы и в настоящее время в отношении вновь полученных научных данных и результатов. В том числе и к феноменам межполушарного взаимодействия. Если понимать поведение человека, согласно этой его концепции, как продукт формирования более широкой системы, как системы социальных отношений, коллективных (семейных) форм поведения и социального (семейного) сотрудничества, то единицей такой системы отношений будет *индивидуальный профиль доминирования функциональной межполушарной асимметрии* (ФМА) члена семьи, а всей системой отношений этого семейного коллектива – *интегративный ландшафт профиля ФМА* уже всей семьи. Последний, в свою очередь, будет являться тем социальным фоном, на котором будет реализован индивидуальный профиль ФМА ребенка. Соответственно, можно утверждать, что, если имеются деформации и дисфункции ландшафта интегративного профиля ФМА семьи, то и, соответственно, следует ожидать нарушений функций межполушарного взаимодействия и у их детей. При этом, следует учитывать и то место (вакантную экологическую нишу), которое тот или иной ребенок может занять как в интегративном ландшафте ФМА семьи или в интегративном ландшафте ФМА более широкого социального сообщества. Так, мальчики могут не иметь четких признаков ФМА, находясь в модусе, преимущественно, правополушарного недифференцированного общения. Однако, в возрасте семи лет мальчики проходят этап идентификации с правополушарным отцом, по сути, подвергаясь процессам инвертирования ФМА, в соответствии, как со своей социально-ролевой, так и эндокринной половой дифференциацией. При анализе половой дифференциации упускается, как правило, этот процесс

левополушарной инверсии ФМА у этих детей мужского пола. В дальнейшем пройдя процесс этой «инициации» мальчики, как правило, в традиционных сообществах переходят в модус «левополушарной» коммуникации, создавая с лицами противоположного пола, включая мать, противоположного пола сибсов, и других лиц женского пола отношения либо реципрокности (конфликтности), либо интеграции. Поэтому, крайне важным представляется учет этого третьего типа половой дифференциации ФМА мальчиков, помимо двух других дифференцировок: эндокринно-соматической и социально-ролевой. А поскольку этот период является уязвимым для развития данных детей, то, соответственно и смена «стиля» общения, вызванная инверсией ФМА у мальчиков в столь юном возрасте может оказаться подверженной неблагоприятным факторам, вызванным, в свою очередь, дисфункциональностью интегративного профиля ФМА семьи.

В ходе проведения исследовательской работы были выявлены признаки интегративного профиля ФМА семей с детьми, имеющими РАС [7], что дает основания для трактовки РАС, как дисфункции межполушарной интеграции у детей, обусловленной, в свою очередь, дисфункцией межполушарного взаимодействия у членов их семей. К наиболее характерным признакам интегративного профиля ФМА данных семей следует отнести, как уплощение профиля с наличием у обоих родителей высоких левополушарных значений ФМА и несколько сниженными значениями правополушарных функций, так и резко выраженную контрастность правостороннего доминирования профиля ФМА всех членов семьи, интегративный ландшафт которых представляет собой ряд последовательно увеличивающихся пиков правостороннего доминирования ФМА. Представляется вероятным предположение, что первый тип профиля более характерен для высокофункционального типа РАС, а второй – для низкофункционального типа РАС у детей данных семей. Такого типа профили могут изначально препятствовать формированию полноценного межполушарного взаимодействия у детей, что особенно критично в отношении формирования социализации мальчиков. Поскольку левополушарное доминирование ФМА предполагает полноценные коммуникации в трех модусах: правополушарном, левополушарном и их интегративном модусе, то при уплощении или же одностороннем доминировании невозможно реализовать.

В отношении же девочек в традиционных обществах инициация, приводящая к социализации и инверсионным процессам доминирования ФМА, как правило, происходит достаточно поздно после процессов пубертатного кризиса. Поэтому они составляют в статистике РАС значительно меньшую долю относительно мальчиков. Однако, если мальчики, как «дети дождя», манифестируют с яркой клинической симптоматикой социопатии и психопатии, то у девочек возможны стертые субклинические проявления эквивалентов РАС, преимущественно в психосоматической форме по типу так называемого синдрома Рейно. Мальчики, не справляясь с инверсией доминирования ФМА, в случае низкофункционального РАС демонстрируют

гиперреактивность и психопатическое поведение в круге социопатии, а при высокофункциональной социопатии РАС погружаются в шизоидный мир. Правополушарные девочки при предъявлении к ним левополушарного социального давления оказываются в ситуации «аутистической невыразимости», когда реакция на неблагоприятное окружение оказывается эмоционально и структурно близкой к каким-то физиологическим эквивалентам, типа реакции на холод, со сбрасыванием крови через центральные анастомозы с резким обеднением периферического кровообращения и ишемическими проявлениями со стороны дистальных частей тела [8]. Возможно, поэтому асимметричная статистика РАС с преимущественным мужским доминированием чуть позже вполне уравнивается такой же асимметричной статистикой синдрома Рейно, но уже с преимущественно женским доминированием. В этом контексте первичный синдром Рейно прагматично было бы отнести к РАС в его психосоматическом эквиваленте.

Вышеприведенные факты и их анализ позволяют сформулировать вопрос: какая именно функция изменяется при нарушении межполушарной интеграции в модусах социального (семейного) взаимодействия и индивидуальной громкой эгоцентрической речи? При изучении межполушарного интегративного процесса обнаруживается определенная система, сводящаяся к такому взаимодействию функциональных модусов полушарий, когда в некоем феноменологическом пространстве сознания формируются области совпадений (фузий) и зоны различий (диспаратностей). Такая интегративная функция сличения и различения двух модальностей реализована в бинокулярном зрении, когда два латеральных центра бинокулярного зрения формируют стереоскопическую картину на основе содружественного использования зрительных картин обоих глаз. Метафора бинокулярного зрения как модель связывания межполушарной асимметрии сознания в свое время была обоснована рядом нейрофизиологов [9]. Н. И. Бавро продолжил и развил эту эвристическую логику при изучении межмодального взаимодействия зрения и проприоцепции. Он предложил концепцию интермодального пространства сознания, в котором феномены взаимодействия представляют собой явления фузии, аналогичные феноменам бинокулярной фузии, которая осуществляется без уподобления одного модального образа другому, а трактуется как совмещение разномодальных образов в общем феноменальном пространстве, на основе сходства их содержаний [10].

Продолжая эту модельную логику межмодального взаимодействия в феноменологическом пространстве сознания, но уже относительно интеграции модальностей правополушарной и левополушарной субъектности, следует предположить наличие подобного же модуса феноменологического пространства сознания, в котором коммуникация осуществляется на основе совпадений сходных содержаний высказываний, формулируемыми противоположными полушариями, как разных лиц, так и одного лица [11, 12]. При этом само это пространство является единым вне зависимости от его

социального или же индивидуального модуса, что позволяет определенное совмещение пространств семьи и их ребенка. И предполагает подобие части интегративного ландшафта ФМА семьи и профиля доминирования ФМА ребенка. При этом следует отметить чрезвычайную важность сукцессивного и симультанного аспектов для формирования полноценного сознания в его индивидуальном и социальном модусе, на чем в свое время настаивал А.Н. Леонтьев. Однако, при уплощении интегративного профиля по типу двух или более левосторонних доминирований ФМА в семье формируется симультанная парадигма коммуникативности, что в бинокулярной парадигме будет свидетельствовать об утрате самой бинокулярности из-за резкого снижения различения сукцессивных значений и смыслов (снижение остроты зрения одного глаза). В интегративном профиле семьи с выраженным односторонним правосторонним доминированием ФМА коммуникативность приобретает черты избыточной сукцессивности, когда достижение сходства содержаний с противоположным симультанным полюсом просто не достижимо. В офтальмологии в таком случае, принято говорить о разрушении бинокулярного зрения из-за разницы в оптических системах обоих глаз, больше чем в 5 диоптрий. Следует полагать, что оптимальным саногенетическим ландшафтом интегративного профиля ФМА будет наличие как минимум двух выраженных противоположных полушарных доминант, формирующих обширное перцептивно-коммуникативное феноменологическое пространство сознания в его двух важнейших координатках: симультанной и сукцессивной, что в принципе прослеживается в контрольных группах относительно РАС.

Таким образом, подытоживая данное исследование, следует сформулировать следующие положения, которыми можно обосновать рекомендации в отношении столь важной и актуальной на сегодня проблемы РАС, а также сформулировать психогигиенические принципы профилактики, психокоррекции и восстановления данного круга расстройств. К таким принципиальным положениям следует отнести выявление (мониторинг) интегративного профиля ФМА семей группы риска РАС, позволяющим, с одной стороны, выявлять семьи из группы риска еще до рождения у них ребенка, а с другой дать рекомендации и сформировать комплекс мероприятий по вторичной профилактике данного типа расстройств. Понимание интегративного профиля ФМА как саногенетического или же, наоборот, патогенетического в отношении РАС, позволяет сформулировать педагогическую парадигму, в которой превентивность мер в отношении вторичной профилактики должна стать основой для обучающих программ всего круга специалистов, имеющих отношение к данной проблеме. Немаловажным представляется формирование программ соответствующего санитарно-гигиенического (психогигиенического) воспитания будущих родителей, а также создание системы коррекции и восстановления в отношении уже выявленных РАС [13].

Список использованных источников

1. https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA67-REC1/A67_2014_REC1-ru.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
2. file:///D:/Downloads/30_03_2020%20%D0%9A%D0%A0_%D0%A0%D0%90%D0%A1.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
3. Sperry, R. W. and Gazzaniga, M. S. and Bogen, J. E. (1969) *Interhemispheric relationships: the neocortical commissures; syndromes of hemisphere disconnection*. In: Disorders of speech, perception and symbolic behavior. Handbook of clinical neurology. No.4. North-Holland Publishing Co., Amsterdam, pp. 273-290. ISBN 9780720472042. <https://resolver.caltech.edu/CaltechAUTHORS:20170414-111911293> (дата обращения: 25.11.2021).
4. Пашукова Т.И. Концептуальные отличия в понимании эгоцентризма детского мышления и речи Ж. Пиаже и Л. С. Выготским // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2016. №1 (763). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-otlichiya-v-ponimanii-egotsentrizma-detskogo-myshleniya-i-rechi-zh-piazhe-i-l-s-vygotskim> (дата обращения: 01.12.2021).
5. Папков В.Е. Эгоцентрическая речь в контексте картезианской лингвистики // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Международной научно-практической конференции – Донецк: ДонНУ, 2020. – С. 124 – 129.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Научное наследство/Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с.
7. Папков В.Е. Интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии мозга членов семьи как фактор формирования расстройств аутистического спектра у детей // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 10: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 247 – 249.
8. Кулемзина Т.В., Папков В.Е. Подход к социальной реабилитации в контексте дезинтеграции трансперсональной личности // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии: материалы VIII Международной научно-практической конференции (1-2 апреля, 2021 г.) / под. ред. канд. пед. наук, доц. А.И. Ахуловой. – Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева. – 2021.
9. Берлов Д.Н., Кануников, И.Е., Павлова, Л.П. (2004). Бинокулярная конкуренция и функциональная межполушарная асимметрия: от асимметрии к взаимодействию полушарий // Функциональная межполушарная асимметрия. Хрестоматия. – М.: Научный мир, 2004. – С. 258 – 286.
10. Бавро Н.И. Интермодальная координация зрительных и проприоцептивных пространственных образов (новые феномены и их механизмы) // Автореф. дис. канд. психол. наук. – Москва, 1993. – 21 с.

11. Черниговская Т.В. В своём ли мы имени? // Канун. - Вып.2. Чужое имя. – СПб, 2001. – С.246-260.
12. Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга. // Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам.- Тарту, 1986, вып.19. – С. 68-84.
13. Папков В.Е. Гигиенические аспекты профилактики и восстановления при расстройствах аутистического спектра (РАС) // Материалы 5 Международного медицинского форума Донбасса – Донецк: Изд-во ДонНМУ, 2021. – С. 352 – 353.

УДК 159.9

ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ УЧИТЕЛЯ

Пешкова Наталья Александровна

*канд. психол. наук, доцент кафедры специальной психологии
ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Россия, г. Тула)
(e-mail: na_peshkova@mail.ru)*

В статье раскрыты результаты исследования особенностей личности учителей с разным уровнем саморазвития, проанализированы факторы, влияющие на личностно-профессиональное саморазвитие педагога. Показано значение взаимодействия внутренне значимых стремлений и активно творчески воспринятых внешних влияний на саморазвитие личности учителя.

Ключевые слова: личностно-профессиональное саморазвитие, учитель начальных классов, факторы саморазвития

FACTORS OF PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF- DEVELOPMENT OF A TEACHER

Peshkova Natalya Alexandrovna

*candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of
Special Psychology
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University, (Russia, Tula)
(e-mail: na_peshkova@mail.ru)*

The article reveals the results of a study of the personality characteristics of teachers with different levels of self-development, analyzes the factors affecting the personal and professional self-development of a teacher. The importance of the interaction of internally significant aspirations and actively creatively perceived external influences on the self-development of the teacher's personality is shown.

Keywords: personal and professional self-development, primary school teachers, self-development factors

Изучению проблемы саморазвития личности в последние годы уделяется все большее внимание. Современная наука предоставляет множество теоретических и практических знаний о саморазвитии личности, рассматривая данный феномен в рамках конкретных научных подходов.

Саморазвитие и самосовершенствование личности охватывает различные области жизнедеятельности, и способствует возвышению человека по линии личностного роста. Это помогает в самореализации (практическом применении своих желаний и опыта). При этом самореализация – это не только карьерный рост или финансовая стабильность, хотя и эти составляющие нельзя назвать второстепенными, это культурное и духовное развитие. Говоря об условиях и факторах саморазвития, необходимо отметить важность этих составляющих в процессе формирования личности. От них зависит не только широта взглядов, успешность и образованность, этот процесс самосовершенствования является стержнем человеческого существования.

В руках учителей, в определенном смысле, находится будущее страны, так как они воспитывают новое поколение. Какими будут наши дети, когда вступят во взрослую жизнь, во многом зависит от них. Поэтому мы рассматриваем личностно-профессиональное саморазвитие учителя как главное условие повышения качества современного образования.

Несколько лет назад нами было проведено исследование особенностей Я-концепции и саморазвития учителей начальных классов [1].

На основе теоретического анализа научной литературы мы разработали свою систему критериев оценки изучаемого феномена. Каждый критерий включает в себя ряд эмпирических показателей: качества и черты характера личности, самоотношение, отсутствие/наличие профессионального «выгорания», оптимизм и активность, педагогическая направленность личности, особенности педагогической деятельности, самомониторинг, стиль управления, базовые убеждения, жизненные ценности, удовлетворенность качеством жизни. Каждый критерий, его содержательные характеристики можно описать с точки зрения значимости для эффективности осуществления педагогической деятельности и положительной динамики саморазвития учителя начальных классов.

В процессе исследования, проведя сравнительный анализ структуры Я-концепции учителей начальных классов с разным уровнем саморазвития, нами были составлены и обобщены индивидуально-психологические характеристики.

Учителя начальных классов с несложившимся саморазвитием (n=44) характеризуется недостаточным стремлением к профессиональному самопознанию и самосовершенствованию, изучению себя, средней способностью к анализу своих чувств и опыта, слабой верой в свои возможности и умение управлять своим профессиональным развитием.

В большей степени их саморазвитию препятствуют собственная инертность, разочарование в результате имевшихся ранее неудач, враждебность окружающих, плохо воспринимающих в опрашиваемых учителях перемены и

стремления к новому, неадекватная обратная связь с членами коллектива и руководителями (отсутствие объективной информации о себе), ограниченные ресурсы, стесненные жизненными обстоятельствами.

Учителя с несложившимся саморазвитием в числе значимых стимулирующих факторов указывают пример и влияние коллег и руководителей, школьную методическую работу. Имеют средний уровень инициативности и энергичности, настойчивости, способности руководителя и организатора, уверенности, сдержанности, самостоятельности, требовательности к себе, творческого подхода к работе, педагогического мастерства, доступности, убедительности и выразительности речи, средний уровень развития организованности, общительности, интеллигентности, владения гностическими, проектировочными, конструктивными, коммуникативными и организационными умениями. Им присущи негативные оценки таких черт характера, как аккуратный – неаккуратный, гордый – угодливый, выдержанный – несдержанный, деликатный – бестактный, робкий – высокомерный, решительный – нерешительный, сдержанный – вспыльчивый. Имеют мало выраженные самоинтерес, самоуважение, стремление к самоанализу. Отмечается наличие отрицательных эмоций, связанных с работой, коллективом и всей организацией труда в целом; развиваются негативные установки по отношению к себе, чувство безразличия, эмоциональное истощение, негативное профессиональное самовосприятие.

Учителя с несложившимся саморазвитием относятся к категории людей – пассивных пессимистов, которые ни во что не верят и ничего не предпринимают для того, чтобы изменить свою жизнь в лучшую сторону. Они характеризуются преобладанием мрачного и подавленного настроения, пассивностью, неверием в свои силы. В трудных ситуациях предпочитают стратегии ухода от решения проблем.

Учителя с несложившимся саморазвитием не особенно внимательны к социальной информации, являются менее гибкими в демонстрации разных форм экспрессивного поведения. Их поведение не реализуется в самопрезентации, созданной соответственно данной конкретной ситуации, а управляется – в функциональном смысле – внутренним эмоциональным состоянием. Они выражают себя так, как чувствуют. Во взаимодействии с другими могут проявляться прямолинейность, сдержанность в контактах, демонстрируется поведение, соответствующее собственным установкам, ценностям, упорство в отстаивании своего мнения. Данная выборка учителей имеет слабую убежденность относительно контролируемости и справедливости окружающего мира, собственной ценности, способности управления событиями и везения. В силу этого они имеют низкую, иногда среднюю удовлетворенность качеством жизни. У них не ярко выражены ценности, направляющие их на профессиональное развитие (творчество, достижения, развитие).

Другими характеристиками обладают учителя начальных классов с активным саморазвитием (n=93). Данная категория учителей характеризуется

наличием активного стремления к профессиональному самопознанию и самосовершенствованию, изучению себя, глубоким самоанализом чувств и опыта, верой в свои возможности, способностью управлять своим профессиональным развитием. Устойчивое саморазвитие учителя характеризуется тем, что осуществляется необходимая коррекция, самоанализ профессиональных и жизненных достижений, актуализируется потребность в дальнейшем саморазвитии, активно формируется субъектность учителя.

Для учителей с активным саморазвитием наиболее весомыми факторами, стимулирующими их саморазвитие, являются возрастающая ответственность, интерес к работе, обучение на курсах и занятия самообразованием, доверие. Им присущи инициативность и энергичность, настойчивость и требовательность, способности руководителя и организатора, уверенность, сдержанность, самостоятельность, требовательность к себе, творческий подход к работе, педагогическое мастерство, доступность, убедительность и выразительность речи, активность и трудолюбие, дисциплинированность, прилежность, высокий уровень развития организованности, общительности. Их характеризует предрасположенность к типу «интеллигент». Имеют высокий уровень владения гностическими, проектировочными, конструктивными, коммуникативными и организационными умениями. Эти учителя имеют позитивное самоотношение, наличие положительных установок в адрес собственного Я; высокий самоинтерес, самоуважение. У них наблюдается отсутствие негативных переживаний, связанных с работой, коллективом и всей организацией труда в целом.

Учителя с активным саморазвитием относятся к типу «активные пессимисты». Таким людям свойственна большая активность, но, к сожалению, в трудных ситуациях они часто используют агрессивные стратегии преодолевающего поведения. Данная группа учителей обладает высоким уровнем самомониторинга, гибкостью (лабильностью) поведения во взаимодействии с другими людьми; стабильностью успехов в привычных видах деятельности; они успешны в овладении новыми видами активности, характеризуются социальной смелостью, активностью, дипломатичностью в отношениях с окружающими. При желании создать благоприятное впечатление о себе демонстрируют только лучшие качества, стремятся создать модель социального поведения, соответствующую данному особому контексту взаимодействия.

Учителя с активным саморазвитием особенно чувствительны к экспрессивным реакциям и самопрезентации других; они умеют учитывать специфику данной социальной ситуации и осуществляют контроль и управление собственной вербальной и невербальной самопрезентацией с учетом этих факторов. Они готовы модифицировать свое поведение, демонстрируют его значительную вариативность, используя большое количество поведенческих стратегий для того, чтобы получить позитивные результаты в любом социальном взаимодействии, они адаптивны, гибки и прагматичны. Данных учителей отличает психическая стабильность, они верят

в собственную ценность, управляемость событий, имеют ценности, направляющие их на профессиональное развитие (творчество, достижения, развитие). В целом учителя с активным саморазвитием имеют высокую или среднюю удовлетворенность качеством жизни.

На основе кластерного анализа нами была выявлена следующая система внутренних факторов личностно-профессионального саморазвития.

Первым фактором, способствующим саморазвитию учителя, является эмоциональное состояние педагога. Данный фактор объединил 11,51% от всех показателей, влияющих на желание осуществления саморазвития, включая оптимистичное отношение к миру, окружающим людям и себе самому.

Второй фактор – черты характера и способности. В него вошли 24,46% от всех показателей, влияющих на способы достижения желаемого уровня саморазвития.

Третий фактор – ценности и убеждения. Включает 29,5% от всех показателей, определяющих представление личности об образе жизни и необходимости саморазвития.

Четвертый фактор – личностные качества. Состоит из 23,02% от всех показателей, являющихся определенным ресурсом для профессионально-личностного саморазвития учителя начальных классов.

Пятый фактор – возможности, удовлетворенность качеством жизни и самоотношение. Объединил 11,51% от всех показателей, влияющих на решение заниматься саморазвитием.

Кроме того, нами была прослежена взаимосвязь показателей, влияющих на саморазвитие. Ключевой параметр «саморазвитие» имеет непосредственную связь с мотивацией одобрения. Кроме того, они совместно с такими показателями, как «благосклонность мира», «целеустремленность», «настойчивость» и «требовательность» образуют первичную группу. Говоря иначе, на мотивацию к саморазвитию влияет поддержка значимого окружения, которая способствует стремлению к заданной цели.

В целом с данными показателями тесным образом связаны черты характера и способности педагога. Эти показатели, объединенные с третьей группой (ценности и убеждения), образуют одну общую группу. Это говорит о том, что к саморазвитию побуждают ценностные ориентации личности, а также свойства личности, являющиеся условиями успешного осуществления определённого рода деятельности, а также настойчивость на пути к достижению цели.

Интересным является тот факт, что на саморазвитие учителей также влияют возможности и удовлетворенность качеством жизни, но эти показатели можно рассматривать двояко: педагог нацелен на саморазвитие, когда ничто не препятствует этому процессу, и второй вариант, – саморазвитие как трамплин для повышения качества жизни, достижения новых возможностей.

Таким образом, саморазвитию личности учителя способствует взаимодействие внутренне значимых стремлений и активно творчески воспринятых внешних влияний.

Список использованных источников

1. Пешкова Н.А. Сущностная характеристика саморазвития учителей начальных классов: учебное пособие. Российский ун-т дружбы народов. Москва, 2010. – 112 с.

УДК 37.015.31

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Ревуцкая Ирина Викторовна,
*старший преподаватель кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: i.revutskaya@donnu.ru)*

Березина Ирина Игоревна,
*магистр, психолого-педагогическое образование
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: irisha_berezina@mail.ua)*

В статье представлен анализ результатов психолого-педагогического исследования разных стилей родительского воспитания как фактора формирования личности детей младшего школьного возраста в полных, не полных, многодетных и неблагополучных семьях. Описано влияние стилей родительского воспитания (авторитетный, авторитарный, либерального-индифферентный) на формирование личности младших школьников: школьную мотивацию, самооценку, лидерство, эмоциональное состояние и межличностные отношения в семье.

Ключевые слова: стиль родительского воспитания, семья, свойства личности, младший школьный возраст.

INVESTIGACIÓN DE LAS PECULIARIDADES DE LA EDUCACIÓN DE LOS PADRES COMO FACTOR DE FORMACIÓN DE LA PERSONALIDAD

Revutskaya Irina Viktorovna,
*Profesor Titular del Departamento de Psicología
Universidad Nacional de Donetsk (DPR, Donetsk)
(e-mail: i.revutskaya@donnu.ru)*

Berezina Irina Igorevna,
*maestría, educación psicológica y pedagógica
Universidad Nacional de Donetsk (DPR, Donetsk).
(e-mail: irisha_berezina@mail.ua)*

El artículo presenta un análisis de los resultados de un estudio psicológico y pedagógico de diferentes estilos de crianza como factor en la formación de la personalidad de niños en edad escolar primaria en familias completas, incompletas, numerosas y disfuncionales. El artículo describe la influencia de los estilos de crianza

(autoritario, autoritario, liberal-indiferente) en la formación de la personalidad de los escolares de primaria: motivación escolar, autoestima, liderazgo, estado emocional y relaciones interpersonales en la familia.

Key words: estilo parental, familia, rasgos de personalidad, edad escolar primaria.

На современном этапе развития отечественной и зарубежной психологической науки, в различных направлениях и подходах семье посвящено большое количество исследований. В трудах многих ученых (А.Я. Варга, А.И. Захаров, А.Е. Личко, А.И. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер и др.) разносторонне анализируются сферы детско-родительских отношений: особенности развития и воспитания; влияние детско-родительских отношений на формирование личности; характер супружеских отношений и особенности личности ребенка, как результата семейного влияния и др. [1; 2].

Семья – это первый социальный институт, в котором удовлетворяются потребности ребенка в безопасности, любви, уважении и эмоциональной поддержке. Именно эмоциональный контакт, как утверждают А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин в своих трудах, и взаимодействие с родителями, способствуют формированию личности ребенка [3; 4].

Сегодня формируется личность будущего человека. Безусловно, важным фактором формирования личности является социально-политическое положение страны, в которой живет человек, но, в значительной степени, на личность в целом, влияет семья: материально-бытовые условия, педагогическая культура родителей, семейные обычаи и традиции, что в общей сложности представляет стиль родительского воспитания. Прогнозирование психологического портрета будущей личности, побудило научный интерес к изучению особенностей родительского воспитания как фактора формирования личности.

Цель исследования – изучить влияние стиля родительского воспитания на формирование личности младших школьников.

Основываясь на положениях о структуре отношений «родитель – ребенок» Р.В. Овчаровой, А.С. Спиваковской, Э.Г. Эйдемиллера, а также исследованиях стилей семейного воспитания и их особенностей Т.В. Андреевой, А.Г. Личко, Р. Бернса, Л. Бельямина, А. Болдуина, нами было организовано и проведено психолого-педагогическое исследование родительского воспитания, которое оказывает существенное влияние на формирование личности (мотивацию, самооценку, эмоциональное состояние, межличностное общение) в семье детей младшего школьного возраста.

Исследование проводилось на базе Муниципального общеобразовательного учреждения «Учебно-воспитательный комплекс № 130» г. Донецка. Генеральную выборку составили 126 испытуемых. Из них – 50 учащихся 2-го (26 учеников) и 3-го (24 ученика) классов; 73 родителя, 2 классных руководителя и 1 психолог-педагог. Качественный анализ выборки исследования показал, что около половины младших школьников (42%) из

полных семей, более трети (36%) – из неполных семей, 18% школьников воспитываются в многодетных семьях, 4% – из неблагополучных семей.

Для реализации поставленной цели, нами были подобраны методики психодиагностики направленные на: выявление стилей родительского воспитания «Стратегии семейного воспитания» Н.М. Рухленко; диагностику свойств личности (анкета «Уровень школьной мотивации» Н. Лускановой; «Лесенка» В.Г. Щур; «Цветовой тест» М. Люшера); изучение межличностных отношений «методика Рене Жиля». Также был использован метод экспертных оценок, в котором приняли участие классные руководители и психолог-педагог. Проведен анализ журнала успеваемости.

На первом этапе исследования получены результаты по методике «Стратегии семейного воспитания» Н.М. Рухленко. Выявление стилей семейного воспитания у исследуемых в полных семьях осуществлялось посредством изучения ответов обоих родителей, в неполных – соответственно, принимали участие по одному родителю.

Анализ результатов методики дал возможность сформировать три исследовательских группы в зависимости от стиля воспитания. В первую группу с авторитарным стилем воспитания вошли 54% детей из полных семей (12 детей), неполных (8 детей), многодетных (5 детей), под опекой (2 ребенка). Во вторую – с авторитарным стилем 24% детей из 5-ти полных семей и 7-ми неполных. Третью, составило 12 % детей с либеральным и 10 % с индифферентным стилем воспитания из 4-х полных, 3-х неполных и 4-х многодетных семей.

На втором этапе, проанализированы результаты уровня школьной мотивации, самооценки, эмоционального состояния, настроения, устойчивых черты личности и восприятия внутрисемейных отношений, что дало возможность перейти к третьему этапу исследования – изучению влияния стиля воспитания на формирование личности младших школьников.

Для выявления связей между результатами (стиль воспитания, свойства личности и межличностные отношения в семье), нами использовался коэффициент корреляции Пирсона. Представим анализ полученных взаимосвязей по всем методикам, последовательно рассмотрев каждую группу в соответствии со стилем родительского воспитания в семье.

Установлены достоверные (положительные) значимые связи между **авторитарным стилем воспитания и следующими показателями:**

- *Высоким уровнем школьной мотивацией* ($r=0,83$ при $p<0,01$). Данные результаты свидетельствуют о том, что, родители интересуются проблемами своих детей, в курсе событий их жизни и в школе, и вне ее. Признают за детьми права на саморазвитие, что способствует желанию задавать вопросы о новом фактическом материале на уроках, формирует желание и понимание необходимости учиться. Родители требуют от детей осмысленного поведения и стараются помочь им, чутко относясь к их запросам, проявляют твердость, заботятся о справедливости и последовательном соблюдении дисциплины, что формирует правильное отношение к учебе и школе в целом, способствует

ориентации на усвоение способов добывания знаний, способам саморегуляции учебной работы, рациональной организации своего учебного труда. Такие дети характеризуются целеустремленностью и высокой познавательной активностью.

- *Средним уровнем самооценки* ($r=0,89$ при $p<0,01$). В этих семьях родители уделяют детям достаточно много времени, положительно оценивают их физические и умственные возможности, но не считают уровень их развития выше, чем у большинства сверстников, оба родителя предъявляют одинаковые требования к детям, часто поощряют, но не подарками. Когда наказывают, не применяют физическую силу, оскорбления и запреты, наказание в основном является отказом от общения. Всегда поддерживают своих детей. У детей, воспитываемых в данных семьях сформировано положительное отношение к себе, они объективно оценивают свои возможности в учебе.

- *Лидерством* ($r=0,91$ при $p<0,01$). Родители с авторитетным стилем воспитания в приоритет ставят дружеское общение с детьми, устанавливают правила и цели, основываясь не на желаниях детей, а на прошлых и реальных достижениях, что является фактором формирования целеустремленности и лидерских качеств будущей личности. Дети, имея такой пример родителей, общаются уверенно, дружелюбно, утвердительно и мирно, проявляют активность при работе в группе, берут инициативу в свои руки, стремятся организовать не только свою деятельность, но и деятельность окружающих, активно общаются со сверстниками, могут повести за собой группу, занимают ведущие позиции в классе.

- *Преобладанием положительных эмоций* ($r=0,68$ при $p<0,01$). Родители внимательно слушают своих детей, сочувствуют, сопереживают, делятся своими проблемами, чувствами, обсуждают фильмы, книги, мультфильмы, разрешают конфликтные ситуации мирно, создавая положительную эмоциональную атмосферу дома. В школе у детей преобладает интерес, радость, свойственная данному возрасту непосредственность и импульсивность, что проявляется в их жестах, мимике, пантомимике.

- *Позитивное отношение к родителям* ($r=0,76$ при $p<0,01$). Высокий уровень положительной корреляции установлен при авторитетном стиле воспитания к семье в целом (матери, отцу, бабушке/дедушке, братьям/сестрам). Можно сказать, что в данных семьях родители безусловно принимают своих детей такими, какими он есть. Они ведут себя предсказуемо и последовательно, не враждебно, уважительно по отношению ко всем членам семьи. Что формирует позитивное восприятие детьми семьи в целом, а также высокие морально-нравственные чувства и уважение к социальным нормам.

Авторитарным стилем воспитания и такими показателями как:

- *Средним уровнем школьной мотивации* ($r=0,63$ при $p<0,01$). Воспитание в таких семьях отличается строгостью, дисциплиной и высокими стандартами к результатам обучения и оценкам. Родители редко хвалят за положительные оценки, указывая на то, что отличная оценка – это норма, при этом регулярно упрекают и наказывают за тройки, контролируют выполнение заданий и не

допускают ошибок в тетрадах. У данных детей выявлено положительное отношение к школе, но она привлекает внеучебной деятельностью. Дети достаточно благополучно чувствуют себя в ее стенах, но чаще ходят за общением с друзьями, с учителем, им нравится ощущать себя учениками. Познавательные мотивы сформированы в меньшей степени, и учебный процесс их мало привлекает.

- *Низким уровнем самооценки* ($r=0,62$ при $p<0,01$). Чрезмерная опека родителей, осуждение ими ошибок в поведении, мыслях и чувствах детей, приводят к отсутствию доверительных отношений между детьми и родителями. Такое воспитание способствует заниженной самооценке, выражается в том, что дети закрываются и считают себя причиной нелюбви со стороны взрослых, у них формируется неуверенность при принятии решений а, подчас, малодушие, агрессивность, конфликтность в общении.

- *Привязанностью к бабушке/дедушке* ($r=0,38$ при $p<0,05$). У данной группы респондентов прослеживается сильная привязанность к матери, но меньше, чем к бабушке/дедушке. Низкий уровень привязанности выявлен к отцу. Большая часть детей в младшем школьном возрасте, не воспринимают авторитарное отношение (насаждение родителями своих приемлемых моральных ценностей), по мере взросления и развития интеллекта, у детей накапливается недовольство родителями, появляется отчуждение и даже враждебность в отношении к отцу. В то время как бабушки/дедушки, часто жалеют, выслушивают, покрывают в ситуациях, когда дети провинились перед родителями, дают деньги на мелкие расходы.

Либерально-индифферентном стиле воспитания и показателями:

- *Низким уровнем школьной мотивации* ($r=0,38$ при $p<0,05$). В данных семьях прослеживается предоставление детям свободы действий и выбора, но в то же время, безразличие или полное отсутствие контроля за успеваемостью в обучении. Родители считают, что свобода или вседозволенность делает их детей счастливым и независимым. В итоге, у детей отсутствует распорядок дня, не формируется сила воли в качественном и своевременном выполнении учебных заданий. Все это ведет к развитию неуверенности в себе, не пониманию себя и своих интересов, отсутствию любых начинаний. Отражается на учебной мотивации отсутствием интереса, целей, слабой успеваемости, а соответственно, и отсутствию результата.

- *Низким уровнем самооценки* ($r=0,43$ при $p<0,05$). Родители, практикующие либерально-попустительский стиль воспитания, высоко оценивают или обесценивают своих детей, считают простительными слабости, доверяют или равнодушно относятся к мнению детей, не склонны к запретам, ограничениям и контролю. Из-за отсутствия ограничений и руководства у детей формируется нарушение самодисциплины, эгоистичность и требовательность к окружающим, недостаток социальных навыков, неуверенность в себе, отсутствие чувства собственного достоинства и позитивной самооценки.

- *Преобладанием негативных эмоций* ($r=0,23$ при $p<0,05$). В данных семьях родители относятся к детям с пренебрежением, равнодушием и

незаинтересованностью в их проблемах, игнорируют эмоциональные потребности детей. Отношения в семьях дистантные, обособленные, отчужденные, отсутствует доверие. Все это формирует у детей эмоциональную отчужденность, тревожность, замкнутости и недоверия к окружающим.

Таким образом можно утверждать, что у большей половины детей из разных семей на формирование личности влияет авторитетный стиль родительского воспитания, что способствует формированию гармоничного типа личности с высокой школьной мотивацией, положительной самооценкой, лидерскими качествами, общительностью, преобладанием положительных эмоций, уважением семьи, высокими морально-нравственными чувствами и социальным нормам. Четверть семей, применяют авторитарный стиль воспитания, способствуя формированию личности со средней школьной мотивацией, преобладающей низкой самооценкой, малодушием, агрессивностью, конфликтностью в общении. Так же четверть семей, используют либерально-индифферентный стиль родительского воспитания, что приводит к формированию личности с низким уровнем школьной мотивации, отсутствием чувства собственного достоинства и позитивной самооценки, преобладанием эмоциональной отчужденности, тревожности, замкнутости и недоверия к окружающим.

Перспективой дальнейшего исследования является разработка и внедрение программы повышения родительской компетентности и гармонизации детско-родительских отношений.

Список использованных источников

1. Дубинин, С.Н. Семейное воспитание как основной фактор развития личности ребенка / С.Н. Дубинин // СПО. – 2009. – № 5. – С. 29-31.
2. Овчарова, Р.В. Психологическое сопровождение родительства / Р.В. Овчарова. М.: Психотерапия, 2003. – 319 с.
3. Петровский, А.В. Дети и тактика семейного воспитания / А.В. Петровский. – М.: Просвещение, 2005. – 76 с.
4. Спирева, Е.Н. Воспитание с учетом индивидуально-психологических особенностей детей дошкольного и младшего школьного возраста / Е.Н. Спирева // Возможности практической психологии в образовании. – М.: УЦ «Перспектива». – 2003. – вып. 4. – С. 87-105.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ САОООТНОШЕНИЯ И СУПРУЖЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ ЖЕНЩИН**

Рогозина Марина Юрьевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНУ, г. Донецк)
(e-mail: muysan@mail.ru)*

В статье сделана попытка раскрыть особенности самооотношения работающих и неработающих женщин. Приведены результаты эмпирического исследования, доказывающего, что в отдельные характеристики самооотношения домохозяек выше, чем у работающих женщин. Показано, что самооотношение неработающих женщин в большей мере связано с характеристиками их супружеских отношений, а у работающих женщин такого количества связей самооотношения с параметрами супружеского взаимодействия нет.

Ключевые слова: самооотношение, супружеские отношения, работающие женщины, неработающие женщины, домохозяйки.

**INTERCONNECTION OF SELF-ATTITUDE AND MARRIAGE OF
WORKING AND NON-WORKING WOMEN**

Rogozina Marina Yurievna

*candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of
Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: muysan@mail.ru)*

An attempt is made in the article to reveal the peculiarities of the self-attitude of working and non-working women. The article presents the results of an empirical study proving that some characteristics of the self-attitude of housewives are higher than those of working women. It is shown that the self-attitude of non-working women is to a greater extent connected with the characteristics of their marital relations, while working women do not have such a number of self-attitude ties with the parameters of marital interaction.

Key words: self-attitude, marital relations, working women, non-working women, housewives.

Одной из особенностей современного мира является возникновение и функционирование большого количества разнообразных социальных институтов, направленных на противодействие какому-либо неравенству в обществе. Среди множества вариантов борьбы с дискриминацией, движение за гендерное равенство является одним их наиболее организованных и результативных, предполагающее не только активную борьбу и противостояние, но и теоретическое аргументированное обоснование своих

постулатов средствами различных отраслей наук, и гендерной психологии в том числе.

Современные представления о роли женщины в обществе включают в себя как стереотипную ведущую семейную роль жены и матери, так и появившуюся в прошлом веке профессиональную роль. Изучению психологических особенностей работающей женщины посвящено достаточно большое количество современных отечественных исследований. Среди изучаемых вопросов можно выделить: ролевой конфликт и чувство вины у работающей женщины (Гаврилица О.А., Горноста́й П.П., Кулагина Н.А., Соко́р Е.М.); особенности самореализации работающей женщины (Лодкина Е.В., Свиридова А.Н.); различные аспекты семейной жизни работающей женщины (Баскакова М.Е., Гайдукова Е.А., Кольцова Е.А., Моспан А.Н., Штроо В.А.); связь материнства и профессиональной деятельности женщины (Васягина Н.Н., Самоукина Н.В., Филиппова Г.Г.).

Однако, проводимые в последнее время опросы и исследования показывают значительный рост количества женщин, которые предпочитают отказаться от карьерного роста и выбрать роль домохозяйки [4]. Среди причин такого выбора выделяют как увеличение престижа роли хозяйки, исконно значимую в обществе роль матери, культивируемую в современном обществе, так и двойную перегрузку женщин в результате профессиональной деятельности, а также ведущую роль супруга в формировании жизненной стратегии женщины.

Исследования, посвященные изучению психологических особенностей женщин-домохозяек, выделяют достаточно большое количество возникающих у них проблем: неравенство в семье, связанное с материальной зависимостью от мужа; снижение самооценки женщины; возникновению чувства безнадежности и беспомощности; определенная социальная изоляция женщины и отсутствие разнообразия в общении; потеря самостоятельности и компетентности; склонность к фрустрации и депрессии [4].

Среди множества вопросов, рассматриваемых в современных гендерных исследованиях, проблема самореализации женщин в современном обществе занимает одно из центральных мест. Эффективность самореализации женщины будет зависеть не только от реальных внешних условий, в которых развивается личность, но и от отношения женщины к этим условиям и самой себе. Следовательно, одним из условий успешной самореализации женщины, является формирование у нее адекватного самоотношения.

Вопросам, посвященным изучению психологических особенностей и, в частности, самоотношения современных женщин посвящено достаточно большое количество научных исследований. Однако, следует отметить, что в работах, посвященных сравнению параметров самоотношения работающих и неработающих женщин, приводятся достаточно противоречивые результаты. В исследовании Белецкой А.А. и Каримовой Н.М. отмечается, что в целом уровень самоотношения работающих женщин выше, чем у неработающих, но при этом, у работающих женщин отмечен и достоверно более высокий

уровень внутренней конфликтности [3]. Данные различия в самоотношении авторы объясняют тем, что работающие женщины в большей степени удовлетворены результатами своей жизни, открыты новому, профессиональная деятельность позволяет раскрыть им свои скрытые возможности. Причину высокого уровня внутренней конфликтности авторы также видят в профессиональной деятельности работающих женщин и чувством вины, возникающим у них в результате совмещения семейных и профессиональных ролей.

В другом исследовании, посвященном изучению различий самосознания и самоотношения работающих и неработающих женщин (Андропова О.Е.) доказывалось, что домохозяйки показывают более высокий уровень самопринятия и в большей степени ориентированы на самопознание, а работающие женщины – на саморазвитие. Автор работы связывает такие различия с отсутствием у домохозяек «ролевого конфликта работающей женщины» и наличием широких возможностей для самореализации в удовлетворяющей женщин семейной среде [1].

Анализ проведенных работ показывает, что большинство авторов различия в самоотношении работающих и неработающих женщин видят именно в факте вовлеченности женщины в профессиональную деятельность и сопровождающих его как позитивных, так и негативных моментах, таких как социальная активность женщины, перспективы для профессионального и личностного развития, межличностные и внутриличностные конфликты, вызванные сочетанием профессиональных и семейных ролей. При этом связь самоотношения женщин и благополучия их отношений в семье практически не рассматривается.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей взаимосвязи самоотношения и супружеских отношений домохозяек и работающих женщин.

В данном исследовании принимало участие 60 женщин – 30 работающих женщин и 30 неработающих домохозяек (возраст испытуемых от 25 до 40 лет, все имеют высшее образование, все семьи имеют от одного до трех детей). Самоотношение женщин определялось при помощи методики исследования самоотношения (МИС) Пантеева Р.С. Различные аспекты семейных отношений женщин исследуемой выборки изучались при помощи следующих методик: «Особенности общения между супругами» (Алешина Ю.Е. с соавт.), «Распределение ролей в семье» (Алешина Ю.Е. с соавт.), «Опросник установок к сексу» (Айзенк Г.), «Шкала семейного окружения» (ШСО) (адаптация Куприянова С.Ю.).

Самоотношение как аффективная составляющая самосознания представляет собой переживание человеком своей ценности. Выделяют одномерный, структурный и функциональный подход к рассмотрению феномена самоотношения [2].

В настоящем исследовании самоотношение рассматривается как комплекс характеристик, обозначающих уверенность в себе, принятие и

положительное отношение к себе, чувство собственного достоинства, согласованность идеального и реального «Я» (функциональный подход). Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что в исследуемой выборке в целом уровень самоотношения домохозяек выше, чем у работающих женщин. Наибольшие различия в параметрах самоотношения в исследуемых группах связаны с представлениями женщин о собственной личности как субъекте деятельности (шкала «саморуководство») ($p \leq 0,01$). и ценности собственной личности для себя и других (шкала «самоценность») ($p \leq 0,01$). Домохозяйки в большей степени чувствуют обоснованность и последовательность своих внутренних побуждений и целей, оценивают себя более позитивно, осознают свою значимость для других. Они отчетливо переживают собственное «Я» как внутренний стержень, интегрирующий и организующий их личность и жизнедеятельность, считают, что их судьба находится в их собственных руках; чувствуют обоснованность и последовательность своих внутренних побуждений и целей. Подобные результаты совпадают с данными исследования Андроновой О.Е [1] и противоречат результатам, приведенным в работе Белецкой А.А. и Каримовой Н.М. [3].

Для изучения возможности существования связи самоотношения женщин с характеристиками их супружеских отношений был проведен корреляционный анализ. Его результаты позволяют сделать следующие обобщения: самоотношение в большей степени связано с параметрами супружеских отношений у домохозяек, чем у работающих женщин.

У работающих женщин отмечено наличие достоверных связей между следующими исследуемыми параметрами: между самоуверенностью женщин и экспрессивностью отношений в семье ($r=0,454$; $p \leq 0,01$); самопринятием и сформированностью морально-нравственных аспектов взаимоотношений между членами семьи ($r=0,495$; $p \leq 0,001$). Наибольшее количество достоверных связей отмечено между показателями самоотношения работающих женщин и параметрами их сексуальных отношений в паре.

В семьях женщин-домохозяек эти связи иные. Такая характеристика самоотношения как открытость достоверно связана со следующими элементами супружеского взаимодействия: психотерапевтичность общения, сплоченность, конфликтность, совместные достижения, морально-нравственные аспекты взаимоотношений, организованность семьи; фактор самоотношения «самоуверенность» связан со сплоченностью семьи, совместными достижениями, организацией активного отдыха, контролем в семье, открытостью отношений; саморуководство связано с сексуальной невротичностью, организованностью и открытостью отношений, контролем в семье; зеркальное «Я» связано с легкостью общения в семье, параметрами воспитания детей, материальным обеспечением, сплоченностью семьи, ориентацией на активный отдых, контролем и открытостью; фактор самоотношения «самоценность» связан со сплоченностью семьи, организацией и открытостью отношений, интеллектуально-культурной

организацией отношений; самопринятие женщин связано с морально-нравственными аспектами; самопривязанность – с контролем и организацией взаимоотношений.

Большое количество связей между самоотношением неработающих женщин и параметрами их супружеских отношений можно объяснить тем, что у домохозяек самоотношение в большей степени развивается благодаря семье, это определяется приоритетной реализацией женщины в семье и ориентацией на семейные роли, стремлением к традиционно женским качествам. Женщины находят удовлетворение в домашней работе исполняя семейные роли, такие как воспитание детей, организация семейной субкультуры, налаживание эмоционального климата в семье, организация развлечений, роль хозяйки.

У работающих женщин самоотношение развивается не только благодаря отношениям в семье, но и профессиональным достижениям в работе, карьерном росте. Именно профессиональная самореализация дает работающей женщине психологическую и экономическую самостоятельность, независимость, самоуважение, а семье работающие женщины при этом уделяют меньше внимания.

Таким образом, полученные результаты и анализ существующих исследований не позволяют сделать однозначные выводы об особенностях самоотношения работающих и неработающих женщин и факторах его определяющих. В качестве промежуточных обобщений следует отметить, что самоотношение женщин достаточно тесно связано с параметрами их отношений в семье. В случае, если женщина полностью разделяет существующий в современном обществе гендерный стереотип о ведущей для самореализации женщины семейной сфере и руководствуется им для формирования своих жизненных планов, то роль домохозяйки для нее является приоритетной и способствует наиболее полной самореализации личности. У работающих женщин самоотношение может модифицироваться не только благодаря отношениям в семье, но и профессиональным достижениям в работе, карьерному росту. Именно профессиональная самореализация дает работающей женщине психологическую и экономическую самостоятельность, независимость, самоуважение, однако, при определенных условиях, может быть источником внутренних конфликтов и оказывать деструктивное воздействие на самоотношение женщины.

Список использованных источников

1. Андропова О. Е. Особенности самосознания работающей и неработающей женщины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – №308. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samosoznaniya-rabotayuschey-i-nerabotayuschey-zhenschiny> (дата обращения: 30.11.2021).
2. Астрецов Д. А. Методологические подходы к изучению самоотношения в психологии / Д. А. Астрецов// Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-izucheniyu-samootnosheniya-v-psihologii> (дата обращения: 30.11.2021).

3. Белецкая, А. А. Изучение психологических особенностей работающих и неработающих женщин / А. А. Белецкая, Н. М. Каримова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2016. – Т. 16. – № 12. – С. 154-157.
4. Лодкина, Е. В. Социально-психологические аспекты самореализации современной женщины / Е. В. Лодкина, Л. А. Шевченко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2012. – № 2(7). – С. 69-78.

УДК 159.92+37.03

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Руденко Светлана Викторовна,

канд. психол. наук, доцент,

доцент кафедры психологии

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: Rudenko_SV@mail.ru)

Данная статья посвящена анализу психологических особенностей семейного чтения. Раскрыта сущность и особенности семейного чтения на современном уровне развития психологической науки. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей семейного чтения в современных условиях.

Ключевые слова: детское чтение, семейное чтение, психологические особенности семейного чтения.

ON THE PROBLEM OF STUDYING FAMILY READING IN MODERN CONDITIONS

Rudenko Svetlana Viktorovna,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of Department of Psychology

SEI HPE «Donetsk National University», DonNU (DPR, Donetsk)

(e-mail: Rudenko_SV@mail.ru)

This article is devoted to the analysis of the psychological characteristics of family reading. The essence and features of family reading at the modern level of development of psychological science are revealed. The results of an empirical study of the characteristics of family reading in modern conditions are presented.

Key words: children's reading, family reading, psychological characteristics of family reading.

Постановка проблемы. Во все времена семья играла и играет сейчас важнейшую роль в становлении личности каждого человека. И речь идет не только об обеспечении базальных, физиологических потребностей ребенка, но и о создании условий для развития его психики, становления его личности.

Социализация, освоение культурных ценностей, знакомство с традициями и обычаями своего народа и т.п. – их значение в развитии человека трудно переоценить. Существенной частью воспитания растущего человека является чтение, особенно – семейное чтение. Процессы неуклонной глобализации, цифровизации и виртуализации, конечно, сказываются на специфике рассматриваемого феномена, однако его роль в психическом развитии ребенка по-прежнему переоценить невозможно. В данной статье представлены результаты эмпирического изучения психологических особенностей семейного чтения в современных условиях.

Основная часть. Чтение обычно рассматривается как целенаправленная деятельность, способствующая развитию разносторонней и устойчивой личности. Такая специфическая деятельность может воссоздавать опыт, активизировать интеллектуальное и эмоциональное развитие, способствовать лучшему и более глубокому пониманию, пересмотру взглядов, становлению смысловых структур личности, изменению поведения и его мотивов и т.п. По мнению Е.А. Колосовой социализация ребенка посредством чтения охватывает практически все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образованию, во многом определяет развитие личности и последующее участие в общественной жизни [1].

В современной науке понятие семейного чтения, несмотря на повсеместное его употребление, не имеет четкого определения. Традиционным является рассмотрение данного феномена в качестве одной из моделей чтения. Ю.П. Мелентьева выделяет ряд основных характеристик семейного чтения [2]. В основе семейного чтения лежит практика «чтения вслух» (в отличие от «чтения про себя»), что вносит в сам процесс некоторую эмоциональность, чувство сопричастности, близости, способствует формированию общих интересов, доверительной, атмосферы, понимания. Семейное чтение предполагает совместное действие, со-действие, что способствует воспитанию сотрудничества, возникновению атмосферы совместного творчества, взаимопониманию между поколениями. Такое чтение должно осуществляться не эпизодически, а систематически, на постоянной основе. Семейное чтение формирует читательский вкус и предпочтения. В модели семейного чтения воплощаются и находят свою реализацию важные функции чтения – познавательная, воспитательная, развивающая, развлекательная, коммуникационная. Именно воспитательной функции, по мнению автора, отводится ведущая роль [2].

Вышесказанное обусловило цель данного исследования, а именно – изучение психологических особенностей семейного чтения. С целью их выявления мы использовали проективный метод. Применялась рисуночная процедура «Нарисуй, как читает ваша семья», в основу которой легла рисуночная анкета С.Н. Щегловой с некоторыми уточнениями. По инструкции детям предлагалось нарисовать, как читает их семья, а также ответить на ряд вопросов. Вопросы касались места ситуации семейного чтения, уточнения изображенных персонажей, отношения к отображаемой на рисунке ситуации,

выявления предпочтений в совместной деятельности и в избираемой литературе. Также, в случае необходимости, задавались вопросы уточняющего характера – для прояснения отдельных деталей рисунка. Полученные результаты обрабатывались с помощью метода контент-анализа. Среди категорий контент-анализа выделялись: место, персонажи, отношение к чтению (как вербальные, так и невербальные характеристики), эмоциональный фон, сюжет, жанр, размер, проработанность рисунка [3].

В обследовании приняли участие 243 ребенка, в возрасте преимущественно 7-9 лет. Были охвачены 13 городов и районов Донецкой Народной Республики: Торез – 22, Амвросиевский район – 5, Новоазовск – 3, Енакиев – 9, Тельмановский район – 47, Дебальцево – 8, Горловка – 21, Докучаевск – 5, Снежное – 7, Комсомольское – 5, Макеевка – 21, Старобешев – 5, Донецк – 85. Поскольку количество человек, принявших участие в обследовании в каждом городе, было различным, а также с целью обеспечения возможности сравнительного анализа результатов, полученные данные были переведены в проценты.

Полученные результаты предполагали анализ средних данных – для определения общих тенденций по выделенным категориям.

Ниже представлены средние показатели анализируемых особенностей чтения детей (Рис.).

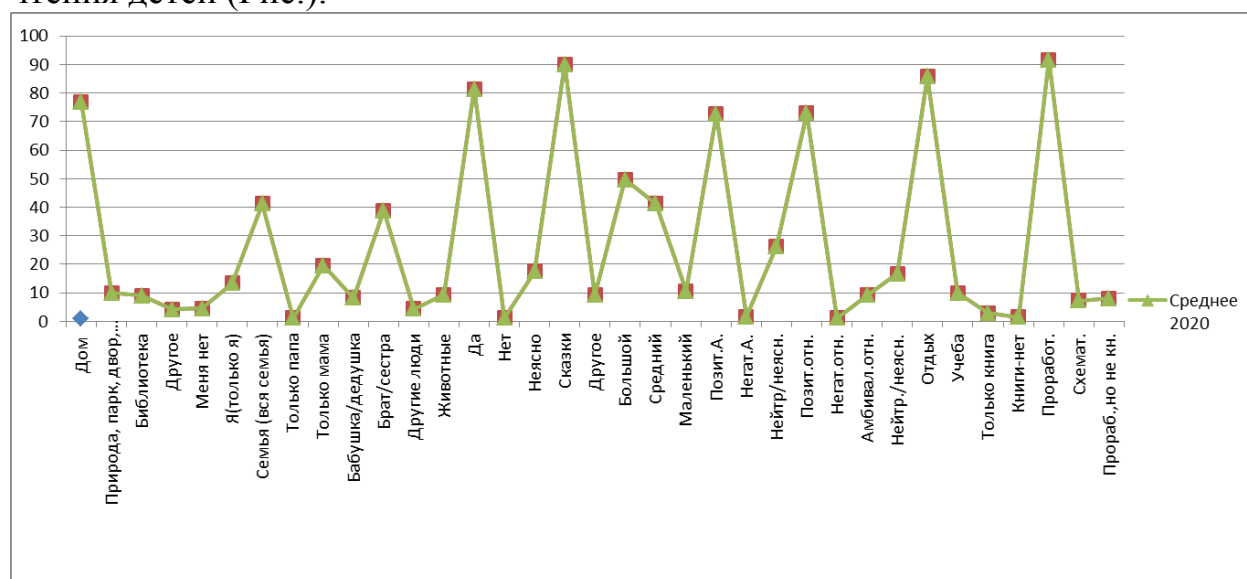

Рис. Результаты обследования

Обратимся к результатам обследования.

Анализ средних результатов показал следующее. 76,7% обследуемых расценивают семейное чтение как прежде всего домашнее времяпрепровождение. В работах таких детей были представлены дома, квартиры или комнаты обследуемых, показано место для чтения. Небольшая часть обследуемых предпочитает читать в библиотеке (9,08%), что, вероятно, может быть обусловлено условиями проведения обследования, а также спецификой знакомства с книгами в младших классах. Читать всей семьей на прогулке, на природе склонны всего лишь 10% детей. Менее 5% школьников

обозначили в качестве места для чтения что-либо другое. Сюда попали не только единичные рисунки, иллюстрирующие процесс чтения, например, вместе со сказочными персонажами, но и случаи, когда рисунок не позволял определить, где это происходит. Данные результаты вполне объяснимы, учитывая инструкцию к обследованию, типичные места для чтения, а также возрастные особенности детей.

Анализируя изображенных на рисунках персонажей, стоит отметить, что лишь 13,3% обследуемых на рисунке изобразили только себя. В 4,54% случаев изображения себя не было вообще. На остальных рисунках, наряду с изображением себя, присутствовали и иные персонажи – члены семьи, что подчеркивает адекватность представления детей о семье в целом и о семейном чтении – в частности. И, следовательно, данные результаты вполне отражают реальную картину жизнедеятельности детей и их семей. Всю семью на рисунке представили 41,15% школьников. При этом 38,8% из них отобразили ситуацию чтения вместе со своими братьями и сестрами. Несколько менее 20% занимают рисунки, на которых с ребенком читает только мама, в совсем небольшой их части (1,23%) представлен только папа. Интересно, что только одного из родителей (преимущественно маму) рисовали дети и из полных, и из неполных семей. Вероятно, обследуемые изображали преимущественно того родителя, который с ними (или им) читает в реальной жизни, и чаще всего этим родителем была мама. Менее 10% рисунков отражают совместное чтение с бабушками и дедушками. Такая же часть рисунков содержит изображение животных (которым читают или с которыми читают, как следует из последующих бесед с ребенком). Примечателен ряд рисунков (15,22%), не содержащих людей, но вместо них – животных, сказочных персонажей, иногда – только саму книгу. Подобные рисунки могут отражать не совсем точное понимание инструкции; «рисунок на заказ»; желание ребенка несколько абстрагироваться от чтения или же «поиграть» с исследователем; также подобные результаты могут выступать признаком погружения в мир сказочных героев.

Сюжеты большинства рисунков (85,8%) предполагают отдых – отдых дома, на море, на прогулке в парке и т.п. На 10% рисунков представлены различные учебные ситуации – на уроке в классе, на перемене, по дороге в школу или рядом со школой, в библиотеке. Последние случаи, на наш взгляд, также могут отражать особенности ситуации проведения обследования. Неожиданным выступило отсутствие изображения книги или ее заменителя, а также отсутствие изображения самой ситуации чтения. Этот факт нашел отражение в 1,5% работ и может свидетельствовать как о неточном понимании инструкции детьми, так и о косвенном негативном отношении к чтению и вызываемых чтением негативных эмоций и ассоциаций. При этом почти в 3% случаев изображена только книга, что также может говорить о неполном понимании инструкции, о формальном отношении к заданию, а также о вероятном косвенном негативном отношении не к чтению самому по себе, а лишь к ситуации семейного чтения.

Предпочитаемый литературный жанр представлен сказками (90% работ). Школьники называли русские народные сказки, произведения А.С. Пушкина, Н. Носова, Г.Х. Андерсена, К.И. Чуковского, Т. Янсон, Л. Кэрролла, А. Милна, Дж. Роулинг и пр. В 10% случаях дети предпочитали читать «о животных», «о динозаврах», «о природе», «рассказы», «приключения», «о войне», «энциклопедии»,

Отношение к чтению, как озвученное вербально, так и выявленное по невербальным характеристикам, более чем в 70% случаев оказалось положительным, что может говорить как о реально позитивном отношении к чтению, так и о влиянии на ответы фактора социальной желательности. Однако, учитывая такие характеристики рисунка, как взаимное соотнесение цветов, размера, детализованность, качество проработки и т.п., мы склоняемся к первому варианту нашей интерпретации данного показателя. Отмечается тщательность и детальность проработки рисунков книг, соотнесенность цветов книги с предпочитаемыми цветами главных персонажей, согласованность их поз, поворота головы и направления взгляда с книгой в руках, общее доброжелательное выражение лица. В небольшом количестве рисунков обнаружено амбивалентное отношение к чтению, как к делу необходимому, но не очень любимому. Только 1,23% случаев подчеркивает отрицательное отношение к чтению. Отношение же к чтению 17% обследуемых можно описать как нейтральное.

Основной эмоциональный фон в большинстве случаев (72,6%) был позитивным. Об этом свидетельствовали как сюжет рисунка и выражения лиц персонажей, так и технические характеристики выполнения работы: избранные цвета, качество штриховки и характер нажима карандаша при рисовании, тщательность проработки деталей, и т.п. В большинстве случаев чтение для детей сопряжено с положительными эмоциями. Лишь в 1,69% случаев атмосфера рисунка может быть охарактеризована как тревожная, гнетущая, как негативная в целом.

Размер изображений 50% рисунков был большим, 41% – средним, 10,6% – маленьким. Такие результаты свидетельствуют, с одной стороны, о значимости чтения в жизни детей (и минимум для половины из них чтение весьма значимо); с другой же, могут характеризовать развитость навыков рисования как такового: умение размещать рисунок на листе, выстраивать композицию и пр. Поэтому указанная категория рассматривается не изолированно, а в сочетании с другими категориями. Стоит отметить, что очень часто большему размеру рисунка соответствовал более позитивный эмоциональный фон и отношение к чтению.

Примерно 92% рисунков отличает проработанность изображения. Это может говорить об отношении к чтению, об отношении к заданию и, наконец, навыках рисования как таковых. Особый интерес вызвали рисунки (8%), в целом вполне качественно проработанные и детализированные, в отличие от изображенных на них книгах. Это может свидетельствовать о том, что ребенок устал или просто не очень хорошо рисует именно книги. Однако в сочетании с

качественной проработкой других элементов рисунка может рассматриваться как показатель амбивалентного и, в ряде случаев, негативного отношения ребенка к чтению.

Заключение. В завершении анализа детских рисунков, посвященных семейному чтению, стоит отметить, что и в современных условиях повсеместной цифровизации и виртуализации чтение имеет весомое значение в жизни детей. Конечно же, современная жизнь обязательно вносит свои коррективы. Задачами и взрослых, окружающих ребенка, и учреждений основного и дополнительного образования в целом, по-прежнему является формирование интереса, нахождение новых способов мотивирования детей к чтению, способствование созданию максимально благоприятной атмосферы для чтения. Семейное чтение незаметно прививает любовь и интерес к книге, дает возможность обсудить вместе с ребенком прочитанное, направить мысль в нужное русло, установить причинно-следственные связи, расширить кругозор. Семейное чтение активно способствует социализации ребенка, в ходе тесного общения укрепляются семейные и дружеские связи между членами семьи. Поэтому именно семейное чтение является одним из существенных и неотъемлемых факторов социализации ребенка и развития гармоничной личности в целом.

Список использованных источников

1. Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования. / Е.А. Колосова. – Москва : РГДБ, 2011. – 118 с.
2. Мелентьева Ю.П. Семейное чтение: теоретический аспект / Ю.П. Мелентьева // Библиосфера, 2011. – № 4. – С. 11–14.
3. Руденко С.В. Психологические особенности семейного чтения / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2021. – № 2. – 133 с. – С. 104-112.

УДК 316.6:159.9.01

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Сабирзянова Инна Викторовна

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии и психологии
Донецкая академия управления и государственной службы (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: sabirzyanova_i_v@mail.ru)*

В статье сделана попытка раскрыть содержание и специфику метакогнитивных процессов как «процессов управления процессами» – механизмов осознанного личностного управления собственной деятельностью. Показан механизм активизации регулятивных ресурсов личности в экстремальных, кризисных ситуациях и ситуациях неопределенности.

Ключевые слова: метапознание, когнитивные и метакогнитивные процессы, метакогнитивизм, ментальные структуры, социальная практика.

PSYCHOLOGICAL TRAINING OF FUTURE LAWYERS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Sabirzyanova Inna Victorovna

*candidate of Philosophical Sciences, associate professor
of the Department of Philosophy and Psychology*

Donetsk Academy of Management and public administration (DPR, Donetsk)

(e-mail: sabirzyanova_i_v@mail.ru)

The article makes an attempt to reveal the content and specifics of metacognitive processes as “process control processes” – mechanisms of conscious personal control of one's own activities. The mechanism of activating the regulatory resources of the individual in crisis, extreme situations and situations of uncertainty is shown.

Key words: metacognition, cognitive and metacognitive processes, metacognitivism, mental structures, social practice.

Важнейшая задача современного этапа развития науки – формирование человека способного не только к овладению информацией, но и к организации обратной связи – оценке и коррекции полученного знания, что особенно актуально в ситуациях неопределенности: будь-то личностный кризис или экстремальный опыт социального взаимодействия.

Метакогнитивизм как одно из новейших направлений психологических исследований предполагает изучение особого класса психических процессов – метакогнитивные процессы как «вторичных» по отношению к традиционно изучающимся когнитивным процессам, обозначаемым как «первичные», тем не менее метапознание является видом мышления второго и более высокого порядка, которое включает в себя функцию контроля над познавательными процессами. Предметное поле исследования в метакогнитивизме – это вся сфера метапознания – и качества личности, и знания с умениями и навыками. Основания нынешней проблематики метапознания усматриваются в различных направлениях психологического знания еще начала и середины XX века: *vigorous thinking* («энергичном мышлении» – Gray, 1925), *feeling of knowing* («чувстве знания» – Hart, Kuhlen, 1965), *tip of the tongue* (чувствах «на кончике языка» – Brown, McNeill, 1966). Отсюда метапознание в западной психологии понимается как «познание о познании» или «знание о знании», выражающееся в разнообразных формах и включающее сведения об активизации методик и стратегий в социальной практике: метапамять («память о памяти»), метамышление («мышление о мышлении»), «метакогнитивный мониторинг», совокупность рефлексивных процессов, ибо «живое знание представляет собой своего рода интеграл (суперпозицию) различных видов знания: знание к знанию, институционализирования знания, знания о знаниях и незнания»[1, с.12-13].

Проблема исследования метакогнитивных способностей находит отражение в работах отечественных и зарубежных авторов (А. Браун, Дж. Уилсон, А. Карпов, М. Холодная, Дж. Флейвелл).

Американский исследователь Дж. Флейвелл считается основателем метакогнитивизма, выделив три основных этапа развития метакогнитивных процессов – поиск (идентификация ситуации), запоминание (актуализация в памяти всей информации, связанной с решением текущих задач) и извлечение (систематизация информации не только для текущих задач, но и для прогнозируемых) [4]. Как реакция субъекта формируется метакогнитивный опыт – сложный аффективно-когнитивный комплекс, обеспечивающий включение в различные виды деятельности. Метакогнитивный уровень опыта организует регулятивные ресурсы личности, которые позволяют управлять процессом решения задачи в ситуациях, связанных с трудностями. Среди источников, активизирующих формирование и развитие метакогнитивного опыта, Дж. Флейвелл назвал: ситуации выбора, неопределенности, сложные обстоятельства, в которых субъект должен выбрать определенный способ реагирования, ситуации, требующие высокой ответственности, поскольку последствия важны для дальнейшей жизнедеятельности субъектов. Позже в этот список были включены эмоционально насыщенные ситуации (кризисные, травмирующие) [3]. Далее Дж. Флейвелл выделяет структурные элементы метакогнитивного процесса. Метакогнитивные знания – область знания, которая относится к познавательной деятельности (ее целей, задач, действий) и знания относительно собственных индивидуальных особенностей восприятия, памяти, решения задач. В отличие от когнитивных процессов, которые, по мнению Дж. Флейвелла, должны осуществлять познавательный процесс, метакогнитивные цели и стратегии – это процессы, направленные на контроль и регуляцию познания. А значит, метакогнитивный опыт он понимает как любой сознательный опыт, связанный с интеллектуальным процессом.

Метакогнитивные способности – способность психики человека максимально точно контролировать и регулировать свою когнитивную деятельность (поставить цель, планировать свою деятельность, осуществить контроль и оценить эффективность деятельности). На каждом этапе результат выполненной операции будет зависеть от личностных характеристик субъекта [3-8].

Особое значение для дальнейших размышлений автора имеет концепция интеллекта М. А. Холодной, где личностный метакогнитивный опыт, как основа регулирования эффектов в работе интеллекта, реализуется посредством четырех типов ментальных структур, обеспечивающих различные формы саморегуляции интеллектуальной деятельности:

- невольный интеллектуальный контроль – обеспечивает когнитивные стили;

- произвольный интеллектуальный контроль – способности, направленные на постановку целей, определение способов их достижения, последовательности действий и контроль результатов;

- метакогнитивная осознанность – уровень и тип интроспективных представлений человека о своих индивидуальных интеллектуальных возможностях;

- открытая познавательная позиция – вариативность субъективных способов восприятия и осмысления [2].

Важной проблемой в метакогнитивизме является проблема способности субъекта к метапознанию. Считается, что метакогнитивная одаренная личность может воспринимать себя такой, которая способна эффективно решать значительное количество задач на основе предыдущего опыта с помощью имеющихся стратегий [2].

Метакогнитивные знания направляют направление познавательной активности за счет преднамеренного, осознанного поиска в памяти определенной информации или через неосознанные автоматизированные когнитивные процессы, которые активизируются в пределах определенных стратегий.

Таким образом, современный этап развития наук в эру упрощенного доступа к информационным технологиям нивелирует необходимость традиционной передачи знаний, умений и навыков, выдвигая совершенно иные квалификационные требования и компетенции – наличие и развитие аналитических способностей, проектного мышления, технологий самообразования и самосовершенствования. Одним из путей совершенствования профессиональной подготовки будущих специалистов в условиях модернизации образования на основе евроинтеграционных процессов является формирование у них особых интегрирующих, надпредметных свойств, которые обеспечивают не только контролирующую и регулирующую функции их умственной деятельности (собственно академической успеваемости), но и ориентируют в плоскости решения полисистемных личностных и профессиональных задач – плоскости сквозного саморазвития, самосовершенствования [2, с. 6].

Основная функция метакогнитивных процессов – произвольно управлять когнитивными процессами для достижения желаемого результата. Способность психики осуществлять метакогнитивные процесс – «процесс управления процессами» – и тем самым управлять своей познавательной деятельностью включает в себя активный контроль над выполняемыми субъектом познавательными действиями и установление необходимых связей между ними для движения поставленной цели. Специфика метакогнитивных процессов как процессов управления процессами позволяет нам определить их как особый, «идеальный» класс систем, представленных только своей функцией. Структурно «идеальные» системы представляет собой комплекс определенных психических операций (действий), взаимодействие которых создает новое, системное свойство, обеспечивающее субъекту способность

контролировать и управлять процессом. Такие системы существуют только «в движении», как процесс, и только при необходимости субъекта управлять и контролировать своими когнитивными процессами, что, на наш взгляд, и является существенным отличительным признаком данного класса систем.

Список использованных источников

1. Зинченко В. П. Перспектива ближайшего развития развивающего образования / В.П. Зинченко // Психологическая наука и образование. – 2000. – № 2. – С. 18-44.
2. Основные тенденции развития современного метакогнитивизма: методические указания / А. А. Карпов ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2015. – 72 с.
3. Флейвелл Дж. Генетическая психология Ж. Пиаже / Дж. Флейвелл. – М. : «Просвещение». – 598 с.
4. Флейвелл Дж. Когнитивное развитие и метапознание / Флейвелл Дж. // Горизонты когнитивной психологии: [хрестоматия] / под ред. В. Ф. Спиридонова и М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – 437 с.
5. Alexander P.A. A model of domain learning: reinterpreting expertise as a multidimensional, multistage process // Motivation, emotion, and cognition: integrative perspectives on intellectual development and functioning [ed. by D. Y. Dai and R. J. Sternberg] / P.A. Alexander. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 273-298.
6. Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring : A new area of cognitive developmental inquiry / J. H. Flavell // American Psychologist. – 1979. – № 34. – P. 906-911.
7. Kruger J. Unskilled and unaware of it: How difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments / J. Kruger, D. Dunning // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – V. 77. – № 6. – P. 1121-1134.
8. Moshman D. Intellectual Freedom for Intellectual Development / D. Moshman // Liberal Education, Summer, 2003.
9. Rasekh Z. E. Metacognitive strategy training for Vocabulary Learning / Z. E. Rasekh, R. Ranjbary // Teaching English As Second or Foreign Language. – 2003. – Vol. 7. – № 2. – P. 1-5.

МНОГОДЕТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Самотаева Элла Александровна

*канд. психол. наук, доцент кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой народной Республики (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: samella2012@mail.ru)*

В статье на основании анализа и обобщения материалов научных публикаций, рассматривающих психологически особенности многодетных семей и их психологические проблемы, обозначены ключевые психологические особенности современной многодетной семьи. Многодетная семья представляется как сложное системное образование, являющееся достаточно редким и нетипичным для современного общества и пока еще мало изученным явлением.

Ключевые слова: многодетная семья, феномен многодетности, мотивация многодетности, семейное благополучие, дети, родители, психологическая помощь семье.

LARGE CHARITY AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Samotaeva Ella Alexandrovna

*candidate of Psychological Sciences, associate professor,
at the department of sociology of management
Donetsk academy of management and public administration
under the Head of the Donetsk People's Republic (DPR, Donetsk)
(e-mail: samella2012@mail.ru)*

In the article, based on the analysis and generalization of materials from scientific publications that examine the psychological characteristics of large families and their psychological problems, the key psychological characteristics of a modern large family are outlined. A large family is presented as a complex systemic formation, which is quite rare and atypical for modern society and as yet little studied phenomenon.

Key words: large family, the phenomenon of large families, motivation to have many children, family well-being, children, parents, psychological assistance to the family.

Многодетная семья является редким и нетипичным явлением для современного общества. Вместе с тем, именно на многодетную семью в современных условиях демографического кризиса возлагаются значительные надежды. В частности, В Российской Федерации в качестве приоритетной задачи Государственной семейной политики до 2025 г. обозначено повышение рождаемости за счет увеличения доли многодетных семей, что в свою очередь, может способствовать экономическому и социальному развитию страны.

Социальная политика Донецкой Народной Республики также не обходит своим внимание многодетные семьи. Во-первых, они уже в силу своей структуры являются уязвимыми в достаточно непростых социально-экономических условиях. Во-вторых, социально благополучные многодетные семьи могут способствовать сохранению семейных ценностей в период, все чаще обозначаемый в различных научных источниках как кризис традиционных семейных ценностей. В частности, 8 июля 2021 г. – в День семьи, любви и верности – Глава Донецкой Народной Республики Д В. Пушилин на встречах с многодетными семьями, которые воспитывают пятерых и более детей, отметил, что сильное государство невозможно без крепкой семьи, а крепкая семья – это ежедневный труд всех ее членов, и что пример семей с большим количеством детей вдохновляет на этот труд [5].

Разделяя мнение Главы ДНР, тем не менее, отметим, что многодетные семьи характеризуются специфическими психологическими особенностями и сталкиваются со специфическими трудностями. И если экономические трудности многодетных семей хотя бы частично компенсируются за счет социальных выплат и различных льгот, то психологические трудности данной категории семей остаются вне поля зрения. Это объясняется в первую очередь тем, что многодетная семья – явление сложное, не однозначное и еще слабо изученное.

Отсюда, цель данной статьи – проанализировать и обобщить научные публикации, рассматривающие те или иные психологические особенности многодетных семей и их психологические проблемы. Другими словами, предпринять попытку составить своеобразный психологический портрет современных многодетных семей, или, другими словами, дать краткую характеристику многодетности как психологическому феномену.

Следует отметить, что феномен многодетности на фоне многочисленных психологических исследований, посвященных различным вопросам семьи и семейных отношений, все еще остается мало изученным. Среди известных нам работ как наиболее глобальный труд следует выделить монографию Е. А. Силиной и Л. Л. Баландиной [6]. Интересным представляется ракурс работ И. С. Деминой – автор рассматривает особенности отношения многодетных родителей к семье в сравнении с отношением к семье малолетних родителей. Ряд работ посвящен психологической помощи многодетным семьям. Такие работы носят прикладной характер, так как рассматривают, как правило, организацию психологического сопровождения многодетных семей на базе конкретных социальных и образовательных учреждений. Значительно больше внимания феномену многодетности уделяется в других науках – встречается достаточно большое количество социологических, демографических, медико-генетических исследований многодетных семей. Тем не менее, в этих работах можно обнаружить некоторые психологические моменты, позволяющие внести в общее представление о многодетности дополнительные штрихи.

Многодетные семьи условно можно разделить на две большие группы: благополучные и кризисные (рис.).

Рис. Обобщенная классификация многодетных семей

Благополучие или неблагополучие (кризисность) многодетной семьи изначально определяется мотивацией многодетности. Для благополучных семей многодетность является осознанным выбором. Он и дает возможность семье справляться с жизненными трудностями, неминуемо сопровождающими многодетность: социальными, экономическими, психологическими. У такой семьи имеется для этого достаточно психологических ресурсов [4]. Сам осознанный выбор многодетности свидетельствует о четких жизненных приоритетах родителей, их психологической зрелости. Оба вида кризисных семей объединяет то, что они не могут самостоятельно справиться с различными жизненными трудностями и нуждаются в социальной и психологической помощи. Можем предположить, что незапланированная многодетность свидетельствует, если не о явном неблагополучии (девиантности родителей, их склонности к аддикциям и т. п.), то, по крайней мере, о сложностях в саморегуляции, и, следовательно, в недостатке ответственности за принятые решения. Осознанная «меркантильная» многодетность несет еще большую опасность, так как дети в такой семье выступают не целью, а средством. Даже при достаточно приемлемом с социальной точки зрения отношении к детям, психологическое благополучие детей в таких семьях остается под сомнением.

Благополучность семей с осознанным выбором многодетности понятие достаточно обобщенное, поскольку, как показано в исследовании Е. А. Силиной и Л. Л. Баландиной, такие семьи наряду с положительными характеристиками, демонстрируют и достаточно неоднозначные моменты.

Среди положительных характеристик, выявленных авторами монографии, можно выделить сплоченность членов многодетных семей, их эмоциональную направленность на семью [6]. В других работах отмечены также такие

положительные характеристики многодетных семей, как психологическая устойчивость родителей к стрессам, структурированность семейной системы (авторитет родителей, четкое распределение семейных обязанностей и др.), взаимовыручка, ответственность друг за друга [1, 3, 4].

В то же время, в многодетных семьях отношение родителей к детям является менее близким и эмоционально теплым по сравнению с семьями с единственным ребенком, в которых отмечается более близкие эмоциональные контакты с родителями и более благоприятный характер семейной ситуации в целом. У детей из многодетных семей в возрасте 8-10 лет несколько затруднено общение со сверстниками. Е. А. Силина и Л. Л. Баландина объясняют это тем, что ребенок из многодетной семьи, удовлетворив потребность в общении с детьми в кругу семьи, не стремится к развитию контактов со сверстниками. Часть таких детей испытывают чувство неуверенности и даже некоторой отгороженности, которое как раз и связано с неумением и / или нежеланием общаться с детьми вне семьи. В подростковом возрасте стремление к общению со сверстниками увеличивается, но, в то же время, отношения с братьями и сестрами остаются для подростков из многодетных семей наиболее значимыми [6]. По-видимому, такими специфическими особенностями детей из многодетных семей объясняется выявленная авторами монографии закономерность: взрослые люди – выходцы из многодетных семей, в сравнении со взрослыми, которые являлись единственными детьми в семье, являются менее адаптированными в личностной и социальной сфере.

Своими специфическими особенностями, которые нельзя однозначно отнести к положительным или отрицательным, отличаются и отношения многодетных родителей к своей родительской роли. Например, это проявляется в оценке своей несамостоятельности как родителя у многодетных матерей и ориентации на доминирование как родителя у многодетных отцов [6].

И. С. Демина обращает внимание также на особенности отношения к семье у многодетных родителей, связанных с количеством детей в семье: чем больше появляется детей в семье, тем менее выраженной становится ориентация на воспитание образованного человека, возрастает ориентация на подавление агрессивности детей [3].

Обозначенная нами схематическая «зарисовка» психологических особенностей многодетных семей имеет практическую направленность. Из всего, обозначенного выше, следует, что многодетные семьи и дети из этих семей заслуживают пристального внимания со стороны специалистов, прежде всего – психологов, наряду со специалистами социальной сферы и педагогами.

Как уже отмечалось выше, в программах поддержки многодетных семей явно недооценивается психологическая поддержка. Согласимся с Е. В. Гуткевич, утверждавшей, что современное общество испытывает потребность в создании новых организационных форм социальной помощи семье, направленных на оздоровления семейных отношений с помощью комплексных психолого-образовательных технологий и психологических практик [2].

С учетом выявленных специфических психологических особенностей многодетных семей, можно предложить некоторые рекомендации специалистам (психологам, социальным работникам) по психологически-ориентированной работе с многодетной семьей:

1) необходимо использовать комплексный подход как при исследовании социально-психологических характеристик всех членов многодетной семьи, так и при организации ее дальнейшего психологического сопровождения;

2) заниматься психологическим просвещением как самих многодетных родителей, так и специалистов, работающих с детьми из многодетных семей – учителей, воспитателей, специалистов социальных служб – по вопросам специфики воспитания ребенка в многодетной семье;

3) знакомить родителей и детей с техниками эффективного общения, конструктивного выхода из конфликтов;

4) выявлять наиболее благоприятные факторы, эффективные формы и методы семейного воспитания в многодетных семьях и оказывать помощь каждой отдельной многодетной семье для активизации благоприятных факторов и использования эффективных методов при воспитании каждого ребенка;

5) обобщать и повсеместно распространять опыт успешного семейного воспитания в многодетной семье;

Также необходимым представляется усиление научного интереса к феномену многодетности, в частности стоит проводить научно-практические конференции по проблемам многодетной семьи с участием различных специалистов.

Таким образом, многодетность как психологический феномен является мало изученным и достаточно интересным и перспективным объектом для дальнейших исследований. Многодетные родители и дети из многодетных семей отличаются своими специфическими особенностями по сравнению с малолетними родителями и детьми из малолетних или одолетних семей. В своем большинстве, эти особенности не носят явно положительной или явно отрицательной окраски, но требуют внимания психологов, педагогов, социальных работников.

Многодетные семьи – надежда нашего общества. Но и они сами, в свою очередь, вправе рассчитывать на психологическую поддержку и комплексную разностороннюю помощь.

Список использованных источников

1. Басанова Е. Е. Проблема интегративного исследования семьи // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2015. – Вып. 4 (39). – С. 66-81.
2. Гуткевич Е. В. Современная семья в аспекте психологии здоровья личности: проблемы развития и возможности превенции / Е. В. Гуткевич // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 51. – С. 120-131.
3. Демина И. С. Особенности отношения многодетных родителей к семье. автореф. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 – социальная психология / Демина

Инна Сергеевна; Институт психологии Российской Академии наук – М., 2004. – 28 с.

4. Евтух Т. В. Родительские установки в моноэтнических и полиэтнических супружеских парах / Т. В. Евтух, Я. С. Рудько // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 11-5 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/roditelskie-ustanovki-v-monoetnicheskih-i-polietnicheskih-supruzheskih-parah> (дата обращения: 04.12.2021).
5. Министерство информации ДНР – официальный сайт [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mininfodnr.ru/silnoe-gosudarstvo-nevozmozhno-bez-krepkoy-semi-denis-pushilin-nagradil-mnogodetnye-semi-respubliki/> (дата обращения: 03.12.2021 г.).
6. Силина Е. А. Какие они, дети из многодетных семей? (Психологический очерк индивидуальности детей из многодетных семей): монография / Е. А. Силина, Л. Л. Баландина. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. – 161 с.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ И ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Симинякина Людмила Владимировна

*Магистрант ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»*

(Россия, г. Тула)

(e-mail: na_peshkova@mail.ru)

Пешкова Наталья Александровна

доцент кафедры специальной психологии

*ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»*

канд. психол. наук, доцент

(Россия, г. Тула)

(e-mail: mila.siminyakina@mail.ru)

В статье рассматривается проблема профессионального становления студентов с инвалидностью и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Отмечается необходимость организовать работу по профориентации с лицами данной категории, учитывать их психофизические возможности. Представлены особенности профессионального самоопределения данной категории лиц.

Ключевые слова: студенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, профориентационная работа.

FEATURES OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS WITH DISABILITIES AND PERSONS WITH DISABILITIES

Siminyakina Lyudmila Vladimirovna

*Master student of the Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Tula State*

Pedagogical University named after L.N. Tolstoy "

(Russia, Tula)

(e-mail: na_peshkova@mail.ru)

Peshkova Natalia Alexandrovna

*Associate Professor of the Department of Special Psychology
"Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy "*

Cand. psychol. Sciences, Associate Professor

(Russia, Tula)

(e-mail: mila.siminyakina@mail.ru)

The article deals with the problem of professional development of students with disabilities and persons with disabilities. The need to organize work on vocational guidance with persons of this category, to take into account their psychophysical capabilities is noted. The features of professional self-determination of this category of persons are presented.

Key words: student with disabilities and disabilities, career guidance work.

Количество молодых людей с инвалидностью, согласно статистическим исследованиям, ощутимо увеличивается. При этом профессиональное образование лиц с инвалидностью и лиц без ограничений по здоровью является одной из главных задач, решение которой необходимо искать специалистам в этой области [1].

В связи с вступлением в силу приказа № 1309 от 9 ноября 2015г. Минобрнауки «Об утверждении порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере образования, а также оказания им при этом необходимой помощи», особое значение имеет получение высшего образования, профессиональных умений и навыков людьми с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью [3].

Лица с инвалидностью имеют особые права при поступлении в высшие учебные заведения, гарантированные ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (Статья 71. Особые права при приеме на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета) [5].

Поступление вне конкурса, с одной стороны, способствует получению лицам с инвалидностью высшего образования, но с другой, – у данной категории зачастую уровень знаний ниже, чем у абитуриентов, прошедших конкурсный отбор. В следствие это создает определенные трудности в овладении профессиональными компетенциями. В то же время на рынке труда сложилась жесткая конкуренция, и работодатели заинтересованы в высокопрофессиональных специалистах, которым не потребуется создание

специальных условий труда (специализированного рабочего места, особого графика). Поэтому многие лица с инвалидностью, имеющие высшее образование, не являются конкурентно способными на рынке труда.

Исходя из этого, при организации профориентационной работы необходимо уделять особое внимание тому, чтобы лица с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, с одной стороны, стремились стать уникальными высокопрофессиональными специалистами по направлениям трудовой деятельности, востребованным на рынке труда в той местности, где они проживают или планируют проживать, а с другой – выбирали такие профессии, где нарушение здоровья не будет препятствовать выполнению должностных обязанностей.

Нынешняя государственная политика в области профориентации лиц с ограниченными возможностями здоровья обусловлена необходимостью системного подхода и учета их психофизиологических возможностей и состояния здоровья, а для людей с ограниченными возможностями – рекомендаций федерального учреждения медико-социально-реабилитационной экспертизы в индивидуальной программе реабилитации и абилитации инвалида, содержащих рекомендации по выбору профессии [2].

При этом необходимо учитывать, что современный подход к профессиональному ориентированию предполагает комплексный подход.

Наличие в работе разных социальных институтов и разнообразных психологических центров (центры занятости, центр профориентации, разнообразные общества) необходимо сочетать с работой соответствующих социальных институтов и различных психологических центров (центр занятости, центр профориентации), а также использовать различные возможности передачи информации, относящейся к профессиональному выбору лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью [4].

Целью профессиональной ориентации выступает постепенное формирование у студента с ограничениями по здоровью намерений и желания самостоятельно и осмысленно продумывать и осуществлять перспективы своего развития (профессионального, социального и личностного).

Особенности профессионального самоопределения студентов с ограничениями по здоровью и инвалидности:

- профессиональное самоопределение является фрагментарным и характеризуется отсутствием учебной и трудовой мотивации;
- характеризуется отсутствием осмысленного выбора, недостаточным представлением о профессиях и отсутствием возможностей сделать социально и экономически обоснованный выбор;
- неадекватным отношением к миру профессий и ценностей, неумением планировать профессиональные и жизненные перспективы [2].

При профессиональном самоопределении и трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью на этапе обучения в вузе должны быть учтены следующие факторы: состояние здоровья, соотнесение его с требованиями профессии; знание студентом своих

личностных особенностей, возможностей и способностей; информированность о видах профессиональной деятельности для дальнейшего выбора той профессии, которая соответствует индивидуальным способностям; позиция родителей.

При выборе профессии необходимо следовать основаниям профессионального самоопределения, которые выделил Е.А. Климов: «хочу»; «могу»; «надо» [2].

Учитывая комплексный характер работы по профессиональному самоопределению и трудоустройству лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, к ней должны быть привлечены не только образовательные организации, территориальные центры профессиональной ориентации, центры психологической поддержки населения, но и организации здравоохранения, которые, в ходе регулярно проводимых профилактических осмотров данной категории лиц, выявляют имеющих отклонения в состоянии здоровья, их профессиональную пригодность, а также службами занятости.

Таким образом, главной целью профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью является помощь в трудоустройстве, карьерном росте и содействии адаптации их в обществе.

Список использованных источников

1. Кавокин С.Н., Гаубрих Н., Чикинова Н.Л. Образование инвалидов как компонент их комплексной реабилитации // Инновации в российском образовании. Специальное (коррекционное) образование. – М.: МГУП, 2018.
2. Методическое пособие «Организация работы по профориентации обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов / Авторы-составители: – Можейко А.В., Чичканова Е.Л., Кожевникова И.В., Малышкина Н.В. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2019. – 60 с.
3. Приказа № 1309 от 9 ноября 2015г. Минобрнауки «Об утверждении порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере образования, а также оказания им при этом необходимой помощи» [Электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=279624>
4. Пряжникова Е.Ю. Проблема профессиональной ориентации лиц с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] URL: [HTTP://WWW.XN----JTBIBBRLDCUEW.XN--P1AI/](http://WWW.XN----JTBIBBRLDCUEW.XN--P1AI/)
5. ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (Статья 71. Особые права при приеме на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/46a162e9a1bb082c0b7a1643927c9a344c20a2ec/

УДК 159.9

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ СМИ НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОТ НЕМЫСЛИМОГО К ДОПУСТИМОМУ

Ситнова Ирина Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент

кафедры Морально-психологического обеспечения

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище»

(ДНР, г. Донецк)

(e-mail: i.sitnova2016@yandex.ru)

Статья посвящена анализу механизмов влияния современных СМИ на сознание и поведение человека. Основной акцент сделан на подход Дж. Овертона, который предложил универсальные закономерности превращения немыслимого события в допустимое.

Ключевые слова: потребностно-мотивационная сфера, интеллектуально-познавательная сфера, эмоционально-волевая сфера, коммуникативно-поведенческая сфера психики.

MECHANISMS OF THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON HUMAN BEHAVIOR: FROM THE IMPOSSIBLE TO THE ACCEPTABLE

Sitnova Irina Valerievna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the

Department of Moral and Psychological Support

"Donetsk Higher Combined Arms Command School",

(DPR, Donetsk)

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of influence of modern media on the consciousness and behavior of a person. The main emphasis is placed on the approach of J. Overton, who proposed universal laws for the transformation of an unthinkable event into a permissible one.

Key words: need-motivational sphere, intellectual-cognitive sphere, emotional-volitional sphere, communicative-behavioral sphere of the psyche.

Средства массовой информации, включая интернет-пространство и ресурсы социальных медиа, стали практически единственным источником отражения и интерпретации реальных событий и явлений в Мире, поскольку формируют информационную повестку дня и определяют степень значимости тех или иных факторов и событий во всех сферах жизнедеятельности общества. Именно СМИ определяют характер общественной оценки социальной действительности, а также то, что можно считать фактами и событиями. Объективно существующие факты, которые не вписались в формируемую СМИ повседневность не находят своего отражения в общественном сознании. В итоге формируется система мнений, установок, стереотипов и ограничений, которые в свою очередь

непосредственным образом влияют на реакции, оценки и модели поведения людей, живущих в разных культурах и регионах. Методика такого воздействия проста, поскольку воздействует на человека по таким каналам, которые меньше всего контролируются сознанием, и лежат в сфере бессознательного [1]. И, события, которые ещё совсем недавно оценивались как немыслимые, становятся вполне себе допустимыми.

Цель статьи – анализ и обобщение современного состояния проблемы влияния на деятельность человека личностных и ситуационных факторов, а именно влияния современных СМИ и компьютерных технологий на сознание и поведение человека.

Можно утверждать, что психологическое воздействие СМИ оказывает влияние на все сферы человеческой психики, а именно: на потребностно-мотивационную ее сферу (знания, убеждения, ценностные ориентации, влечения, желания); на интеллектуально-познавательную сферу (ощущения, восприятие, представления, воображения, память, мышление); на эмоционально-волевою сферу (эмоции, чувства, настроения, волевые процессы); на коммуникативно-поведенческую сферу психики (характер и особенности общения, взаимодействия, межличностное восприятие и др.) [2].

Чтобы разобраться в механизмах влияния современных СМИ на сознание и поведение человека, представим этапы, которые Дж. Овертон оценил как универсальные закономерности превращения немыслимого в допустимое события. Свой метод Дж. Овертон назвал технологией расчеловечивания людей [3].

Первый этап является шагом «от немыслимого к радикальному». Под прицелом оказывается эмоциональная сфера психики человека, это отражается на внутренних переживаниях, а также межличностных отношениях. Отвергаемую, кажущуюся абсурдной идею (например, однополые браки) надо начать публично обсуждать. Хотя тема и вызывает со стороны общества преимущественно негативную реакцию, её обсуждение подтверждает факт существования данного явления и его претензии на особое место в публичном пространстве.

Второй этап или шаг «от радикального к приемлемому». Воздействие направлено на потребностно-мотивационную сферу психики, результаты сказываются на направленности и силе побуждений (влечений и желаний) людей. Осуществляется целенаправленное воздействие на массовое или групповое сознание с целью создания определенной установки. В результате немыслимая ранее идея воспринимается как нечто, уже присутствующее в жизни и потому допустимое (хотя пока ещё нежелательное).

Третий этап – шаг «от приемлемого к разумному». Сочетание воздействий на обе названные сферы позволяет влиять на волевою активность людей и таким образом управлять их поведением. На третьем шаге обсуждений проблемы в общественном сознании формируется установка на необходимость непредвзятого отношения к немыслимой, неприемлемой ранее идее. Происходит формирование отношения к ней как к такой данности, с которой нельзя не считаться.

Четвертый этап – шаг «от разумного к популярному». Влияние на коммуникативно-поведенческую сферу (специфику взаимоотношений и общения) позволяет создать социально-психологический комфорт, заставить людей сотрудничать либо конфликтовать с окружающими. В сознании людей формируется такое стремление поддержать идею, при котором её приверженцы уже не воспринимаются как противники.

Пятый этап – шаг «от популярного к норме». Психологическое воздействие на интеллектуально-познавательную сферу человека позволяют в нужную сторону его представления, характер восприятия вновь поступающей информации, а в тоге его картины Мира. Превращение ранее немыслимой идеи в стереотип мышления и поведения большей части общества. На этом шаге обсуждений идея может быть закреплена в законодательных актах или стать незыблемой нормой общественной морали. В западном мире сейчас так происходит с легализацией однополых браков.

Таким образом, восприятие событий и ситуаций освещаемых СМИ и формирование трансформации восприятия от немыслимого к допустимому, включает в себя несколько направлений воздействия:

во-первых, подавление иррационального чувственного опыта рациональным намерением;

во-вторых, выход за пределы привычных нравственных рассуждений, обусловленных невозможностью морального выбора;

в-третьих, расхождением между знанием и экзистенциальным опытом воспринимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: «одновременно воспринимать немыслимое и допустимое событие».

Не вызывает сомнений, что постоянно эволюционирующие новые технологии существенным образом изменили и будут изменять способы воздействия на общественное мнение, проникая в основные сферы жизни общества, трансформируя способы коммуникации, изменяя модели поведения как коммуникаторов, так и целых аудиторий.

Список использованных источников

1. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Т.А. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – Москва : Издательство МГУ, 1984. С. 173-179.
2. Ситнова И. В. Социально-психологические факторы формирования общественного мнения в условиях современных военных конфликтов // Материалы докладов VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов» / Отв. редактор В. А. Мансуров, 2020. – С. 1065-1069.
3. Хавренко Е. Окно Овертона как технология расчеловечивания людей / <http://bourabai.kz/articles/overton.htm> (просмотрено 03.11.21).

Соловей Лариса Болеславовна

канд. психол. наук

доцент кафедры педагогики и психологии

Московский государственный

гуманитарно-экономический университет (Россия, г. Москва)

(e-mail: larisa311@rambler.ru)

Митрофанов Евгений Петрович

кандидат экономических наук

заведующий кафедрой цифровых технологий

Московский государственный

гуманитарно-экономический университет (Россия, г. Москва)

Мещанин Роман Алексеевич

бакалавр

Московский государственный

гуманитарно-экономический университет (Россия, г. Москва)

Авторами статьи проанализированы такие факторы профессионального самоопределения студентов вуза, как профессиональные интересы и карьерные ориентации. Также дан анализ мотивов выбора профессии студентами. Проведенное исследование показало, что карьерные ориентации студентов недостаточно направлены на развитие профессиональной компетенции.

Ключевые слова: самоопределение, профессиональное самоопределение, профессиональные интересы, карьерные ориентации, мотивы выбора профессии.

ANALYSIS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF UNIVERSITY STUDENTS

Solovey Larisa Boleslavovna

Candidate of Psychological Sciences,

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

Moscow State University of

Humanities and Economics (Russia, Moscow)

(e-mail: larisa311@rambler.ru)

Mitrofanov Evgenii Petrovich

Candidate of Economic Sciences

Head of the Department of Digital Technologies

Moscow State University of

Humanities and Economics (Russia, Moscow)

Meshanin Roman Alekseevich

Bachelor

Moscow State University of

Humanities and Economics (Russia, Moscow)

The authors of the article analyzed such factors of professional self-determination of university students as professional interests and career orientations. The analysis of the motives for choosing a profession by students is also given. The conducted research has shown that the career orientations of students are not sufficiently focused on the development of professional competence.

Key words: self-determination, professional self-determination, professional interests, career orientations, motives.

По данным Росстата в условиях современной российской действительности треть выпускников вуза работают не специальности. Среди возможных причин трудоустройства выпускников не по специальности могут быть отсутствие вакансий, низкий уровень профессиональной подготовки, карьерные ориентации выпускников, а также то, что студент за годы учебы так и не самоопределился в профессиональном плане.

Профессиональное самоопределение является одной из множества форм самоопределения – личностного, социального, ролевого, нравственного.

С точки зрения Н.А. Богдана [2], самоопределившаяся личность – это субъект, осознавший свои жизненные планы, личностные качества, умеющий правильно оценивать свои возможности, понимающий, что от него хочет или «ждет» социальная общность, членом которой он является.

Вопросы, касающиеся профессионального самоопределения, рассматривались такими авторами, как Н.С. Пряжников, Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер, Е.М. Борисова, И.Л. Белых и др.

В частности, Н.С. Пряжников [5] определяет его как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом процессе самоопределения.

Е.М. Борисова [3] в структуру профессионального самоопределения включает профессиональные способности, профессиональную мотивацию, индивидуально-типологические особенности, самосознание.

Е.А.Климов [4] выделил основные факторы, которые влияют на выбор профессии (Климов Е.А., 1990, С.121-128): собственные склонности и способности; внешние и внутренние возможности; престижность выбираемой профессии; информированность о ней; позиции родителей, одноклассников, друзей и сверстников; потребности производства («рынка»); наличие определенной программы действий по выбору и достижению профессиональных целей.

Главная цель профессионального самоопределения, с точки зрения И.Л. Белых [1], - постепенное формирование внутренней готовности самостоятельно и осознанно планировать, корректировать, реализовывать перспективы своего развития.

При анализе профессионального самоопределения студентов вуза нами были исследованы их профессиональные интересы, карьерные ориентации, а также мотивы выбора профессии. Исследование было проведено со студентами

1 и 2 курсов Московского государственного гуманитарно-экономического университета. Всего в исследовании приняли участие 60 студентов факультетов психологии и педагогики и экономики. Для проведения исследования были использованы следующие методики: методика Э. Шейна «Карьерные ориентации», «Профиль» (модификация методики «Карта интересов» А. Голомштока), «Мотивы выбора профессии» (С.С. Гриншпун).

Методика Э. Шейна позволяет выявить следующие карьерные ориентации: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство. Методика «Профиль» (модификация методики «Карта интересов» А. Голомштока) предназначена для изучения интересов и склонностей человека к различным сферам деятельности. С помощью методики «Мотивы выбора профессии» (С.С. Гриншпун) выявляются ведущие мотивы профессиональной направленности.

Проанализировав полученные ответы студентов, мы получили следующие данные. Наиболее важным ориентиром при выборе карьеры для студентов служит стабильность места работы. На этот ориентир указали около 32,5 % респондентов. Необходимо отметить, что люди, ориентированные на стабильность места работы, испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения. Они очень ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании на рынке труда.

Почти 27,5% участников исследования указали, что для них важно служение в карьере. Респонденты, которые отмечают важность служения в карьере, часто ориентированы больше на ценности, чем на требующиеся в данном виде работы способности, стремятся приносить пользу людям, обществу, им очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они и не выражены в материальном эквиваленте. Главное для них – получить возможность максимально эффективно использовать свои таланты и опыт для реализации общественно важной цели.

Для 20 % опрошенных при выборе карьеры имеет значение объединение стилей жизни. Они хотят, чтобы организационные отношения отражали бы уважение к их личным и семейным проблемам. Выбирать и поддерживать определенный образ жизни для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не нарушает их стиль жизни и привычное окружение. Для них важно, чтобы все было уравновешено – карьера, семья, личные интересы и т.п. Жертвовать чем-то одним ради другого им явно не свойственно. Такие люди обычно в своем поведении проявляют конформность.

Значительно меньшее количество студентов выбрали карьерную ориентацию профессиональная компетенция. Лишь для 5% респондентов профессиональная компетентность имеет определяющее значение, 37%

студентов к данной карьерной ориентации относятся нейтрально. Карьерные ориентации студентов представлены на рисунке 1.

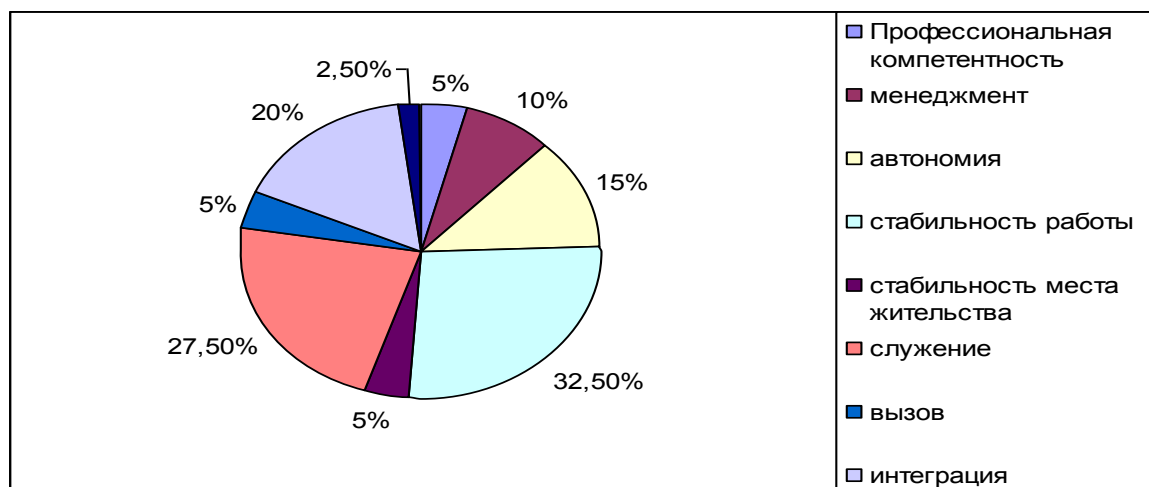

Рис. 1. Карьерные ориентации студентов

Анализ результатов выполнения методики «Профиль» (модификация методики «Карта интересов») показал, что 30 % респондентов проявляют наибольшую заинтересованность к предпринимательству и домоводству. Второе место занимают направления «Литература и искусство» (15%), «История и политика» (15%). По 12,5% студентов выбрали направления «География и геология», «Педагогика и медицина», «Спорт и военное дело». Профессиональные интересы студентов представлены на рисунке 2.

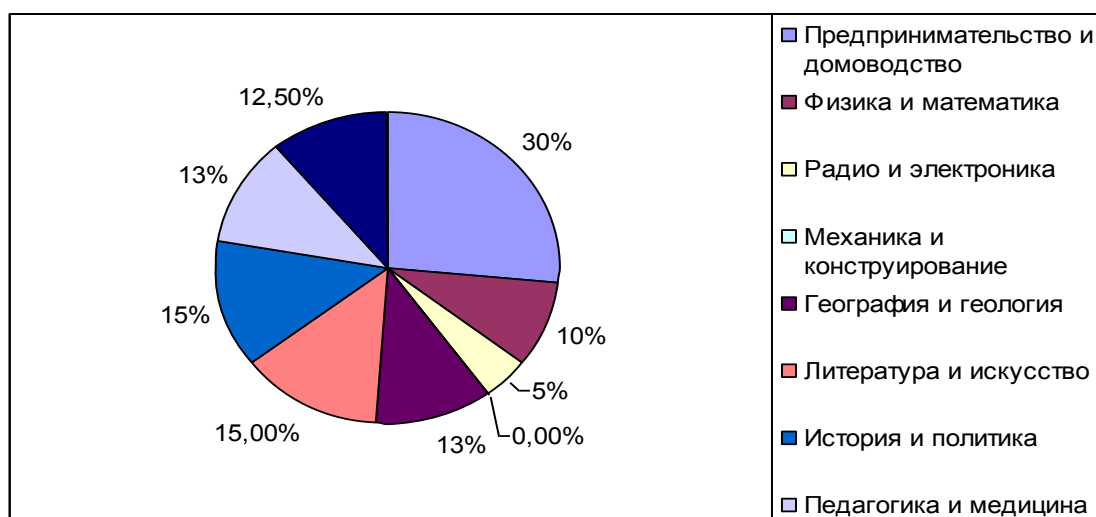

Рис.2. Профессиональные интересы студентов

Анализ результатов выполнения методики «Мотивы выбора Профессии» (С.С. Гриншпун) выявил следующее: у 40 % студентов преобладают мотивы делового характера, у 32,5% - мотивы материального благополучия, у 22,5% - мотивы творческой реализации. Мотивы престижности профессии выявлены

только у 5 % студентов. Мотивы выбора профессии студентов представлены на рисунке 3.

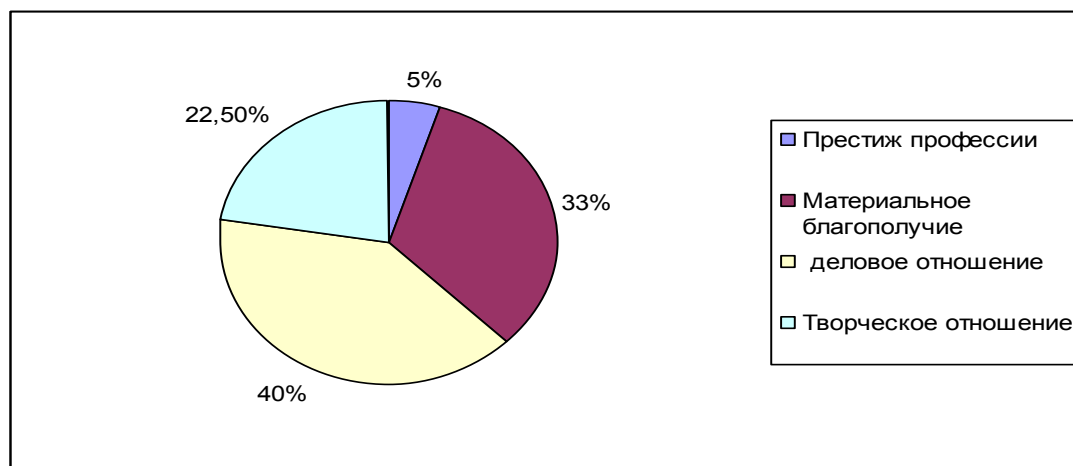

Рис.3. Мотивы выбора профессии студентов

Учитывая то, что в исследовании принимали участие студенты экономического факультета, можно сказать, что студенты выбрали направление обучения в соответствии со своими интересами. Необходимо отметить, к предпринимательству проявили интерес и студенты психолого-педагогического факультета. Психологию, как медицину и педагогику, можно отнести к гуманитарно-ориентированным профессиям. Т.е. выбор студентами обучения на факультете педагогики и психологии можно объяснить их интересами к гуманитарно-ориентированным профессиям. Но таких студентов всего 12,5%. Однако при этом карьерные ориентации студентов обоих факультетов недостаточно направлены на профессиональную компетентность.

Полученные результаты показывают, что особо важно уделять усилия на развитие профессиональной компетентности студентов. Студентам важно показать, ценность, значимость их профессии, ее многогранность. В частности, значимость профессии психолога особенно возрастает в современном обществе, когда обесцениваются традиционные человеческие ценности, что может привести к экзистенциальному вакууму, возрастанию агрессии, потере ценности жизни.

Важное значение приобретает осознанный выбор, как направления, так и сферы деятельности уже в период обучения в вузе для совершенствования профессиональных навыков в будущем, в том числе через обучение на специализированных курсах. Сферой деятельности студентов факультета психологии и педагогики могут быть как образовательные учреждения (дошкольное, школьное, средние и высшие учебные заведения), так и психологические центры. Важно оттачивание своих умений и навыков в таких видах деятельности психолога, как психологическое консультирование, диагностика, тренинговая работа, которые могут быть и основной сферой приложения сил для психолога.

Фундаментальным условием для профессионального становления студентов в будущем является развитие их профессиональных и личностных качеств. Развитие профессиональных и личностных качеств возможно как благодаря работе по саморазвитию, так и через прохождение тренингов, направленных на развитие коммуникативной компетентности, креативности, ассертивности, релаксационных способностей и т.д. В ходе этих занятий возможно и развитие рефлексивных навыков студентов.

Список использованных источников

1. Белых И.Л. Профессиональное самоопределение студентов вузов как путь реализации активной позиции личности. – Вестник Красс. ГАУ, 2012. №12.
2. Богдан Н.А. Профессиональное самоопределение студентов психологов [Текст]: учебное пособие/ Н.А. Богдан – Самара: Универс. Групп, 2009.
3. Борисова Е.М. Профессиональное самоопределение: Личностный аспект: дис...докт. психол. наук – Москва, 1995.
4. Климов Е.А. Как выбирать профессию. – М.: Просвещение, 1990
5. Пряхников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: Академия, 2007.

УДК 159.9

ЭКСПАНСИВНЫЙ РОСТ КОЛИЧЕСТВА КУРЯЩИХ ЖЕНЩИН КАК РЕЗУЛЬТАТ УСПЕШНОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ КАМПАНИИ

Сороцкий Михаил Самуилович

канд. филос. наук, доцент кафедры специальной психологии

ФГБОУ ВО "ТГПУ им. Л. Н. Толстого

(Россия, г. Тула)

(e-mail: mail@tsput.ru)

Статья содержит свободные от оценочного суждения самого феномена женского курения размышления самого автора, а также рефлексии о роли творческой личности в маркетинге, в продвижении товара по рынку, даже вопреки устоявшемуся общественному мнению.

Ключевые слова: табакокурение, событийный маркетинг, женская эмансипация, оральность, сублимация, регрессия.

EXPANSIVE GROWTH OF THE NUMBER OF SMOKING WOMEN AS THE RESULT OF THE SUCCESSFUL MARKETING CAMPAIGN

Sorotsky Mikhail Samuilovich

Cand. Philos. Sci., Associate Professor of the Department

of Special Psychology

FGBOU VO "TSPU named after L. N. Tolstoy (Russia, Tula)

(e-mail: mail@tsput.ru)

The article contains the author's considerations free from any judgement of the female smoking phenomenon, as well as speculations on the role of creative personality in marketing, product promotion on the market, even despite the established public opinion.

Key words: tobacco smoking, event marketing, female emancipation, sublimation, regression.

У мужчин курение — потребность, у женщин — кокетство.
Э.М. Ремарк

В первой четверти прошлого, двадцатого столетия победное шествие моды на табакокурение вынужденно замедлилось в силу общественного противодействия этому коммерческому проекту.

Преодолению стагнации в табачной промышленности Соединенных Штатов Америки после Второй мировой войны помогло обращение к опыту Э. Бернейса (Edward Louis Bernays; 1891 — 1995), племянника З. Фрейда, основателя современной теории пропаганды, гения маркетинга. Сам по себе, маркетинг (от англ. marketing «рыночная деятельность») представляет собой особый род деятельности, который направлен на удовлетворение рыночных потребностей. Цель маркетинга вполне тривиальна — максимальное извлечение прибыли. В самом широком смысле, общественное предназначение маркетинга состоит в «определении и удовлетворении человеческих и общественных потребностей» [1, с.22]

Среди множества значимых достижений Э. Бернейса наиболее известна организованная им кампания по развитию табачного рынка Соединенных Штатов Америки. Маркетинговая кампания, которую он реализовал с максимальной эффективностью, привела к тектоническим сдвигам не только на рынке табачных изделий, но и в самой культуре американского общества.

Достижению столь значимых целей в завоевании табачного рынка способствовало решение следующих задач: во-первых, способствовать формированию позитивного имиджа курящей женщины у американских обывателей и убедить потребителей в беспочвенности их опасений относительно зловредного воздействия курения сигарет (информативная функция рекламы), во-вторых, способствовать формированию предпочтения потребителей табачных изделий к конкретной марке сигарет (формирование избирательного спроса, увещательная функция рекламы), в третьих, способствовать длительному удержанию образа товара в долговременной памяти потребителей разнообразными нетривиальными акциями (напоминающая функция рекламы).

Э. Бернейсом все поставленные перед ним бизнесом задачи были решены блестяще, и желаемые цели были достигнуты с максимальной эффективностью.

Основываясь на прозрениях З. Фрейда, Э. Бернейс утверждал, что человек, по своей сути, является существом иррациональным, архаичные инстинкты человеческой толпы нуждаются в постоянном контроле и укрощении их культурой.

По мнению Э. Бернейса, убеждение масс должно быть основано вовсе не на апелляции к человеческому разуму, а на манипуляциях подсознательными чувствами и импульсами.

Ранее были вполне успешны разработанные и проведенные им на основе фрейдистского подхода и учения о высшей нервной деятельности И.П. Павлова пропагандистские кампании (пропаганда в среде военнослужащих, политическая пропаганда).

Э. Бернейс был уверен в том, что при должном понимании механизмов и мотивов группового мышления и группового поведения можно скрыто управлять человеческими массами по собственной воле, без их ведома.

Э. Бернейсом была сформулирована вполне очевидная, с точки зрения специалиста по связям с общественностью (англ. PublicRelations, PR) идея, основной смысл которой состоял в том, что усилия, направленные предпринимателями на преодоление застоя и расширения рынка табачных изделий должны быть переориентированы на поиск новой фокус-группы, целевой аудитории.

Поиск и привлечение неофитов, новых потенциальных потребителей табачного зелья приведет к всплеску продаж сигарет и «вольет новую кровь» в пустеющий рынок.

И, вне всякого сомнения, этим, еще не освоенным негоциантами рынком, этим вождленным *el dorado* («золотой страной») конкистадоров станет прекрасная половина человечества, до сих пор не познавшая всей прелести вдыхания дыма сигарет, папирос и трубачного табака.

Важно принять во внимание, что женское курение в пуританской Америке того времени было табуированным, оно рассматривалось как вызов консервативному, рутинному общественному мнению, а потому считалось недопустимым.

Тинейджеры и взрослые женщины страны, стесненные рамками устаревших общественных устоев, объединились в едином устремлении увековечить свое право на равенство с сильным полом.

Представительницы «слабого» пола желали быть не только драгоценным «сосудом» всяческих добродетелей, но и жаждали уравнивания и без того идеальной женской сущности наличием легкой порочности.

Отсюда, исходя из мысли Э. Бернейса, проистекает следующий необходимый посыл: капитаны табачного бизнеса в целях расширения бизнеса должны «оседлать» волну ширящегося в те годы в Соединенных Штатах Америки движения суфражисток, выступавших за женскую эмансипацию.

Таким образом, потребление табачных изделий независимыми от пошлых предрассудков женщинами возносится на недостижимую ранее потребительскую высоту, выходит за пределы сугубо мужского товарного потребления.

Следующий шаг в расширении границ развивающегося бизнес-проекта состоял в том, чтобы инкорпорировать в массовое сознание обыденность

самого акта курения, придать ему вид массовой привычки, иначе говоря, изменить существующую культуру потребления табака.

Одним из инструментов использованных Э. Бернейсом для внесения изменений в существующую культуру табакокурения, было введение им в практику продаж табачных изделий событийного маркетинга (event-маркетинг).

По мнению Э. Бернейса, интуитивного маркетолога, привлечение внимания заинтересованной, целевой аудитории необходимо увязать с каким-либо приметным событием, инициированным специально для компании (открытием магазина, ресторана, уличным шествием и пр.).

В событийном маркетинге наиболее ярко выразила себя чеканная формула из 10-й сатиры древнеримского поэта-сатирика Ювенала «*Panem et circenses!*» («Хлеба и зрелищ!»).

По мысли Э. Бернейса, любопытство публики, индуцированное неким событием («зрелищем») во время продажи/покупки определенного продукта, создаст дополнительную мотивацию для его приобретения потенциальными покупателями.

Соединенные Штаты, как одна из стран-победительниц в Первой мировой войне вступили (как показала последующая история) в краткую эпоху экономического и политического процветания. Стали более очевидными процессы эмансипации и интеграции женщин в ранее недоступные им области общественной жизни. Женское курение превратилось в весьма модный тренд той кипучей эпохи.

Очередным выигрышным ходом маркетинговой стратегии Э. Бернейса в расширении табачного рынка была проведенная им определенная «Воспитательная работа» с начинающимися и уже состоявшимися курильщицами, целью которой было убеждение потенциальных приобретателей сигарет «LuckyStrike» в их полной безопасности для здоровья.

Э. Бернейс обратил внимание на то, что в 1920-х годах в мировую моду вместо пышных форм вошла женская стройность.

Отныне влиятельных деловых мужчин, представителей американского истеблишмента более прельщает «женщина-подросток» с узкими плечами и бедрами, с короткой стрижкой.

Продолжая совершенствовать свой рекламный проект, Э. Бернейс заручился поддержкой известных модельеров от-кутюр, популярных фотографов и ангажированных им врачей, в один голос уверявших аудиторию, что «американский идеал красоты — это стройная женщина».

Лидеры мнений, заслужившие полное доверие общества и вызывающие симпатию у американских домохозяек, доказывали внимающей аудитории предпочтительность употребления определенной марки сигарет.

При этом реклама сигарет приобрела узко направленный характер, ее целевой аудиторией отныне являются женщины, стремящиеся соответствовать новым стандартам красоты, транслируемым с обложек модных журналов и билбордов.

Стараниями Э. Бернейса, предлагаемый им образ продаваемого товара (в данном случае, сигарет «LuckyStrike»), способствовал созданию особой атмосферы красоты, любви и безмятежности (косвенное внушение).

Реклама табачных изделий, в согласии с принципиальными положениями Э. Бернейса, предложила американским домохозяйкам из сельскохозяйственных штатов готовый рецепт достижения возжеленного стандарта (что важно, без особых физических женских усилий).

Разнообразная рекламная продукция «из каждого утюга» вещала и уверяла, что курение сигарет Lucky Strike гарантированно приведет к достижению желаемой стройности.

Результатом рекламной кампании American Tobacco со слоганом «Выбирай Lucky (Lucky Strike) вместо сладкого» (1928) стало изменение самой культуры потребления табачных изделий — пройден путь от маскулинного (ковбойского) самовыражения к фемининному (самодостаточная женщина).

Сигареты для женщин перестали быть просто аксессуаром (от лат. *accessorius* — добавочный), струйки табачного дыма стали символизировать новый жизненный стиль, реальное воплощение американской культуры потребления и демонстративную женскую независимость.

Развивая в своих маркетинговых стратегиях психоаналитический подход, Э. Бернейс посчитал необходимым обратиться за соответствующими разъяснениями и рекомендациями к известному психоаналитику, профессору Университета Дж. Хопкинса А. Брилли (A. A. Brill)

Практикующий психоаналитик, ученик и англоязычный переводчик его трудов А. Брилл (англ. Abraham Arden Brill; 1874 — 1948) был известен далеко за пределами страны как лидер и основоположник психоанализа в Соединенных Штатах Америки.

Исходя из постулатов психоаналитической теории, А. Брилл попытался дать собственное объяснение новому массовому женскому увлечению, достигшему к тому времени уровня никотиновой зависимости (*nicotine addiction*)

А. Брилл усмотрел в курении сигарет женщинами реализацию особой психологической защиты, описанной еще З. Фрейдом, а именно - сублимацию (от лат. *sublimo* — высокоподнимаю, возношу), сублимацию присущего женщине орального эротизма. Якобы, сигарета во рту определенным образом стимулирует оральную зону, именно поэтому женское желание закурить сигарету является желанием вполне нормальным.

Здесь мне бы хотелось обратиться к некоторым уточнениям термина «Оральный эротизм» в контексте идеи А. Брилла.

Как указывают современные психоаналитики Барнесс Э. Мур и Бернард Д. Файн (Moore, B. E. & Fine, B. D.), термин оральность (*orality*) представляет собой понятие обобщающее. «Общий термин для обозначения всех психических проявлений (механизмов, склонностей, интересов),

обусловленных ранними либидинозными или агрессивными функциями, связанными с ротовой полостью» [2, с.126].

Ранний период детского развития характеризуется тем, что все потребности ребенка, особенности его восприятия и самопрезентации, предъявления себя Миру, центрируются в оральной эрогенной зоне (рот, губы, язык, глотка и верхняя часть пищеварительного тракта).

В оральной зоне находят свое сосредоточение ощущения голода, жажды, удовольствия от стимуляции соском или его суррогатами (напр, соской-пустышкой), а также ощущения, сопровождающие акт глотания, и чувство наполнения желудка пищей.

Оральная зона доминирует в потребностно-чувственной жизни ребенка на протяжении первых полутора лет, в последующем уступая свое доминирование в организации психики другим эрогенным зонам (анальной, фаллической и генитальной).

Действия индивида обычно направлены на устранение орального напряжения, вызванного неудовлетворенными либидинозными потребностями (оральными влечениями), с тем чтобы придти к оральному удовлетворению.

Иначе говоря, мы можем рассматривать курение сигареты в качестве некоего суррогатного действия, снижающего уровень оральных влечений и, несомненно, ведущего к оральному удовлетворению.

Также, исходя из психоаналитического объяснения, курение может представлять собой определенную компенсацию курильщиком утраченного сосательного рефлекса.

Сосательный рефлекс, среди множества безусловных рефлексов новорожденного, коими наградила его Природа, обеспечивает его выживание во внешней среде.

Помимо своего участия в непосредственном утолении голода, активация сосательного рефлекса ведет к необходимой релаксации: получая материнское молоко посредством сосания материнской груди, младенец ощущает и человеческое тепло, и необходимое ему внимание. При нормальном развитии событий сосательный рефлекс угасает между тремя и четырьмя годами жизни ребенка.

Индивид, достигший возраста совершеннолетия, подобной возможности уже лишен. Именно поэтому достаточно взрослые люди, различными способами пытаются компенсировать собственное подсознательное стремление к материнской груди.

Одним из способов подобной компенсации, по мнению А. Брилля, и является курение.

Демонстрация взрослыми людьми чрезмерной оральности рассматривается в рамках психоаналитической теории как свидетельство об их психической регрессии.

«Регрессия (regression) Общий смысл – возвращение к более раннему состоянию или образу действий. В специальном значении – защитный процесс, при помощи которого субъект избегает (или пытается избежать) тревоги путем

частичного или полного возврата на более раннюю стадию либидного и эго-развития... Теория регрессии предполагает, что, за исключением идеальных случаев, инфантильные стадии развития преодолеваются не полностью, и поэтому более ранние паттерны поведения остаются как альтернативные способы функционирования» [3, с. 161]

Следующее социальное табу, которое посчитал необходимым преодолеть Э. Бернейс – это преодоление психологического барьера и запрета, ограничивающего публичное курение женщин, курение на улице и в других общественных местах.

Не будучи сторонним наблюдателем, являясь *volensnolens* со-причастным процессу женской эмансипации, Э Бернейс воспринимал происходящие в обществе метаморфозы достаточно неоднозначно, выделяя как положительные, так отрицательные их последствия.

В числе отрицательных последствий эмансипации он выделял подавление многих женских стремлений, в частности, уподобление паттернов фемининного поведения маскулинным, выполнение женщинами мужской работы, сокращение детности в семье.

При этом привлечение идеи орального эротизма, по мнению Э. Бернейса, является достаточно продуктивным не только для объяснения, но и для изменения моделей женского поведения, связанного с курением сигарет. Сигарета, в поднятой вверх женской руке, стала для него своеобразным символом, «факелом свободы».

Сигарета, в качестве «факела свободы» стала носителем особого смысла - разрушения табу на публичное курение женщин.

В 1929 г. Э. Бернейс набрал статисток, которые прошагали парадом на праздновании Пасхи, в Великую пятницу, по респектабельной Пятой авеню Нью-Йорка, размахивая в высоко поднятых руках сигаретами «Lucky Strike», своими «Факелами свободы».

Домохозяйки, марширующие с зажженными сигаретами, по самой знаменитой улице, проходящей «через самое сердце» Нью-Йорка — район Манхэттен, олицетворяли собой долгожданную эмансипацию женщин от претенциозного мужского шовинизма, паразитирующего на идее квази-недостатков, присущих женщинам.

На следующий день после этого маркетингового события (события, далеко выходящего за границы маркетинга) фотографиями публично курящих женщин пестрили первые полосы большинства американских изданий, в том числе и «Times», одной из самых известных мировых газет.

В результате ставшего широко известным прецедента поднялась волна общенациональных дискуссий, биполярно расколовших американское общество, «за» и «против» женского курения.

Итогом разрешения этого спорного вопроса и многочисленных дискуссий стало упразднение закона, запрещавшего женщинам курить в общественных местах (1930).

И это был закономерный триумф и Женского движения в целом в консервативной стране, в Соединенных Штатах Америки, и, несомненно, победа идей самого Э. Бернейса.

Список использованных источников

1. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг менеджмент. – 14-е изд. – Спб.: Питер, 2014. – 800 с.
2. Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Барнеса Э. Мура и Бернарда Д. Файна. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. (Библиотека психологии и психотерапии, Вып. 79). – 304 с.
3. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. – Спб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. – 288 с.

УДК 378.014:15

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ

Сосюра Надежда Владимировна

практический психолог

МОУ «ШКОЛА №85 ГОРОДА ДОНЕЦКА»

(ДНР, г. Донецк)

(e-mail: nadya.sosyura.00@mail.ru)

Цель работы состоит в изучении влияния детско-родительских отношений на психическое развитие дошкольников. В результате эмпирического исследования выявлено, что особенности детско-родительских отношений наиболее влияют на становление эмоционально-личностного компонента психического развития дошкольника, при этом связь между детско-родительскими отношениями и познавательным и социальным компонентов развития не прослеживается (отмечается только влияние сотрудничества с ребенком на развитие его памяти). Результаты исследования могут быть использованы с целью коррекции детско-родительских отношений и эмоциональной сферы дошкольников.

Ключевые слова: психическое развитие, детско-родительские отношения, дошкольный возраст.

THE INFLUENCE OF CHILD-PARENT RELATIONSHIPS ON THE MENTAL DEVELOPMENT OF PRESCHOOLERS

Sosyura Nadezhda Vladimirovna

practical psychologist

MOU "SCHOOL №85 OF THE CITY OF DONETSK"

(DPR, Donetsk)

(e-mail: nadya.sosyura.00@mail.ru)

The purpose of the work is to study the influence of child-parent relationships on the mental development of preschoolers. As a result of empirical research, it was revealed that the features of child-parent relations most affect the formation of the emotional and personal component of the mental development of a preschooler, while the relationship between child-parent relations and cognitive and social components of development is not traced (only the influence of cooperation with the child on the development of his memory is noted). The results of the study can be used to correct child-parent relationships and the emotional sphere of preschoolers.

Key words: mental development, child-parent relations, preschool age.

На современном этапе развития психолого-педагогической науки накоплено множество данных, демонстрирующих влияние различных факторов на психическое развитие ребёнка. Известный психолог В.Т.Кудрявцев совершенно справедливо отмечает, что «сегодня на семью уже нельзя смотреть как на фон или даже как на значимый контекст индивидуального развития. Семья – не только микросоциальная, но и специфическая макropsychическая общность... Семья образует для ребенка внутреннее пространство развития, а семейное воспитание обеспечивает освоение его ребенком» [1, с.18-19].

Семья является важнейшим из феноменов, сопровождающих человека в течение всей его жизни, поэтому в развитии личности ребенка семейному воспитанию отводится основополагающая роль (Б.Беттельхейм, Л.С.Выготский, И.С.Кон, Д.Майерс, А.С.Макаренко, К. Роджерс, С.Я. Рубинштейн, Э. Эриксон и др.). Особое значение имеет исследование влияния на развитие дошкольника системы детско-родительских отношений, так как во многом именно этот фактор формирует познавательную сферу и личностные особенности ребёнка.

Изучением отдельных аспектов детско-родительских отношений и стилей семейного воспитания занимались такие исследователи как Л.И.Божович, Л.С.Выготский, И.В.Дубровина, А.Г.Ковалев, А.К.Осницкий, Е.П.Панько, И.К.Фридман, влияние детско-родительских отношений и стилей воспитания на развитие личности ребенка исследовали Т.В.Архиреева, Н.К.Радина, М.И.Лисина, АИ.Силвестру, Н.Н.Авдеева, С.Д.Лаптенко, Е.М.Рахковская, С.Г.Якобсон, С.П.Тищенко и др.

По мнению А.Я.Варга и В.В.Столина, детско-родительские отношения – это система разнообразных чувств к ребёнку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимание характера и личности ребёнка, его поступков [2, 3].

Целью исследования является эмпирическое изучение влияние системы детско-родительских отношений в семье на развитие дошкольников.

Исследование проводилось на базе МДОУ «Ясли-сад». Выборку составили: 32 ребенка в возрасте от 5 до 6 лет, их родители.

При составлении диагностической программы мы исходили из того, что получение объективной и достоверной информации возможно лишь при условии применения нескольких методов психологической диагностики. Для

изучения особенностей развития познавательной сферы использованы следующие методики: «Сравни картинки» (произвольность внимания); «Домик» (изучение сформированности пространственных представлений); «Лабиринт» Л.А.Венгер, методика «10 слов» А.Р. Лурии (диагностика произвольного запоминания). Для изучения личностного развития использована методика исследования самооценки «Лесенка»; метод экспертных оценок для исследования эмоционального компонента (воспитателям предложены анкеты, ответы на которые конкретизируют проявления тревожности). Для исследования развития дошкольника как субъекта деятельности и оценки коммуникативной сферы детей применялся метод экспертного оценивания (родителям предлагалось заполнить «Индивидуальный профиль социального развития ребенка», в котором осуществлялась оценка развития социальных и коммуникативных качеств).

Диагностика особенностей детско-родительских отношений проведена с помощью тест-опросника родительского отношения А.Я.Варга, В.В.Столина.

Для выявления связи между характеристиками детско-родительских отношений и психическим развитием дошкольников был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона. Были получены результаты, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа детско-родительских отношений и показателей психического развития дошкольников

	Внимание	Пространственное восприятие	Наглядно-образное мышление	Память	Самооценка	Тревожность	Агрессивность	Социальная оценка	Общий показатель псих. развития
Кооперация	-0,05	-0,33	-0,19	** -0,46	** -0,54	** -0,82	** -0,70	-0,22	** -0,73
Симбиоз	0,26	0,05	-0,05	-0,2	0,07	* -0,40	** -0,47	0,08	-0,17
Контроль	0,13	0,16	0,03	0,18	0,15	* 0,43	0,23	-0,18	0,26
Отношение к неудачам	0,29	0,25	0,34	0,27	** 0,42	** 0,61	** 0,59	0,3	** 0,69
Принятие-отвержение	-0,3	-0,34	-0,34	-0,19	-0,3	** -0,72	** -0,74	-0,11	** -0,69

Примечание: * – значимость на статистическом уровне $p \leq 0,05$; ** – значимость на статистическом уровне $p \leq 0,01$.

По результатам корреляционного анализа на психическое развитие дошкольников наиболее влияют такие особенности детско-родительских отношений:

1. Кооперация: получена значимая обратная связь между показателем шкалы и уровнем развития памяти ($r=-0,046$; $p\leq 0,01$), самооценки ($r=-0,054$; $p\leq 0,01$), тревожности ($r=-0,082$; $p\leq 0,01$), агрессивности ($r=-0,070$; $p\leq 0,01$), общим показателем психического развития дошкольника ($r=-0,073$; $p\leq 0,01$). Эта взаимосвязь показывает, что при наличии сотрудничества с ребёнком к ребёнку его психическое развитие проходит интенсивнее. Искренний интерес к тому, что интересует ребенка, высокая оценка способностей ребенка, поощрение самостоятельности и инициативы способствуют формированию всех компонентов психического развития ребёнка. При этом отсутствие сотрудничества с ребёнком, заинтересованности в его деятельности негативно влияет на общий уровень психического развития дошкольника и отдельных его компонентов.

2. Симбиоз: получена значимая обратная связь между показателем шкалы и уровнем развития тревожности ($r=0,040$; $p\leq 0,05$) и агрессивности ($r=-0,047$; $p\leq 0,01$): если родитель стремится быть ближе к своему ребёнку, удовлетворять его основные потребности, то у дошкольника снижается тревожность и агрессивность дошкольника. Соответственно, психологическая близость родителя к ребёнку влияет на эмоционально-личностный компонент психического развития.

3. Контроль: получена значимая прямая связь между показателем шкалы и уровнем развития тревожности ($r=0,040$; $p\leq 0,05$): чем больше родители контролируют своего ребенка, ведут себя авторитарно по отношению к нему, тем более тревожным он становится. Соответственно, контроль родителями своего ребенка влияет на эмоционально-личностный компонент психического развития дошкольника.

4. Отношение к неудачам: получена значимая прямая связь между показателем шкалы и самооценкой ($r=0,042$; $p\leq 0,01$), тревожностью ($r=0,061$; $p\leq 0,01$), агрессивностью ($r=0,059$; $p\leq 0,01$), общим показателем психического развития дошкольника ($r=0,069$; $p\leq 0,01$). Эта взаимосвязь показывает, что при наличии отношения к ребенку как к неудачнику его психическое развитие замедляется, дети становятся более тревожными и агрессивными. Дети чувствуют себя беспомощными, опасаются играть в новые игры, приступать к новым видам деятельности. У них высокие требования к себе, они очень самокритичны. Уровень самооценки низок, такие дети и впрямь думают, что хуже других во всем, что они самые некрасивые, неумные, неуклюжие. Они ищут поощрения, одобрения взрослых во всех делах.

5. Принятие-отвержение: получена значимая обратная связь между показателем шкалы и тревожностью дошкольника ($r=-0,072$; $p\leq 0,01$), его агрессивностью ($r=-0,074$; $p\leq 0,01$), общим показателем психического развития ($r=-0,069$; $p\leq 0,01$). Эта взаимосвязь показывает, что при росте положительного отношения родителей к ребёнку дошкольник становится менее тревожным и агрессивным. Общее положительное отношение к ребенку, его принятие и поддержка способствует адекватному развитию эмоционально-личностного компонента психического развития дошкольника. Соответственно, родители, которые эмоционально отвергают своих детей, не получают удовольствия от

общения с ними, не любят их, негативно влияют на общий уровень развития эмоционально-личностного компонента психического развития дошкольника.

Таким образом, особенности детско-родительских отношений наиболее влияют на становление эмоционально-личностного компонента психического развития дошкольника, при этом связь между детско-родительскими отношениями и познавательным и социальным компонентами развития не прослеживается (только наличие сотрудничества с ребенком положительно влияет на развитие его памяти).

Результаты исследований могут быть использованы с целью просветительской и консультативной работы, коррекции детско-родительских отношений и эмоциональной сферы школьников. А также для профилактики противоправных форм поведения и неконструктивного взаимодействия как со взрослыми, так и со сверстниками. Результаты исследования показывают, что психокоррекционная работа может вестись как с самими детьми в форме обучения новым типам реагирования в сложных жизненных ситуациях, включая семейные конфликты, так и с их родителями, в частности, с помощью анализа стиля семейного воспитания и его коррекции.

Список использованных источников

1. Варга, А. Я. Структура и типы родительского отношения : автореф. дис канд. псих. наук : 19.00.01 / А. Я. Варга. – М., 1986. – 36 с
2. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: В 2 кн – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн. 1: Система работы психолога с детьми разного возраста. – 384с.
3. Столин В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: «Педагогика», 2006. – 212с.

УДК 159.9

ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПОДРОСТКОВО- ЮНОШЕСКОЙ СРЕДЕ: ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО- МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Устинова Наталия Валериевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: d-ustin.80@mail.ru)*

Проведено исследование особенностей ценностно-мотивационной сферы подростков и юношей с делинквентным поведением. В ходе исследования выявлены различия в ценностно-мотивационной сфере подростков и юношей с делинквентным поведением, а также не проявлявших делинквентное поведение. Полученные в ходе работы данные позволяют выделить основные особенности ценностно-мотивационной сферы подростков и юношей с делинквентным поведением, которые могут стать целью коррекции в ходе осуществления программ социализации.

Ключевые слова: ценностно-мотивационная сфера, делинквентное поведение, направленность, мотивационный профиль.

DIVIDING BEHAVIOR IN ADOLESCENCE: FEATURES OF THE VALUE-MOTIVATIONAL SPHERE

Ustinova Nataliya Valerievna

*candidate of Psychological Sciences, associate professor
of the Department of Psychology Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: d-ustin.80@mail.ru)*

A study was conducted by the features of the value-motivational sphere of adolescents and young men with divinted behavior. During the study, differences in the value-motivational sphere of adolescents and young men with divinted behavior, as well as did not show delinquent behavior. The data obtained during the work allow to allocate the main features of the value-motivational sphere of adolescents and young men with divinted behavior, which may be the goal of correction in the implementation of socialization programs.

Keywords: value-motivational sphere, divinner behavior, orientation, motivational profile.

Нестабильная социально-политическая и экономическая ситуация в обществе часто накладывает отпечаток на социальное благополучие подрастающего поколения. Кризис института семьи приводит к деформации нравственного и правового сознания несовершеннолетних, усиливается правовой нигилизм, половая распущенность, увеличивается рост потребительских установок, что приводит к росту подростковой преступности [1].

Актуальность исследования особенностей ценностно-мотивационной сферы подростков и юношей с делинквентным поведением обусловлена тем, что в последнее время социализация молодого поколения происходит в условиях глубинных трансформаций современного общества на фоне сложных социально-экономических реформ и потрясений, ослабления воспитательного потенциала не только семьи, школы, но и других общественных институтов, кризиса пересмотра ценностных ориентиров, социально-экономической поляризации населения, что провоцирует возникновение поведенческих девиаций в обществе в целом, и молодежи в частности [2,4].

Целью исследования стало выявление особенностей ценностно-мотивационной сферы подростков и юношей с делинквентным поведением.

В ходе проведения исследования использовались: Тест-опросник измерения мотивации достижения ТМД (модификация тест-опросника А. Мехрабиана, адаптация М.Ш. Магомед-Эминова), методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана; методика диагностики направленности личности Смекала-Кучера.

Исследование проводилось на базе муниципальных образовательных организаций г. Шахтерска, а также Калининского районного отдела полиции г. Горловки Донецкой Народной Республики. Всего в исследовании приняли участие 60 подростков и юношей в возрасте 16-18 лет, из них 30 человек, состоящих на учете в органах полиции за совершение краж, грабежей, разбоев, нанесение телесных повреждений и иных преступлений различной степени тяжести, а также 30 человек, обучающихся в муниципальных образовательных организациях г. Шахтерска и не состоящих на учете в полиции.

Полученные результаты оценки терминальных ценностей по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича свидетельствуют о том, что в большинстве своем испытуемые с нормативным поведением ориентированы на ближайшее окружение. Испытуемые с делинквентным поведением в большей степени ориентированы на удовлетворение своих желаний. Такие терминальные ценности как «здоровье», «любовь» и «семья» одинаково приоритетны для обеих выборок, поэтому можно сделать вывод, что испытуемые одинаково ориентированы на ценности семейно-бытового круга.

Результаты сравнительного статистического анализа показали, что существуют значимые различия терминальных ценностей двух групп. Так, испытуемые с нормативным поведением больше ориентированы на «интересную работу» ($t=2,06$, $p\leq 0,01$), «наличие хороших верных друзей» ($t=4,11$, $p\leq 0,01$), «познание» ($t=3,29$, $p\leq 0,01$) «развитие» ($t=1,98$, $p\leq 0,05$). Испытуемые с делинквентным поведением большее значение придают «материально обеспеченной жизни» ($t=1,23$, $p\leq 0,05$) и «развлечениям» ($t=1,77$, $p\leq 0,05$).

При исследовании инструментальных ценностей было выявлено, что в большинстве своем испытуемые с нормативным поведением ориентированы на этические ценности и ценности общения. Испытуемые с делинквентным поведением в большей степени ориентированы на ценности самоутверждения и индивидуалистические ценности.

По результатам сравнительного анализа двух выборок установлено, что существуют различия инструментальных ценностей. Так, испытуемые с нормативным поведением большее значение придают «воспитанности» ($t=1,11$, $p\leq 0,01$); «образованности» ($t=3,21$, $p\leq 0,05$); «ответственности» ($t=4,61$, $p\leq 0,05$). Испытуемые с делинквентным поведением чаще выделяют «исполнительность» ($t=2,63$, $p\leq 0,05$); «широту взглядов» ($t=1,75$, $p\leq 0,05$) и «смелость в отстаивании своих взглядов» ($t=2,91$, $p\leq 0,05$).

Выявленные различия позволяют говорить о доминировании у испытуемых с делинквентным поведением индивидуалистической направленности и стремления к удовлетворению своих потребностей без учета моральных норм общества.

В результате диагностики по методике направленности личности Смекала-Кучера было выявлено, что у испытуемых с делинквентным поведением преобладает личная направленность (50%), это говорит о преобладании мотивов собственного благополучия, стремлении к личному

первенству и престижу. Испытуемые чаще всего бывают заняты собой, своими чувствами, переживаниями и мало реагируют на потребности окружающих людей. Это может приводить к игнорированию потребностей других людей и стремлению к удовлетворению своих потребностей любым доступным способом.

В группе подростков и юношей с нормативным поведением выявлено доминирование деловой направленности (40%), что отражает преобладание мотивов, связанных с достижением поставленной цели. Им характерны увлеченность в овладении новыми навыками и умениями, самим процессом деятельности, стремление к познанию.

Направленность на взаимодействие выражена слабо в обеих группах. Статистический анализ не выявил значимых различий в соответствующих показателях для испытуемых обеих групп.

Сравнивая показатели двух выборок по методике измерения мотивации достижения (ТМД) были выявлены значимые различия по фактору «избегания неудач» ($t=1,32$, $p\leq 0,05$). Данный показатель выше в группе испытуемых с делинквентным поведением, что говорит о концентрации на возможных сложностях, минимизации потерь в ситуации достижения своих целей, иногда даже ценой преобразования изначальной значимой цели, ее полного или частичного недостижения [3]. Это может приводить к повышению тревожности из-за постоянных сомнений и неуверенности в своих силах, занижению самооценки и уровня притязаний.

В результате использования в исследовании «Диагностики мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана удалось построить средний мотивационный профиль по группам испытуемых с нормативным поведением. Его можно отнести к прогрессивному типу, который характеризуется заметным превышением уровня развивающих мотивов над уровнем мотивов поддержания. Данный тип преобладает у лиц, добившихся успеха в учебе, а также характерен для личности с социально направленной позицией.

Выполнив сравнительный анализ двух выборок по методике диагностики мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана (рис.) можно отметить, что кривая показателей группы с нормативным поведением отличается превышением уровня развивающих мотивов над уровнем мотивов поддержания. Кривая показателей испытуемых с делинквентным поведением характеризуется маловыразительным профильным рисунком без отчетливых подъемов и спусков, и может быть отнесена к уплощенному типу «мотивационной структуры личности», что говорит о недостаточной дифференцированности мотивационной иерархии личности или ее полном отсутствии. Все основные мотивы в этой структуре практически равноценны, что создает большую энтропию, неопределенность в их реализации для субъекта.

Рис. Средние значения мотивационного профиля по группам

В результате статистического анализа были выявлены значимые различия по фактору «жизнеобеспечение» ($t=1,01$, $p \leq 0,05$), «общение» ($t=1,21$, $p \leq 0,05$), «общая активность» ($t=2,8$, $p \leq 0,05$). Совокупность различий по данным факторам говорит о том, что у испытуемых с нормативным поведением в большей степени сформирована социально направленная позиция, чем у испытуемых с делинквентным поведением. Через социальную активность проявляется жизненная позиция человека, его стремление внести свой вклад в развитие общества, реализовать себя в деятельности как личность.

Таким образом, в результате проведения исследования было выявлено, что подростки, которые ранее совершали преступления, характеризуются ориентацией мотивации на избегание неудач; их мотивационную структуру личности можно назвать не иерархизированной, а их ценности заключаются в свободе, независимости, удовлетворении своих потребностей без учета всех обстоятельств, преобладает направленность на себя.

Полученные результаты можно использовать при разработке коррекционных программ в ходе осуществления проектов социализации подростков и юношей с делинквентным поведением.

Список использованных источников

1. Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение: Теория и методология исследования / А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 256 с.
2. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
3. Техтелева Н.В. Особенности субъектности старшеклассников с различной степенью выраженности мотивации достижения успеха // Современные

педагогические и информационные технологии в образовании и медицине: сборник научных статей / под ред. Г.П. Котельникова.– Самара: «Инсома-пресс», 2015. – С. 303–305.

4. Чеснокова И.И. К вопросу о единстве самосознания и мотивационной сферы личности // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. – М.: Наука, 1988. – С. 73–77.

УДК 159.95

АНАЛИЗ СПЕЦИФИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ ПИСЬМА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Фархутдинова Юлия Низамутдиновна

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)
(e-mail: julia82.06@mail.ru)*

Статья посвящена анализу специфических нарушений письма у детей младшего школьного возраста. В статье рассмотрены причины возникновения специфических нарушений письма, в частности дисграфии, представлены результаты психолого-педагогического исследования особенностей письма младших школьников. На основе выявленных ошибок проанализированы возможные механизмы специфических нарушений письма.

Ключевые слова: специфические нарушения письма, дисграфия, письменная речь, высшие психические функции.

ANALYSIS OF SPECIFIC WRITING DISORDERS IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS: NEUROPSYCHOLOGICAL ASPECT

Farkhutdinova Julia Nizamutdinovna

*candidate of Psychological Sciences, associate professor
of the Department of Psychology
Donetsk National University (DPR, Donetsk)
(e-mail: julia82.06@mail.ru)*

The article is devoted to the analysis of specific writing disorders in children of primary school age. The article examines the reasons for the occurrence of specific writing disorders, in particular dysgraphia, presents the results of a psychological and pedagogical study of the peculiarities of writing in junior schoolchildren. On the basis of the identified errors, possible mechanisms of specific violations of the letter were analyzed.

Key words: specific disorders of writing, dysgraphia, written speech, higher mental functions.

Важной составной частью учебного процесса является своевременная подготовка к обучению и овладению школьной программой в соответствии с возрастными нормами. Однако на современном этапе наблюдается тенденция

увеличения количества детей без грубых мозговых патологий, но испытывающих трудности в обучении. Среди таких нарушений выделяют трудности, связанные с развитием у детей устной и письменной речи. Чаще всего у учащихся общеобразовательной школы наблюдаются специфические нарушения письма (10% - 25% ч.) [4].

Проблема, связанная с трудностями письма, рассматривается в исследованиях П.К. Анохина, Т.В. Ахутиной, Л.И. Вассермана, Ж.М. Глозман, О.Б. Иншаковой, А.Н. Корнева, Н.К. Корсакова, Р.Е. Левиной, А.Р. Лурия, В.Д. Мазиной, Ю.В. Микадзе, Н.К. Монаковой, И.Н. Садовниковой, А.В. Семенович, А.Е. Соболевой, А.С. Цветковой и др.

На сегодняшний день существует два основных направления в изучении механизма специфических нарушений письма: психолого-педагогическое и нейропсихологическое.

Так, в отечественной психолого-педагогической литературе под нарушениями письма у детей подразумевают дисграфию и дизорфографию. При этом *дизорфография* связана с нарушением реализации морфологического и традиционного принципов письма и проявляется в многочисленных орфографических ошибках. При *дисграфии* нарушается написание в соответствии с фонетическим принципом письма, появляется значительное количество специфических ошибок. В связи с этим термины «дисграфия» и «специфическое нарушение письма» используются как тождественные [5; 6].

В исследованиях ученых подчеркивается, что возникновение данных ошибок не связано с недоразвитием интеллектуальной сферы, с нарушениями работы анализаторов, с нерегулярностью школьного обучения.

Следует отметить, что в рамках психолого-педагогического направления не только накоплены сведения о симптоматике дисграфии у детей, но и имеются указания на патогенез этого расстройства. Исследователи приходят к выводу, что в основе дисграфии у школьников лежит нарушение или несформированность различных высших психических функций: устной речи, зрительного и зрительно-пространственного восприятия, памяти, мышления, внимания.

Однако в психолого-педагогической литературе отсутствуют данные о характере и соотношении ошибок при зрительно-пространственных, вербальных, мнестических или каких-либо других нарушениях. Помимо этого, мало изучена взаимосвязь состояния различных психических функций, системный характер их недоразвития. Все это не даёт возможности получить целостное представление о механизмах дисграфии у детей.

В связи с этим особого внимания заслуживает нейропсихологический подход к исследованию дисграфии у детей, который основан на фундаментальных теоретических положениях Л.С. Выготского и А.Р. Лурии о системном строении высших психических функций.

В нейропсихологических исследованиях большое внимание уделяется трудностям обучения, связанным с функциональной слабостью III блока мозга, в состав которого входят как серийная организация движений и речи, так и

программирование, регуляция и контроль деятельности [3; 7].

Так, у школьников с функциональной слабостью III блока мозга в письме обнаруживаются следующие специфические ошибки: персеверации, антиципации, пропуски букв и слогов, нарушения обозначения границ предложений и слов. Это дало возможность Т.В. Ахутиной выделить особый вид специфических нарушений письма - *регуляторную дисграфию* [1].

Также исследователи выделяют дисграфии, обусловленные недостаточностью других структурных компонентов письма, относящихся к блоку приема, переработки и хранения информации, а именно левополушарные и правополушарные гностические трудности. Так, по мнению А.В. Семенович, именно при левополушарных гностических трудностях наблюдается самое большое количество ошибок [7]. Описывая специфические ошибки письма при правополушарных гностических трудностях, выделяются ошибки, связанные с трудностями переработки зрительно-пространственной информации: смещения зрительно похожих и близких по написанию букв (*т-п, х-ж*); устойчивая зеркальность при письме букв *з, е, э, с*; смещения букв (*д-б, д-в, к-н*) и другие специфические ошибки.

Эмпирическое исследование особенностей нарушения письма проводилось с младшими школьниками МОУ «Новоселовская школа» и МОУ «Марьяновская школа» Старобешевского района г.Донецка. В исследовании приняли участие 60 детей (29 мальчиков и 31 девочка).

Для выявления специфических нарушений письма использовались написание диктанта и списывание с печатного текста [2].

Для изучения письма под диктовку был предложен специально отобранный диктант повышенной сложности, но соответствующий возрастным и программным требованиям учащихся. Во 2-4 классах диктант для учащихся проводился одним и тем же специалистом (учителем). Текст диктанта читался громко, с одинаковой скоростью, четкой артикуляцией, но в то же время без проговаривания сложных для написания мест в словах. Диктант после написания проверялся у каждого учащегося.

Для списывания с печатного текста каждый ученик использовал индивидуальные листочки с образцами контрольного текста. Важным условием являлось то, что дети должны были сидеть по одному за партой.

Проведенный анализ письменных работ учащихся показал, что 37 младших школьников (20 мальчиков и 17 девочек) допускали специфические и орфографические ошибки. Следует отметить, при проведении анализа специфических ошибок слухового диктанта и списывании с печатного текста контаминации (объединение элементов трех или более слов с различной комбинацией ошибок в виде пропусков, перестановок и смешений букв и/или слогов внутри данного объединения) не выявлены [2].

Следует отметить, что количество специфических ошибок менялось в зависимости от вида письменной работы. Так, наибольшее число специфических ошибок выявлено при написании слухового диктанта, который является наиболее сложным видом письма (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели результатов выполнения слухового диктанта у младших школьников

№ п/п	Типы ошибок	2 кл. Кол-во (шт.)	3 кл. Кол-во (шт.)	4 кл. Кол-во (шт.)	Всего ошибок (шт.)	%
1	Замены и смешения букв, обусловленные акустико-артикуляционным сходством звуков	55	52	52	159	37
2	Оптические ошибки	23	19	13	55	13
3	Моторные ошибки	56	28	24	108	25
4	Зрительно-моторные ошибки	32	17	10	59	14
5	Ошибки звукового анализа и синтеза	32	28	18	78	18
Всего		166	144	117	427	
%		39	34	27	100	

Из представленных результатов видно, что общее число специфических ошибок, допущенных в данном виде работы — 427 шт. При этом у учащихся 2 классов выявлено 166 шт. (39%), у учащихся 3 классов – 144 шт. (34%), у учащихся 4 классов – 117 шт. (27%), что свидетельствует о возрастных особенностях развития высших психических функций, ответственных за процесс письма.

Количество специфических ошибок, допущенных при списывании с печатного текста, значительно ниже, чем при написании слухового диктанта (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели результатов списывания с печатного текста у младших школьников

№ п/п	Типы ошибок	2 кл. Кол- во (шт.)	3 кл. Кол- во (шт.)	4 кл. Кол-во (шт.)	Всего ошибок (шт.)	%
1	Замены и смешения букв, обусловленные акустико-артикуляционным сходством звуков	56	45	26	127	34
2	Оптические ошибки	10	6	4	20	5
3	Моторные ошибки	47	31	22	100	27
4	Зрительно-моторные ошибки	15	21	11	47	13
5	Ошибки звукового анализа и синтеза	15	20	13	48	13
Всего (шт.)		128	123	76	374	
Всего (%)		34	33	20	100	

Из представленных результатов видно, что общее число специфических ошибок, допущенных при списывании с печатного текста — 374 шт. При этом у учащихся 2 класса – 128 шт. (34%), у учащихся 3 классов – 123 шт. (33%), у

учащихся 4 классов – 76 шт. (20 %).

Рассмотрим типы специфических ошибок, выявленных при выполнении письменных работ у учащихся.

Так, оптические ошибки (ошибки написания зрительно похожих букв) выявлено у 24 уч. (65%). Это связано со слабостью холистической стратегии переработки информации (смещения близких по зрительному образу букв (например, *ж* – *х*, *Т* – *П*), а также ошибки, связанные с зеркальностью (*д* – *б*, *У* – *Ч*) и дизметрией (*т* – *р*, *п* – *р*). Так, при списывании с печатного текста ученик 3 класса Витя С. вместо слова «лягушка», написал «лягуика» (рис. 1).

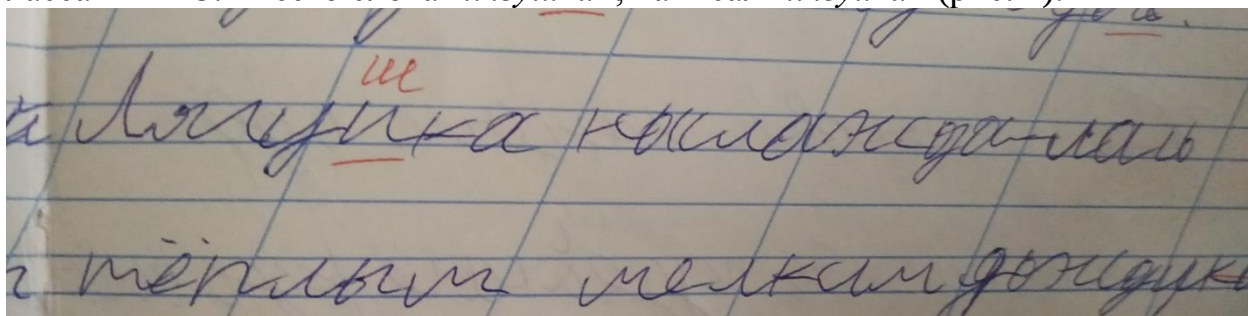

Рис. 1. Списывание с печатного текста (Витя С., 3 класс)

Данную ошибку можно интерпретировать как регуляторную. Кроме того, видно, что ребенок плохо держит строчку, что указывает на слабость функции переработки кинестетической информации.

В группе на замены и смещения букв, обусловленные акустико-артикуляционным сходством звуков, были допущены следующие ошибки.

Смещения букв, обозначающих гласные звуки в сильной позиции (*о-а*) допустили 15 уч. (41%). Так, ученица 2 класса Маша А. в диктанте написала «стол» вместо «стал», «искоть» вместо «искать» (рис. 2).

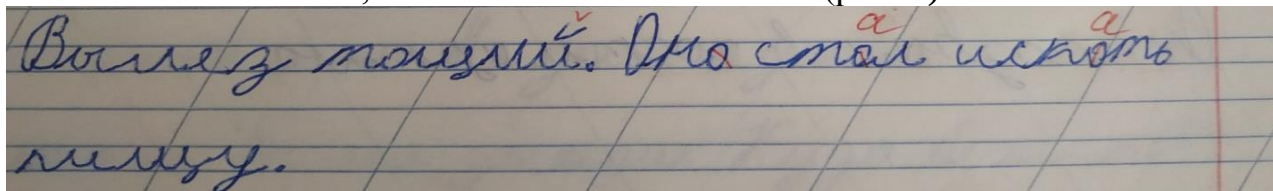

Рис. 2. Пример из диктанта (Маша А., 2 класс)

Специфические ошибки на смещения букв, обозначающие свистящие и шипящие согласные звуки допустили 11 уч. (30%). Так, ученица 2 класса Варя Р. в диктанте вместо слово «туца» написала «туца» (рис. 3).

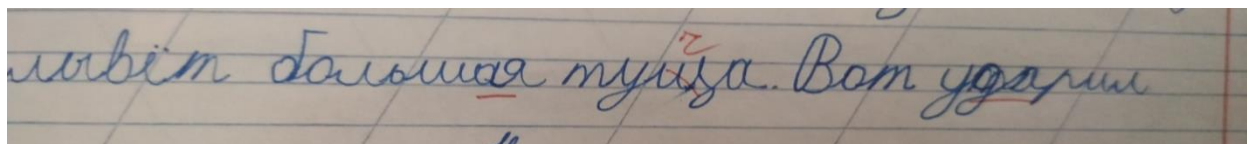

Рис. 3. Пример из диктанта (Варя Р., 2 класс)

В работах младших школьников отмечаются и смещения букв, обозначающих сонорные звуки [*р*] и [*л*]. Данная группа ошибок встречается у 10 уч. (27%). Так, ученица 2 класса Настя К. в диктанте вместо слова «залепляли» написала «зарепляли» (рис. 4).

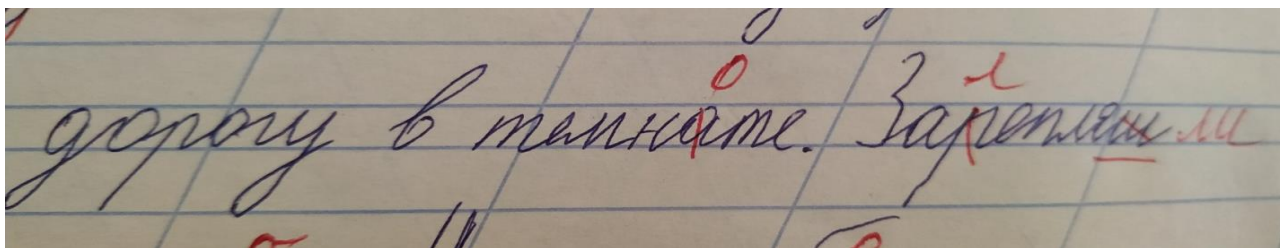

Рис. 4. Пример из диктанта (Настя К., 2 класс)

Можно предположить, что у этих учащихся имеются симптомы регуляторной дисграфии и для ее преодоления необходимо работать над развитием функций программирования и контроля произвольных действий и серийной организации движений.

Оптические ошибки, к которым относятся зрительно похожие по написанию буквы, допустили 24 уч. (65%). Так, в диктанте ученика 4 класса Семы Д. много ошибок по типу написания строчной буквы вместо прописной в начале предложения, смещения гласных в слабой позиции. Одновременно ученик плохо держит строчку, буквы неодинаковы по высоте (рис. 5).

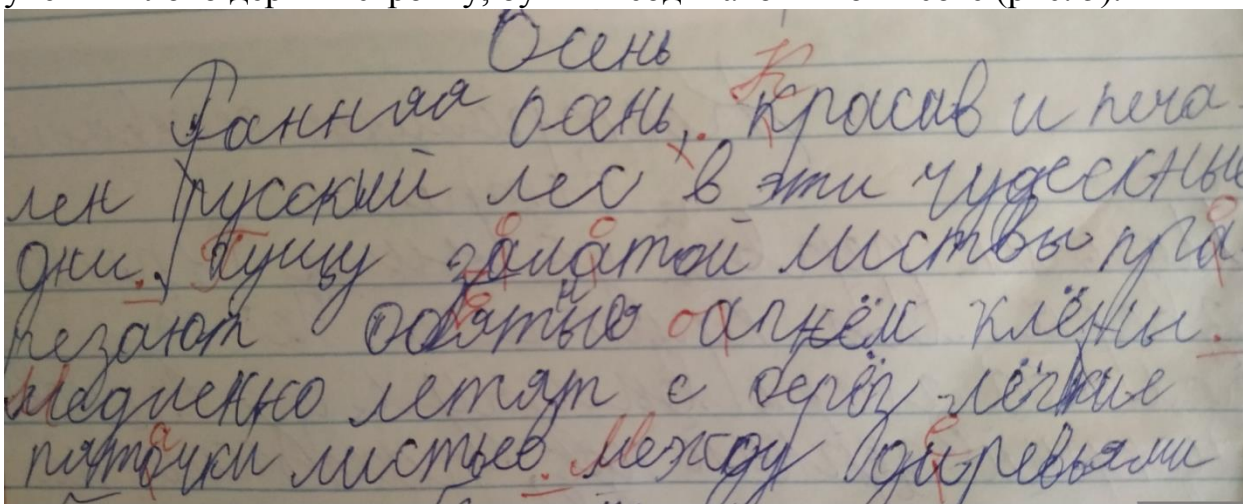

Рис. 5. Диктант (Сема Д., 4 класс)

Этот пример позволяет предположить наличие у ученика слабости как регуляторных, так и зрительно-пространственных функций. Кроме того, можно сказать, что у мальчика наблюдается дизметрия – несоблюдение размера букв. Однако необходимо учесть тот факт, что эти ошибки могут быть вызваны утомлением из-за слабости энергетического блока. Это относится и к использованию строчных букв вместо прописных.

Т. В. Ахутина отмечает, что подобные ошибки могут быть не только у детей с регуляторными трудностями, но и у детей со слабостью правополушарной холистической стратегии обработки информации [2].

Таким образом, результаты изучения письма у учащихся младших классов общеобразовательной школы показали, что специфические ошибки у детей были частотными. Количество ошибок, допущенных разными школьниками, сильно варьировало и являлось одним из критериев оценки тяжести нарушений письма. Исследовано, что наиболее распространенными ошибками являются замены и смещения букв, обусловленные акустико-

артикуляционным сходством звуков. Можно предположить, что имеющиеся у детей нарушения письма, могли быть обусловлены несформированностью как серийной организации движений, так и незрелостью блока программирования, регуляции и контроля деятельности.

Список использованных источников

1. Ахутина Т.В. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников: учебное пособие / Под общей редакцией Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М.: Секачев, 2008. 128 с.
2. Ахутина Т.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6-9 лет [Электронный ресурс] / Под редакцией Т.В. Ахутиной. М.: Изд-во В. Секачев, 2019. 281 с.
3. Ахутина Т.В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход : учебное пособие / Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева. СПб., 2008. 320 с.
4. Корнев А.Н. Дислексия и дисграфия у детей / А.Н. Корнев. Санкт-Петербург: Гиппократ, 1995. 224 с.
5. Лалаева Р.И. Нарушение чтения и письма у младших школьников. Диагностика и коррекция. Ростов н/Д: «Феникс», СПб: «Союз», 2004. 224 с.
6. Садовникова И.Н. Дисграфия, дислексия: технология преодоления : пособие для логопедов, учителей, психологов, студентов педагогических специальностей /И.Н. Садовникова. М. : ПАРАДИГМА, 2011. 279 с.
7. Семенович А.В. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста: учебное пособие / А.В. Семенович, Л.С. Цветкова, С.Н. Котягина, Е.Г. Гришина, Т.Ю. Гогберашвили; Под ред. Л.С. Цветковой. 2-е изд., испр. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. 296 с.

УДК 159.9

ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Чуканов Евгений Валериевич

ст. преп. кафедры психологии

Донецкий национальный университет (ДНУ, г. Донецк)

(e-mail: chukanove.v@gmail.com)

В статье рассматриваются особенности социальной идентичности в условиях социально-политического кризиса. Нестабильность социально-политических процессов отражается в структуре идентичностей личности. Происходит дестабилизация системы, в связи с чем возникает необходимость ее перестройки. Приведены результаты пилотажного исследования особенностей структурной организации социальной идентичности в условиях социально-политического кризиса.

Ключевые слова: личность, социальная идентичность, кризис идентичности, социально-политический кризис.

IDENTITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Chukanov Evgeniy Valeryevich

senior lecturer

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: chukanove.v@gmail.com)

The article examines the features of social identity in the conditions of socio-political crisis. The instability of socio-political processes is reflected in the structure of personal identities. There is a destabilization of the system, in connection with which there is a need for its restructuring. The results of a pilot study of the features of the structural organization of social identity in a socio-political crisis are presented.

Keywords: personality, social identity, identity crisis, socio-political crisis.

В условиях социальных преобразований приобретает актуальность изучение особенностей взаимодействия личности и социальной среды. Происходит переосмысление событий, смыслов культурной и исторической памяти, что влияет на сознание и приводит к сложностям социализации личности. Возникают трудности осуществления процесса самоидентификации в связи с отсутствием, либо недостаточностью эталонов и символов для ее полноценного протекания.

Нестабильность социально-политических процессов, личностью, может восприниматься следующим образом: трудности формирования образа будущего, дезадаптация, формирование установки отсутствия контроля в обществе, отказ в принятии инновационных методов социальной регуляции, негативизм, снижение качества жизни, отсутствие критериев оценки социальных процессов.

Рассматривая процессы социального познания в нестабильные периоды общественного развития, Г.М. Андреева выделяет ряд показателей, которые наиболее ярко характеризуют спорность исторического процесса на этапе радикальных изменений. Среди них важное место занимает кризис социальной идентичности, который обозначается как особенное состояние сознания, когда большинство социальных категорий, при помощи которых человек обозначает себя и свое место в мире, воспринимаются утратившими свои границы и ценность [1].

Изменения идентичности происходят, когда человек оказывается в новых для него социальных условиях. В связи с этим представления личности о себе, других, среде подвергаются трансформации, и возникает новая иерархия социальной идентичности. Для системы идентичности характерна стабильность, которая достигается путем интеграции различных аспектов ее идентичности. Если в результате изменения социального окружения доминирует и становится ведущей ранее не актуализированная идентичность, происходит перестройка всей системы идентичностей. Если на первый план выходит одна из базовых идентичностей, то наблюдаются минимальные изменения, потому что связь внутри базисных идентичностей более стабильна

и прочнее. Если доминирующей становится одна из временных идентичностей, то наблюдается дестабилизация системы и необходима перестройка системы идентичностей для достижения стабильности. Достижение устойчивости может продолжаться длительное время. Таким образом, можно констатировать сложность, многоуровневость, целостность системы идентичностей, которая содержит базисные и локальные идентичности.

Опираясь на теоретический материал, нами предпринята попытка исследования социальной идентичности у лиц, проживающих в нестабильных социально-политических условиях. Данное исследование является пилотажным и требует дальнейшей разработки проблематики.

В исследовании приняли участие студенты, проживающие в Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР) и Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Всего 85 человек, однако, на этапе пилотажного исследования было отобрано для участия в исследовании 60 участников. Общее количество испытуемых составило 60 человек (по 20 человек в каждой группе), возраст которых 19-21 год, из них 48 – девушек и 12-юношей.

Для исследования особенностей социальной идентичности нами использовалась методика исследования структурной организации социальной идентичности (Е.А. Петраш).

Автор опирается на концепцию многомерности социальной идентичности, что позволило выделить структурный, функциональный и содержательный аспекты. Структурный компонент раскрывает механизмы и закономерности, лежащие в основе собственной организации социальной идентичности; характеризуется показателями объема реализации и реализованностью социальных ролей. Функциональный план раскрывает особенности развертывания социальной идентичности во времени; реализуется через ролевую самооценку. Содержанием социальной идентичности является ролевая принадлежность.

Процедура проведения методики осуществлялась в несколько этапов. Первоначально респондентам предлагается составить список ролей, отвечая на вопрос: кто я? Далее необходимо объединить выделенные роли в следующие группы: семья, профессия, друзья, общественные отношения, досуг (интересы). На следующем этапе испытуемым необходимо дать характеристику каждой из перечисленных ролей, отвечая на вопрос: как я выполняю свою роль (по каждой роли отдельно). После оценки респондентам необходимо перечислить тех, в отношении кого (и какого количества людей) реализуется каждая социальная роль. Завершающим этапом процедуры является перечисление действий, в которых реализуется каждая из указанных социальных ролей [2].

В целом наблюдается снижение основных параметров социальной идентичности. Нет статически значимых различий по показателям количества социальных ролей и ролевых группировок, а также ролевому диапазону. Однако, наблюдается снижение количества социальных ролей у жителей ДНР и ПМР. Можно предположить, что снижение количества социальных ролей

приводит к социальной изоляции. Обнаружение личностью новой социальной позиции ведет к перестройке структуры социальных связей. Интенсивность социальных преобразований вызывает изменения в нормативной системе действий, ожидаемых от личности, в связи с чем снижается общее количество социальных ролей.

По показателям общего количества ролей по отношению к кому реализуется каждая социальная роль, реализованности социальных ролей, количеству успешных и неуспешных социальных ролей получены статистически значимые различия на 1% уровне.

Показатели количества ролевых группировок и ролевого диапазона находятся в пределах нижней границы нормы. Данные показатели отражают ролевую принадлежность личности. Низкий уровень ролевой принадлежности предполагает сложности в протекании процесса идентификации личности, формирования ценностных ориентаций. Наблюдаются различия в показателях ролевой самооценки участников групп. В целом, количество успешных социальных ролей преобладает над количеством неуспешных. Человек оценивает себя как субъекта деятельности, активность которого направлена на реализацию социальной функции. Данная функция обусловлена социальным статусом, на который влияет субъективная интерпретация и личностные характеристики.

В условиях нестабильных социально-политических процессов в обществе, с развитием системы коммуникации между разными социальными группами темы идентичности, социального определения, самоидентификации выходят на первый план. Изучение данной сферы позволит прорабатывать психологические проблемы, связанные с удовлетворением потребности в поиске смыслов, с пониманием индивидуальных возможностей и ресурсов, что будет обеспечивать чувство контроля над собственной жизнью у отдельной личности.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что параметры структурной организации социальной идентичности находятся в нормативном диапазоне, однако на уровне нижней его границы.

Список использованных источников

1. Андреева Г.М. Социальная психология в современном обществе: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 335 с.
2. Петраш Е. А. Социальная идентичность в норме и при нарушении : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.05; [Место защиты: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. - Курск, 2017. - 421 с. : ил.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОЛОГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Яновская Лариса Владимировна,

канд. психол. наук, доцент кафедры психологии

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: yanovlar1@mail.ru)

В статье рассмотрены основные особенности современного общества, которые следует учитывать при исследовании психологической идентичности личности. Сравниваются процессы развития личности, формирование идентичности и индивидуации.

Ключевые слова: идентичность, индивидуация, персона, развитие личности.

MODERN APPROACHES TO IDENTITY PSYCHOLOGY

Yanovskaya Larisa Vladimirovna,

cand. psychol. sci., Associate Professor of the Department of Psychology

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: yanovlar1@mail.ru)

The article discusses the main features of modern society, which should be taken into account when studying the psychological identity of a person. The processes of personality development, the formation of identity and individuation are compared.

Key words: identity, individuation, persona, personality development.

Психологическая идентичность представляет собой результат взаимодействия индивидуальных и социальных процессов. Развитию индивидуальных способностей и качеств способствует выбор определенной социальной роли, и неизбежный социальный контекст. Действительно, идентичность – это то, чем владеет индивид, присваивая или отрицая в процессе идентификации правила, нормы, принципы, цели, ценности и т.д. Другими словами, в результате развёртывания двуединого неразрывного потока индивидуализации – социализации и совершающейся при этом идентификации индивида идентичность – это интегрированный результат, обеспечивающий устойчивость личности в своих убеждениях, ценностях, целях.

Современной проблемой изучения идентичности, как отмечают многие исследователи, является то, что наш век – это период стремительных трансформаций в общественных отношениях, экономических, политических, культурных. В книге «Индивидуализированное общество» З. Бауман определяет три основные особенности современного общества: утрата контроля над социальными процессами; возрастающая неопределенность и незащищенность личности; и, - соответственно, снижение значимости и числа перспективных целей [2]. Человеку становится всё сложнее поддерживать

внутреннюю согласованность и устойчивость социального «Я». Теряются прежние границы и ценности, устойчивые социальные категории (классы, этнические группы), благодаря которым человек определял себя в социуме, все это приводит к кризису идентичности (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Н.М. Лебедева, В.Н. Павленко, Т.Г. Стефаненко, Н.Л. Иванова и др.) [1].

В силу этих причин культурно-духовная основа общества так же теряет стабильность и самооценку, что приводит к утрате личностью «смыслового отношения» к миру, к другим, к собственному «Я», возрастанию сложности жизненного выбора. В связи с этим личность испытывает насущную потребность в выработке собственных оснований для осуществления выбора и проектирования жизненной стратегии в целом. Человек формирует свою «систему личностных смыслов, определяющих индивидуальные варианты ценностных ориентаций и личностное регулирование поведения. ... Человек обретает устойчивость только в самом себе, устойчивость динамическую, устойчивость внутреннего устремления к Я, внутреннего назначения» [4, с.8] Можно говорить о том, что идентичность становится в большей степени индивидуальным, чем социальным процессом.

В этом ключе нам бы хотелось остановиться на сравнении процессов индивидуации и идентификации.

Психологический смысл идентичности состоит в посредничестве между личностью и обществом. Идентичность, словами аналитической психологии К.Г.Юнга, представляет собой Персону [7]. Персона представляет собой первую необходимую ступень для дальнейшей индивидуации. Как правило, это игнорируется в психотерапевтических практиках, поскольку считается, что каждый человек обладает «маской для взаимодействия с другими людьми», маской, которая более-менее соответствует требованиям его идеального Я с одной стороны, и требованиям окружающих с другой. Гораздо больше психологов привлекает работа с Тенью – бессознательным содержанием, фоном Персоны, – тем, что она (Персона) отталкивает, отбрасывает, тем, от чего она отталкивается, и получает возможность движения.

Взаимодействие этих двух субстанций составляет Эго – сознательный центр нашей психики. В целом эту картину можно представить как мандалу Дао – круг из белой и черной половины, где в черной есть начало белого, а в белой есть начало черного. Эта мандала находится в постоянном движении, изменяя и обновляя свое содержание. В этом смысле мы никогда не сможем избавиться от теневых, бессознательных тенденций, все время будут появляться новые. В этом же смысле, наша персонификация тоже будет постоянно меняться.

Одной из распространенных заблуждений современной психотерапии является представление о том, что проблемы являются порождением бессознательных (тневых) конфликтов, что психология личности продиктована бессознательным содержанием. Не оспаривая тот факт, что в бессознательном мы обнаруживаем причины некоторых проблем и опасений, все же ведущая регуляторная роль в психике человека принадлежит сознанию,

как более высшей ступени интеграции личности. Применительно к теме нашей статьи – состояние Персоны само может вызывать психологические проблемы, если идентичность личности конфликтна или недостаточно сформирована.

Очень уместной для иллюстрации данного положения видится цитата из древнекитайского текста.

Полутень спросила у Тени: «Раньше ты двигалась, теперь ты стоишь на месте, раньше ты сидела, теперь стоишь. Почему ты так непостоянна в своих поступках?» Тень ответила: «А не потому ли я такая, что я от чего - то завишу? А может, то, от чего я завишу, тоже от чего-то зависит? ... Приходит какая-то сущность, и я покорно следую за ее движением. Уходит сущность, и я ухожу вместе с ней. И если предмет обладает светимостью силы, то и я обретаю силу вместе с предметом. Только сила света влияет на все, и больше ничего ни на что не влияет» [3, с.96].

Сила света, это, конечно сознание. В терминологии аналитической психологии Юнга Самость, духовный центр человека, запредельный его личности, находящийся в коллективном бессознательном. Самость формируется, достигается, возвращается в процессе индивидуации, хотя сам этот процесс длится до предела жизни человека. Самость не присутствует от рождения, точнее, присутствует как еще не-осуществленное, и как неосуществленное, находится в небытии. Но свет Самости определяет путь жизни человека, он выступает как Зов, Призыв, чувство предназначения. Самость – некий ориентир, позволяющий осуществлять Выбор, различие между Добром и Злом.

«И если предмет обладает светимостью силы....». Персона ориентирована на Самость, если речь идет действительно о развитии личности, а не об адаптации человека к текущей ситуации. Персона ориентирована на ту деятельность, то состояние, те качества, которые делают человека более целостным, актуализируют его потенциальные способности. Характеризуя Персону, мы ориентируемся на ценности и цели, прежде всего, а также, на определенный имидж человека, на образ жизни. Персона – это «маска», которую одевает человек, чтобы достичь желаемого, осуществить свое Я. Персона – это также такой вид, чтобы «свои» приняли за «своего». Персона всегда ориентирована на определенную группу людей. (В скобках заметим, что Самость – это тоже то, что существует «между людьми»).

Специальное внимание проблеме идентичности уделено в концепции Э.Эриксона, где идентичность определяется как «субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности, постоянства некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [6]. Процесс формирования собственной идентичности сопровождает человека на протяжении всей его жизни. В «эпигенетической концепции жизненного пути человека» Эриксон среди выделенных им восемью возрастными периодами отмечает те «точки», где с особой ясностью проявляют себя проблемы становления идентичности, поворотные пункты, на которых изменяются представления о ней [6].

Каковы же основные социальные отношения и группы, благодаря которым личность обретает и развивает свою идентичность? Любая группа людей объединяется определенной совместной деятельностью, и структурируется, прежде всего, содержанием этой деятельности. «Способ «совместного держания» (содержание) этого предмета, т.е. характер распределения обязанностей, система взаимных ожиданий партнеров определяет форму совместности, характерную для данной общности» [5, с. 40].

В построении взаимодействия участвуют, по крайней мере, два субъекта, а в процессе развития изменение общности, - содержания и вида взаимодействия, сопровождается сменой ценностных ориентаций субъекта. Это изменение не обязательно означает, что новые отношения строятся с новым человеком (людьми). Важно, что в этих отношениях проявляется и формируется новая жизненная позиция. На каждом этапе развития присутствуют базисные общности или ступени развития человека как субъекта собственного развития.

В своей работе «Интегральная периодизация общего психического развития» Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. [5] характеризуют содержание, форму и тип межсубъектных отношений следующим образом.

На первом этапе развития ребенок вместе с матерью (или человеком, который ее замещает) начинает строить общение, которое не опосредовано знаками или другими элементами, а является некоторым непосредственным обращением одного человека к другому. Благодаря этой непосредственности, связь, обретаемая в живой близости матери и ребенка, названа ступенью оживления не только в честь знаменитого "комплекса оживления" - главного эмоционального центра этой ступени, но и подразумевает первоначальное «одушевление» жизни. Результатом освоения этого этапа развития субъекта является то, что ребенок осваивает собственную телесность, психосоматическую индивидуальность, включая себя в ритм и пространство общей жизни семьи. В теории Эриксона этот этап жизни связан с формированием базового доверия к жизненному процессу.

На втором этапе ребенок вместе с тем же близким взрослым осваивает уже иные, предметно-опосредствованные формы общения, это происходит как совместных предметных играх, но также ребенок начинает играть и говорить с воображаемым партнером. Здесь процесс идентификации, пусть еще совершенно неосознаваемый, начинает приобретать метафорические черты («как будто»). Два значимых новообретения ребенка относятся к этому этапу развития - прямохождение и речь – именно они позволяют ребенку телесно и «потребностно» отделить себя от окружающих. Хочется подчеркнуть, что прямохождение формируется на основе подражания, т.е. неосознанной идентификации, так же, как и речь основывается на стремлении к просоединению, со-причастности значимым другим. Этот этап представляет собой этап первоначального овладения культурными способами действий. И наиболее значимо то, что именно здесь ребенок впервые открывает для себя

(отталкиваясь от идентификации) свою субъектность, свое отдельное «я» в своих собственных хотениях и свободах.

На третьем этапе (мы уже говорим про школьный возраст) фокусом социального внимания и идентификации растущего человека становится «чужой» взрослый, имеющий значимость в системе социальных (профессиональных) ролей. Он может представлять собой учителя, тренера, старшего по возрасту соседа и др., вместе с которым подросток осваивает правила, понятия, принципы деятельности в различных сферах социально-культурной жизни. На этом этапе близкие люди тоже могут рассматриваться как представители какой-либо социальной группы. В Советском Союзе нередко родители брали на работу детей для того, чтобы показать, как и где они работают. К сожалению, ушла традиция и экскурсий на различные производства, фабрики, которые раньше организовывали в школах. Этот возрастной период важен тем, что именно в нем человек впервые осознает себя потенциальным автором собственной биографии, совершая первые сознательные выборы, формируя именно свои ценностные ориентации. В теории Эриксона этот период считается базовым для психологического благополучия личности, это период формирования Эго-идентичности. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. обозначают этот этап как персонализацию. – «Слово, соединяющее значение личины (маски, роли) и Лика, акцентирует, с одной стороны, кульминационный момент личностного развития - появление способности к саморазвитию (развитию собственной самости), с другой - принципиальную ограниченность данной ступени развития личности, еще не достигшей внутренней свободы - освобождения от власти любой самости, как своей, так и чужой» [5, с. 44].

На четвертом этапе, в возрасте ранней и средней зрелости ориентиром для активной идентификации становится большая социальная группа, в максимальной полноте – человечество, с системой общественных ценностей и идеалов. На данном этапе жизненного пути индивидуализация (как процесс присвоения) ценностей, соответствующих личностной позиции человека, составляет суть данной ступени развития субъекта общественных отношений. На этой ступени человек сознает не только свои возможности, но и ограничения, не только свои «лучшие» стороны, но и «презираемые» качества, на этом этапе его Персона имеет шанс, встретившись с Тенью, интегрировать свое Я. Актуальными для него становятся вопросы ответственности, способности отстаивать свою позицию, свое жизненное кредо. «В духовно-практической сфере бытия, которая и составляет содержание ступени индивидуализации, формулой субъектности могут стать слова Мартина Лютера: "На том стою и не могу иначе» [5, с.45].

Основные характеристики последнего, пятого этапа жизненного развития личности описываются психологами, которые допускают существование высших уровней духовного развития, как Универсализация. Этот этап подразумевает выход за пределы своей индивидуальности, который одновременно является входом в пространство общих сверхчеловеческих,

экзистенциальных ценностей. В гуманистической психологии этот процесс описан как самоактуализация, или самоосуществление. В экзистенциальном направлении – как «присутствие» или Dasein. В терминологии юнгианского анализа – обретение Самости. «А формулой субъективного проживания своей причастности к универсальному со-бытию являются слова апостола Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос! (Гал. 2,20)» [5, с.41].

Мы видим, что основные психологические детерминанты изменения идентичности (Персоны) определяются необходимостью развития личности, и на каждом возрастном периоде присутствует свой формат «со-общества», группы, с которой идентифицирует себя человек.

Таким образом, настоящее развитие идентичности подразумевает процесс индивидуации: углубление осознанности и само-рефлексии ведет человека от причастности к «малому» обществу к со-причастности со всем человечеством.

Список использованных источников

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru>
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 182 с.
3. Виногородский Б. ЧжуанЦзы. – М.: Эксмо, 2014. – 574 с.
4. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас, М.И. Патырбаева; науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.
5. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. №5. 1996. – С. 38-51.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.
7. Юнг К.Г. Тавистокские лекции. М: МЦНК и Т «Кентавр», 1994. – 236 с.

УДК 159.99

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ФАШИЗМА

Яновский Михаил Иванович

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
Донецкий национальный университет (ДНУ, г. Донецк)
(e-mail: m.i.yanovsky@mail.ru)*

В статье анализируется психологическая основа фашизма. Данная идеология трактуется не как идеология максимизации власти и контроля, а как идеология неравенства. Обосновывается идея о вероятной роли принципа «категорического императива» в формировании фашистской идеологии. Проанализировано место эмпатии в структуре личности, склонной к

фашистской идеологии. Выявлены когнитивные особенности и черты самосознания подобной личности.

Ключевые слова: фашизм, эмпатия, категорический императив, когнитивная схема, неравенство.

ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL NATURE OF FASCISM

Yanovsky Mikhail Ivanovich

candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: m.i.yanovsky@mail.ru)

The article analyzes the psychological basis of fascism. This ideology is interpreted not as an ideology of maximizing power and control, but as an ideology of inequality. The idea of the probable role of the principle of the "categorical imperative" in the formation of fascist ideology is substantiated. The place of empathy in the structure of a personality prone to fascist ideology is analyzed. Cognitive features and self-awareness traits of such a person are revealed.

Keywords: fascism, empathy, categorical imperative, cognitive schema, inequality.

Известный российский социолог и политолог С.Г. Кара-Мурза сетовал: «такое колоссальное событие в истории Запада, как фашизм, осталось практически не изученным и не объясненным» [2, с. 11]. Мешает пониманию этого явления замена его объективного анализа эмоциями по его поводу, отношение к нему как «пугалу», использование как ярлыка, который навешивается на то, что не нравится (как, например, в 2014 г. западная пропаганда использовала придуманный ярлык «рашизм» против неудобной для Запада российской власти).

В данной статье предлагаем наш вариант трактовки психологической сущности фашизма.

Говоря «фашизм», мы будем подразумевать в т.ч. и «нацизм», поскольку различие между этими явлениями, на наш взгляд, преувеличено. Оно стало больше фиксироваться в наше время, тогда как в середине XX века, т.е. в период реальной активной борьбы с фашизмом и нацизмом, различия между ними не считались существенными.

В качестве постановки проблемы приведем результаты исследования ярославских психологов А.А. Смирнова и Е.В. Соловьевой. Они реализовали попытку выяснить возможность блокировки «фашизации» личности (фашизация – формирование черт личности, совпадающих с особенностями фашистской идеологии). Исходя из общепринятого представления, что фашизм связан с состоянием выхолащивания эмоциональности, «бездушной» машинообразностью, исследователи предполагали, что блокировку «фашизации» способна осуществлять эмпатия. Однако реальный результат

исследования оказался иным: эмпатия не блокирует, а в значительной мере фасилитирует фашизацию личности [3; 4]. То, что это не случайный артефакт, подтверждается тем, что происходящая с 2014 г. фашизация населения Украины не приводит к потере традиционной для украинского менталитета сентиментальности.

Такого рода факты указывают на неадекватность имеющихся у нас представлений о психологической природе фашизма.

Попытки проанализировать фашизм в психологии предпринимались, и они связаны в основном с психоаналитической школой.

Так, по Э. Фромму фашизм – это «некрофилия» (любовь к смерти, вместо любви к жизни). Т.е. фашизм – извращение инстинктов жизни, доминирование танатоса, бегства от свободы, формирование садо-мазохизма. По К. Юнгу фашизм – это погашение сознания и экспансия коллективного бессознательного. В частности – архетипа Вотана (германского божества) или Тени. А. Адлер увидел причины фашизма в психологическом механизме сверхкомпенсации, обусловленной комплексом неполноценности, а В. Райх – в подавлении энергии либидо.

Однако эти известные всем теоретические трактовки основываются на понимании фашизма в первую очередь как *иррационального насилия*. Очевидно, это понимание возникает на основе эмоциональной реакции на него, выражает эмоциональное отношение к нему. Однако подобный взгляд поверхностен и ведет к противоречиям. Так, опирающийся на подобное представление о фашизме постмодернизм приходит даже ... к сотрудничеству с ним (повидимому потому, что иррационализм для самого постмодернизма нечто положительное).

Тем не менее, стереотип, что фашизм является крайней формой власти и контроля, на физическом, эмоциональном и ментальном уровне, распространен и закрепился в общественном сознании. Из него возникла идея, что фашизм – антипод свободы, и, значит, антипод либерализма. Это противопоставление практически общепринято.

Однако оно, на наш взгляд, является следствием смещения понимания фашизма с сущности на важное, но частное проявление. Так, абсолютная власть была и у монархий (французские короли Людовики, испанские короли, Чингизхан и т.д.). Но очевидно, что абсолютная монархическая власть фашизмом не является. Более обоснована точка зрения, что в действительности исходной идеей фашизма является постулат априорного, безусловного неравенства людей [2]. Так, для доктрин фашизма характерно деление людей на «людей» (или «сверхлюдей»), «недолюдей» и «антилюдей»; есть народы высшие (люди и сверхлюди) и низшие (недолюди и антилюди). Поскольку это деление не относительное, ситуативное, а как бы базовое, т.е. абсолютное, то оно провозглашается как биологическое. Например, Д. Донцов, создатель украинской версии фашистской идеологии – так называемого «украинского интегрального национализма», в одном из своих произведений утверждает, что русские («москвиты») – это не народ, а биологический вид (раса),

находящийся на дочеловеческом уровне. (Донцов является идеологического основой бандеровского движения; в современной Украине он оценивается как выдающийся национальный мыслитель, его именем названы улицы в 12 городах страны [9].)

Фашизм может сопровождаться концентрацией власти и контроля, использовать авторитарное государство как свой «футляр». Но в той или иной степени с либерализмом он совместим. Так, именно в либеральные США бежали многие европейские фашисты после второй мировой войны, именно в США в рамках «свободы слова» разрешена фашистская идеология. В 2014 г. украинские неонафашисты и либералы нашли «общий язык» для совершения государственного переворота. Очевидно, что либерализм может уживаться с фашизмом и не является его антиподом. Либерализм с фашизмом даже сходятся в общей ценности – конкуренции, с той разницей, что в фашизме декларируется конкуренция рас [2]. Более того, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, «фашизм доводит до логического завершения либеральную идею *конкуренции*» [2, с. 24], понимая человека биологизаторски, как хищное животное.

Подлинным антиподом фашизму, безусловно не совместимым с ним, являются идеологии, провозглашающие естественное (или духовное) равенство людей и единство человечества. В первую очередь это относится к коммунистической идеологии. Не случайно после Второй мировой войны адепты фашизма никогда не спасались в СССР.

Каковы истоки идеи априорного неравенства и в целом данной идеологии?

В создании фашизма были использованы идеи многих теорий, в частности: социал-дарвинизм (человек как животное; народы как виды, борющиеся за выживание), культ волевого начала (Шопенгауэр), культ сверх-человека и воли к власти (Ницше), иррационализм, отрицание разума в рамках философии жизни (Зиммель, Дильтей, Ницше, Бергсон). Однако *харизма* фашизма (а она есть, это явление обладает живучестью) возникает на почве специфического фашистского умонастроения. В первом приближении его можно охарактеризовать как переживание своей исключительности, элитарности. Но само такое переживание – по-видимому, следствие принципа, введенного в моральную философию И. Кантом. Речь о принципе «категорического императива», который по замыслу Канта, должен быть подлинной основой всей моральной системы личности.

Чтобы понять, что такое «категорический императив», нужно понять общую специфику теории Канта. По оценкам некоторых философов (П.А. Флоренский [5] и В.Ф. Эрн [6]), Кант создал теорию, в которой в структуре сознания человека нет места Трансцендентному Началу, т.е. Богу. Бог у Канта привносится в сознание искусственно, как полезное представление, но человеческое мышление и воля сами по себе, по Канту, Богу чужеродны. Поэтому Кант создает новый принцип – принцип как бы морального самовнушения, сознательного принуждения себя к вере в *полезную* иллюзию, принцип веры в «Бога» без Бога. Это и есть «категорический императив».

Категорический императив – это своего рода насилие над своим умом, сознанием, максимализм самоослепленного подчинения «долгу», искусственно и произвольно устанавливаемому мною самим, или другим человеком для меня. Т.е. я сам себе создаю то, что считаю моральным, или другой мне дает то, что я принимаю как мораль. В т.ч. я создаю «бога». Здесь и возникает тот умонастрой, который становится характерен для фашизма: переживание своей особенности, элитарности, исключительности на основе волевого максимализма, понимаемого как основа морали, как аналог религиозной веры². Но иначе и быть не может, если субъект претендует на то, чтобы создавать самого «бога» (и тем самым быть его *собственником*).

Категорический императив соприроден тому, что Brentano позже стал называть интенцией. Но для понимания эффекта, создаваемого замыканием сознания на категорическом императиве и интенции как своих основах, важно обратить внимание на то, что и у Канта, и у Brentano действует своего рода запрет на рефлексию, на «высвечивание» сознанием «корня» императива или интенции. Или декларируется принципиальная невозможность такой рефлексии, по принципу «как глаз не может видеть себя, так ум не может познать свой исток». Вместо рефлексии – сознание, что это «*моя*» интенция, это «*я*» реализую императив, т.е. рефлексия заменяется своего рода чувством собственности. Так происходит нагнетение чувства личности, чувства моего «*я*» как чего-то безусловного, как бы весомого и непроницаемо плотного.

Отношение к этому непроницаемому для рефлексии «*я*» априори не критично. Поэтому оно трансформируется в самокапсулирование, в частности в жаление себя, надежно защищенного как от внутреннего, так и внешнего усмотрения. Но саможаление, не меняя своей сути, может расширяться и распространяться на коллективное «*Я*», на «своих». Так и возникает эмпатия. Очевидно, такого рода эмпатия является основой группового эгоизма, и вполне сочетается с агрессивным противопоставлением «чужим». (Эмпатию следует отличать от сострадания. Эмпатия в большей мере есть выражение эмоциональной связи людей, «резонанса», тогда как сострадание – это мягкосердечие, эмоциональная «деликатность» [1].)

Таким образом, эмпатия у адептов фашистской идеологии не отсутствует, но носит избирательный характер, распространяется на свою общность: свою нацию, свою расу, своих единомышленников и т.д. Более того, эмпатия, можно полагать, у адептов фашизма может играть даже **большую** роль, чем у обычных людей, поскольку эмпатия к «своим» заменяет мораль как единые моральные нормы и для «своих», и для «чужих». Эмпатия, теплота, избирательно проявляемая к «своим», является частью той харизмы, которой фашистская идеология может привлекать новых адептов. Вследствие этого может

² При этом в сердцевине этого переживания элитарности – «травма» морального изнасилования. Этим, кстати, и объясняются удивительные претензии на элитарность у некоторых субэтнических групп, например, у галичанского субэтнуса, имевшего очень травматичный исторический опыт в рамках польского и австрийского государств. По механизму это явление аналогично армейской дедовщине: к ней особенно склонны те, кто в начальный период службы от нее пострадал больше других.

формироваться психотип, личность, противоречиво сочетающая в себе эмпатичность, теплоту с жестокостью, бездушностью, а также с претензией на элитарность, которая привносит в отношение к «чужим» *презрительность*. Классическое описание такого психотипа дал Ф.М. Достоевский в образе «Великого инквизитора». «Великий инквизитор» приписывает себе особую миссию – спасение человеческого стада от непомерного для людей бремени духовности. При этом он говорит, что им движет жалость к людям. Эту жалость можно трактовать как поверхностную эмпатию, прикрывающую презрение к «стаду», тем самым выражающую в особой форме переживание той же самой исключительности, элитаризма.

Фашистское сознание обладает также и когнитивной спецификой – своеобразным мышлением, которое соответствует описываемому умонастрою. Специфичность мышления обусловлена усилением чувства личности. Дело в том, усиление чувства личности является в то же время переживанием ограниченности своего «я». Переживание своей ограниченности может колебаться – от чувства себя как «маленького человека» до чувства себя как «сверхчеловека». В обоих полюсах это остается усиленным чувством личности, ее границы. Но эта ограниченность несет в себе *неравенство* как исходный когнитивный принцип: ограниченность – это всегда «я» или меньше других, или больше других. Поэтому можно сказать, что способ мышления приверженца фашизма основывается на фиксации неравенства как базовом типе соотношений объектов. Причем это не только приписывание неравенства людям, но и вообще невозможность *мыслительной операции* установления равенства. Такая невозможность – следствие отрицания Трансцендентного и его присутствия внутри сознания. Приведем поясняющий пример. «Тяжелое» и «легкое» – свойства лишь относительно разные («тяжелое» – это тяжелое относительно чего-то). На самом деле они равны в том, что реализуют одну и ту же *трансцендентную* идею: идею веса. Если же трансцендентное отрицается, то «тяжелое» и «легкое» из двух вариаций одного и того же превращаются в два отдельные, абсолютно разные свойства. Тогда неравенству приписывается субстанциональный характер. Поэтому здесь и неравенство не может мыслиться как ситуативное, относительное состояние, способное переходить в равенство. Происходит абсолютизация неравенства (по типу «плохие» и «хорошие» – это два исходно разных типа людей).

Соответственно, принцип расового неравенства в идеологии фашизма зафиксирован мышлением, в котором равенство невозможно. Относительным различиям народов приписывается константный, а именно – биологический характер.

Данная когнитивная схема, закрепляя относительные различия как субстанциональные, субстанциализирует и вообще оценочные характеристики. Субъективные оценки рассматриваются как очевидные свойства самого объекта оценивания, и тогда субъект оценивания оказывается вне оценки, вне рефлексии.

А-рефлексивность порождает следствие и для самосознания. Формируется неспособность объективно оценить себя с моральной точки зрения, в частности, теряется способность отличить в себе Я-реальное от идеала. Но также и от антиидеала. Происходит своего рода смешение, «сваливание в кучу» разных полюсов Я-концепции: идеал – антиидеал – Я-реальное. В одном из наших исследований [7; 8] был получен именно такой результат: под влиянием просмотра некоторых фильмов (где команда «воинов света» борется с «абсолютным злом») возникает эффект временной корреляции Я-идеал – Я-антиидеал – Я-реальное. Такая корреляция означает, что Я-реальное – заведомо идеально. В то же время быть плохим – это хорошо, а быть хорошим – это плохо (идеал = антиидеал). Т.е. это состояние, когда все полюса Я-концепции смешиваются, Сверх-Я, Я и Оно сливаются в одно. В человеке исчезают противоречия, сомнения – принадлежность к условно называемым «воинами света» заменяет моральную рефлексию. В пределе это состояние сдвига сознания в сторону животного, но уверенного в своем превосходстве над всеми в качестве «носителя добра». Не есть ли это «я», чувствующее себя Сверхчеловеком? При доминировании в сознании когнитивной схемы неравенства, это чувство выражает сознание безусловного превосходства, элитарности.

Таким образом, фашистской идеологии, по-видимому, соответствуют следующие психологические особенности субъекта: отказ от допущения Трансцендентного и создание полезного образа «как-бы-бога»; принятие волевого самопринуждения к вере в искусственные идеалы; элитаризм; блокировка рефлексии и замена ее саможалением; эмпатия к «своим», отказ от морали как общих для людей норм, принятие идеи априорного неравенства людей; блокировка мыслительной операции установления равенств, приписывание относительным неравенствам субстанционального характера; стирание различий между Я-реальным, идеалом и антиидеалом.

Список использованных источников

1. Голышева Н.В. Эмпатия и сострадание: психосемантическая реконструкция понятий // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2019. – № 1. – С. 105-111.
2. Кара-Мурза С.Г. Немецкий фашизм и русский коммунизм – два тоталитаризма // Кара-Мурза С.Г. и др. Коммунизм и фашизм: Братья или враги?: Сборник / Ред.-сост. И. Пыхалов. М.: Яуза-пресс, 2008. – С. 7-57.
3. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Взаимосвязь подверженности фашизму и каналов эмпатии у студентов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. – Т. 27, № 1. – С. 71-76.
4. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Фашизм как подверженность антидемократии и общий уровень эмпатии у студентов // Вестник интегративной психологии // Журнал для психологов / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 2020. Вып. 21. – С. 367-370.

5. Флоренский П.А. Космологические антиномии Иммануила Канта // Сочинения в 4 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1996. – С. 3-33.
6. Эрн В.Ф. От Канта к Круппу // Сочинения. М.: Правда, 1991. – С. 308-318.
7. Яновский М.И., Приймак А.Ю. Влияние фильма-боевика на моральные аспекты Я-концепции зрителя (постановка проблемы) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3. – С. 416-427. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-416-427
8. Яновский М.И. «Комплекс сверхчеловека» как разновидность структурной деформации Я-концепции // Национальная и гражданская идентичность: теория и практика: материалы заседания круглого стола, 22 марта 2019 г., г. Донецк. Донецк: ГОУ ВПО «ДонАУиГС», ГОУ ВПО «ДонНУ». – С. 70-73.
9. https://uk.wikipedia.org/wiki/Донцов_Дмитро_Иванович (дата обращения 25.11.2021).

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИМПТОМАТИКА У УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА С ПТСР В ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Ярмыш Ирина Александровна,

канд. психол. наук, доцент

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк)

(e-mail: yarmyshia@mail.ru)

В статье представлено исследование по выявлению особенностей проявления психологической симптоматики у участников вооруженного конфликта с посттравматическим стрессовым расстройством в посттравматический период. Проанализированы теоретические подходы к проблеме посттравматического стрессового расстройства; эмпирически исследованы проявления психологической симптоматики у участников вооруженного конфликта с «боевым ПТСР».

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, вооруженный конфликт, личностные особенности, психологическая симптоматика.

PSYCHOLOGICAL SYMPTOMS IN PARTICIPANTS OF ARMED CONFLICT WITH PTSD DURING THE POST-TRAUMATIC PERIOD

Yarmysh Irina Alexandrovna

Cand. psychol. Sciences, Associate Professor

Donetsk National University (DPR, Donetsk)

(e-mail: yarmyshia@mail.ru)

The article presents a study to identify the features of the manifestation of psychological symptoms in participants of an armed conflict with post-traumatic stress disorder in the post-traumatic period. Theoretical approaches to the problem of

post-traumatic stress disorder are analyzed; manifestations of psychological symptoms in participants of an armed conflict with "combat PTSD" are empirically investigated.

Key words: post-traumatic stress disorder, armed conflict, personality traits, psychological symptoms.

Актуальность. Исследование посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) приобретает всё большую актуальность не только в медицинском, но и в психологическом аспекте. Это связано, в первую очередь, с тенденцией к возрастанию частоты и степени выраженности последствий вооруженных конфликтов и локальных войн. Участие в вооруженных конфликтах часто приводит к возникновению осложнений различного характера. Эти осложнения достаточно долго сопровождают человека и его окружение уже в условиях бесконфликтной, мирной жизни, создавая ряд трудностей, которые невозможно оставлять без должного внимания.

Опыт стран, которые столкнулись с явлениями, возникающими после возвращения людей с войны, показывает, что участие лиц в событиях, связанных с риском для жизни, травматично воздействует на их психическое здоровье. Поэтому военнослужащие, которые принимали участие в боевых действиях, относятся к группе лиц с повышенным риском развития психогенных нарушений.

Это обуславливает изучение психологического состояния и особенностей проявления ПТСР у участников вооруженных конфликтов в посттравматический период, с целью реадaptации их к мирным условиям жизни, сохранения здоровья и трудоспособности.

Анализ научных источников показывает, что травматический стресс – это особая форма общей стрессовой реакции, при которой стресс перегружает психологические, физиологические и адаптационные возможности индивида и разрушает защиту. Травматический стресс – это реакция на ненормальные обстоятельства, состояние, которое возникает у человека, пережившего что-либо, что выходит за рамки обычного человеческого опыта [1].

Как отмечает Н.В. Тарабарина, в случаях, когда следствием травматического стрессового события становятся нарушения в сфере психики человека, стресс становится психотравмой. Психологическая травма – это не внешнее событие, а её психическая репрезентация [5].

Психологические последствия травматического стресса, которые привели к психотравме, в крайнем своем проявлении выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – это крайняя форма реакции организма, непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс [3, 5].

Участие в вооруженном конфликте подвергает личность интенсивному воздействию специфических психотравмирующих факторов, которые, в свою очередь, могут привести к появлению посттравматического стрессового расстройства (боевого ПТСР).

Психологами выделены психотравмирующие факторы вооруженных конфликтов, которые могут вызвать посттравматические расстройства у их участников. Они включают широкий спектр переменных, которые определяют те или иные реакции, состояние поведение участников вооруженного конфликта. Значимость влияния на психику тех или иных боевых стрессоров зависит от индивидуально-психологических особенностей и личностных качеств, типа нервной системы, профессиональной и психологической готовности личности, характера и уровня мотивации; степени боевой активности конкретного участника вооруженного конфликта, а также от значимости боевых действий для участника вооруженного конфликта [2].

Интенсивность переживания участником вооруженного конфликта боевого стресса зависит от взаимодействия двух основных факторов: силы и длительности воздействия боевых стрессоров на психику участника вооруженного конфликта и особенности реагирования участника вооруженного конфликта на их влияние.

Исследования боевого стресса (В.Г. Василевский, А.Б. Долгополук, Г.А. Растовцев, Т.Б. Дмитриева, С.В. Литвинцев, А.М. Тимченко, А.Н. Харитонов) показали, что боевые ПТСР более разнообразны, нежели ПТСР мирного времени в связи с аккумулированными переживаниями, физическим и психическим напряжением, горем утрат и сопереживанием. Психологи указывают, что отдельные проявления боевого ПТСР могут сохраняться и после исчезновения классической клинической картины [6].

Цель исследования – выявить особенности проявления психологической симптоматики у участников вооруженного конфликта с посттравматическим стрессовым расстройством в посттравматический период.

Объект исследования – участники вооруженного конфликта с боевым посттравматическим стрессовым расстройством.

Предмет исследования – особенности проявления психологической симптоматики у участников вооруженного конфликта с ПТСР в посттравматический период.

Гипотеза исследования: у лиц с боевым посттравматическим расстройством в посттравматический период снижена психологическая активность и преобладают негативные эмоции; у участников вооруженного конфликта с ПТСР в посттравматический период менее проявляются первичные симптомы и увеличивается частота проявления вторичных.

Для реализации цели и предмета исследования был использован следующий пакет диагностических **методик:** методика «Самочувствие, активность, настроение» (САН) В.А. Доскина; «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; «Шкала оценки влияния травматического события» (IES-R) М. Горовица; «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности» (СМОЛ) Дж. Кинканнона в адаптации В.П. Зайцева.

В качестве испытуемых выступили мужчины, участвовавшие в вооруженном конфликте и имеющие в анамнезе посттравматическое стрессовое

расстройство, диагностированное в соответствии с критериями МКБ-10 [3]. Объем выборки составил 45 человек. Выборка гомогенна по полу – все испытуемые мужчины; гетерогенна по возрасту – возраст респондентов составил от 27 до 45 лет (средний возраст 33 года); гомогенна по нозологическому признаку – у всех в анамнезе стоит диагноз ПТСР средней степени тяжести. Все получали последующую медицинскую помощь в стационаре. На момент проведения исследования ни один из респондентов не принимает участия в вооруженном конфликте. В основу формирования выборки был положен принцип добровольности обследования.

Результаты исследования. В результате анализа и интерпретации данных, полученных в ходе эмпирического исследования, было выявлено следующее:

у лиц с посттравматическим стрессовым расстройством в посттравматический период наблюдается в целом снижение эмоциональной активности, текущего настроения и самочувствия в сравнении с аналогичными показателями у лиц, не имеющих посттравматического стрессового расстройства. Достоверные различия на 5% уровне значимости по непараметрическому U-критерию Манна-Уитни.

Установлено, что у лиц с ПТСР в посттравматический период все показатели по шкалам: «Самочувствие», «Настроение», «Активность» находятся на низком уровне или в нижней границе средней оценки. Это указывает на преобладание комплекса негативных субъективных ощущений, отражающих степень физиологического и психологического дискомфорта.

У участников вооруженного конфликта с ПТСР выявлено повышение уровня личностной (44,2 балла) и реактивной (47,46 балла) тревожности. Данные лица имеют устойчивую склонность воспринимать большую часть ситуаций как угрожающих и реагировать на такие ситуации состоянием тревоги. Это, в свою очередь, приводит к снижению социальной реадaptации в посттравматический период.

В посттравматическом периоде проявление первичных симптомов ПТСР еще сохраняется, однако отмечается уменьшения частоты их проявления. Наиболее интенсивно еще проявляются симптомы «вторжение», «избегание» и «возбудимость». Это указывает на хронический характер протекания посттравматического стрессового расстройства у лиц с «боевым ПТСР».

В результате определения вторичной симптоматики с помощью «Сокращенного многофакторного опросника обследования личности» (СМОЛ) [4] у участников вооруженного конфликта с «боевым ПТСР», имеющих разную интенсивность переживания данного конфликта, выявлены профили личности, которые имеют как сходство, так и различия в исследуемых подгруппах. Сходными особенностями для участников обеих подгрупп является наличие подавленных, депрессивных состояний (показатели выше среднего, но разной степени выраженности). Различия проявляются в том, что для обследуемых, имеющих менее интенсивное переживание последствий вооруженного конфликта, характерно повышение показателей по шкалам «ипохондрия» и

«истерия», а для лиц с интенсивными переживаниями последствий вооруженного конфликта характерно повышение показателей по шкалам «депрессия» «шизоидность», «психопатия». В целом, у испытуемых обеих групп формируется устойчивая вторичная симптоматика посттравматического стрессового расстройства.

Дополнительный качественный анализ средних значений по «СМОЛ» в группе испытуемых позволил выявить несколько характерных тенденций:

- при анализе оценочных шкал было установлено, что респонденты дают достаточно искренние ответы; степень достоверности ответов так же соответствует норме; результаты по шкале коррекции говорят о неосознанной тенденции к контролю поведения, осторожности, однако отмечается желание представить себя в более выгодном свете, продемонстрировав строгое соблюдение социальных норм;

- анализ результатов базисных шкал показал, что при малейших неудачах появляется нарастание чувства внутренней напряженности: это часто приводит к затруднению в выделении значимых раздражителей и нарастанию негативных эмоций, компенсация которых достигается уходом из окружающей среды во внутренний мир; отмечается повышенная обидчивость, возбудимость и начинается демонстративное пренебрежение социальными нормами и ценностями;

- установлено, что в зависимости от уровня активности пренебрежение социальными нормами, ценностями проявляется как в гневных и агрессивных реакциях, так и выражается более или менее в пассивных формах. Протест против принятых норм может ограничиваться семьей и ближайшим окружением, но может приобретать генерализованный характер. Поведение плохо предсказуемо, отмечается неумение планировать будущее и предвидеть поступки и последствия своих действий. Все это приводит к снижению способности извлекать пользу из опыта и к повторным конфликтам с окружающими.

Выводы. Таким образом, у участников вооруженного конфликта с «боевым ПТСР» в посттравматический период тяжесть воздействия психотравмирующей ситуации обуславливает частоту и интенсивность проявления негативных психических изменений: менее проявляются первичные симптомы и увеличивается частота проявления вторичных симптомов; у лиц с боевым посттравматическим расстройством в посттравматический период снижена психологическая активность и преобладают негативные эмоции, есть проблемы в процессе социальной реадaptации.

Результаты данного исследования подтверждают необходимость психологического сопровождения лиц с «боевым ПТСР». Своевременная проведенная психологическая реабилитация среди участников вооружённого конфликта будет способствовать формированию осознанного восприятия себя, своего внутреннего состояния, эмоций, чувств, уверенности в своих силах, улучшению психологического здоровья личности в целом. Это, в свою очередь,

станет превенцией появления вторичных психологических нарушений и эмоциональных расстройств в посттравматический период.

Список использованных источников

1. Мищенко Л. В. Психическая травма. Практическое пособие (рус.) /Л.В. Мищенко. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2018. – 156 с.
2. Караяни А. Г. Психология боевого стресса и стрессменеджмента: учебное пособие для вузов / А. Г. Караяни.–2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 145 с.
3. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. – СПб: Оверлайн, 2010. – 300 с.
4. Зайцев В.П. Психологический тест СМОЛ /С.П. Зайцев // Актуальные вопросы восстановительной медицины. – 2004. – № 2. – С. 17-19.
5. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика/ Н.В. Тарабрина. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – 302 с.
6. Проблемы психологической безопасности: сборник / отв. ред.: А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабрина. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – 439 с.

Научное издание

Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 16.12.2021).

Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной

Технический редактор: Э.А. Ангелина

Издательство Донецкого национального университета
83001, Донецк, ул. Университетская, 24

